

Ломоносов и Петербургская Академия наук: материалы к столетней памяти его 1765–1865 года, апреля 4-го дня

I ДОНОШЕНИЕ ПРОФЕССОРОВ АКАДЕМИИ НАУК В С.-ПЕТЕРБУРГЕ НА АДЪЮНКТА МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

В июне 1741 года Ломоносов приехал в Петербург. Шумахер¹ определил его к переводам, поручил ему описание Минералогического Кабинета², в Адъюнкты не производил. За отсутствием Президента все управление Академии было в руках Шумахера, с которым враждовали Академики даже из немцев, в особенности же Француз Делиль³. Другим Советником Академической Канцелярии был, не задолго перед тем поступивший в нее, Нартов⁴, токарь и механик Петра I, человек неученый, но умный и с благоговением к памяти Петра соединявший любовь к просвещению и ясное понимание настоящих потребностей Русской жизни. С ним скоро сошелся Ломоносов, которого возмущали беспорядки в Академии. Для ее поправления, для блага России, он считал прежде всего необходимым удалить из Академии Шумахера, главнейшего виновника всех зол, предпринять издания на Русском языке и открыть при Академии Университет. 28 Генваря, 1742 года, Ломоносов был произведен в Адъюнкты. 8 Февраля Нартов подает, написанное большею частью Ломоносовым, доношение в Сенат, которому тогда была подчинена Академия, обвиняя Шумахера в различных беспорядках и в растрате казенных сумм. Вступление на престол Елисаветы, падение всесильных иностранцев и манифест с резким осуждением их действий подняли народный дух, произвели в России радостное впечатление. Чувства Русского общества и свои собственные к Елисавете в Биронщину Ломоносов живо передал впоследствии:

Взирая на дела Петровы,
На град, на флот и на полки,
И купно на свои оковы,
На сильну власть чужой руки,
Россия ревностно вздыхала,
И сердцем всякой час взывала
К тебе, защитнице своей:
Избавь, низвергни наше бремя
«Утешь печаль твоих людей!»⁵

Новый поворот в России не мог не отразиться на состоянии Академии. Приезд Ломоносова только ускорил начало борьбы, которая должна была рано или поздно открыться. Кроме Нартова в особых

доношениях Сенату жаловались на Шумахера: Академик Делиль, Комисар Камер, некоторые переводчики и пр.

Доношение Нартова — вот очень важный памятник в истории русского просвещения. То был первый протест русского общества против злоупотребления немцами русских народных средств. В доношении говорится, что «Петр повелел учредить Академию не для одних чужестранных, но паче для своих подданных»; что ныне благодаря самовольству Шумахера «Академия в такое несостояние приведена, что никакого плода России не приносит, кроме единого противными Петра Великого учреждениям поступками и Государственной казне убытка. Выписанные им, Шумахером, профессоры, какое в собраниях имеют рассуждение, то все выдают в печать на чужестранных диалектах, а прежние выдавали в российском диалекте, что и российский народ знал и чрез что любопытные люди пользовались, а ныне оное закрыто и обучение российского народу молодых людей оставлено, а производят в науку чужестранных, в которых Российской империи никакой пользы быть не может, кроме единого казенного убытка, который притом исходит на жалованье и на прочее, с чем оные по времени имеют бежать в свои отечества, а российского народа люди в чужих краях обучаются всегда на своем или на казенном же коште. Хотя же для лучшего произведения наук российских людей можно бы изыскать ученых несколько человек из россиян, но того ему, Шумахеру, в память не приходит, и слышать не хочет ни для чего иного, токмо чтоб его в своевольных и непорядочных поступках к сысканию своего интереса никто не мешал, и чрез такие непорядки и нерадение никто из российских людей в науках никаких с начала Академии не произведен».

Вследствие этого доношения последовал Высочайший Указ о нарядении особой Следственной Комиссии (под председательством адмирала Н. Ф. Головина из членов Действительного Камергера и Президента Каммер-Коллегии, Князя Бориса Григорьевича Юсупова⁶ и С.-Петербургского Коменданта, Генерал-Лейтенанта Степана Лукича Игнатьева. Головин был человек образованный, но слабый, в Комиссии он никогда почти не присутствовал, обыкновенно показываясь больным. Все следствие производили Игнатьев, человек малограмотный, но распорядительный. Князь Борис Григорьевич был одним из замечательнейших русских вельмож в Бироновщину. Письма его к Герцогу чувствами преданности решительно превосходят письма всех тогдашних наших сановников. Получив место губернатора, с сохранением Камергерского звания, Юсупов писал Бирону: «Припадая к Высочайшим стопам Вашей Высококняжеской Светлости, рабственно ноги целую и прославлять Высочайшее имя Вашей Высококняжеской Светлости и милость до смерти не перестану» и проч. Шумахер узнал о заговоре

против него через Канцеляриста Худякова, изменившего своим товарищам. Имея при Дворе сильных покровителей, особенно, кажется, в Принце Гессен-Гомбургском⁷, Шумахер написал ему в Москву и просил его защиты, а сам приказал профессорам давать уроки всем русским переводчикам, уже давно сдавшим свой экзамен, и все-таки учеников было меньше, нежели профессоров. Князю Юсупову уже замолвил слово Принц Гомбургский⁷, да и обвинения против Шумахера были такого рода и шли при том от низкого рода людей, что Следственная Комиссия не могла не оправдать Шумахера, который для нее был представителем власти и авторитета. В самом деле, доносители показывали, что Академия в свое 16-летнее существование не принесла России ожидаемой пользы, а между тем стоила ей огромных денег: ежегодно отпускалось на нее 24 912 р.; сверх того, на жалованье служителям и на уплату домов, в разные годы перебрано было из Статс-Канторы⁸ 104 429 р. Доносители говорили также, что Русские переводчики, имеющие познания в науках, получают жалованья гораздо меньше, нежели многочисленные и часто вовсе ненужные Немецкие писцы; «что Русских учеников Немецкие мастера так отменно обучают, что в двадцать лет их науке совсем выучиться человеку Русскому не можно», что в Гимназии есть учителя из Немцев, которые могли бы быть с большою пользою замещены Русскими; что, напр., учитель Фишер «такой Немец недостаточный и притом не малый пьяница, что русские с нуждою его разумеют и более за шута, нежели за учителя, принимают, что вообще Шумахер всячески притесняет Русских и норовит Немцам, определяет в Академию людей самых бесполезных, лишь бы только Немчина. Так, напр., в 1741 году Шумахером принят в Академию егерь иноземец Фридрих, для стреляния птиц в Кунсткамеру, с жалованьем в год по 200 р., «и со оного году настрелено им 60 птиц и принесено в Кунсткамеру, которых птиц в Охотном Ряду за малую цену купить можно». Зять Шумахера, Профессор Ботаники, Амман, занимал особый дом, купленный за 1500 р. от бывшего Президента Фон Бреверна. Дом был с садом, на покупку семян Амман⁹ получал по 50, по 100 р. и пр.; при саде был особый садовник, Штурм, с жалованьем 200 р. в год, а между тем «от оного огорода Ботанической науке ни единого из Российских учеников не обучено, а содержался тот двор и огород для прихотей Шумахера и Аммана, для удовольствия им трав и кореньев». Сам Шумахер занимал целый дом, употреблял без всякого контроля казенные дрова, свечи. Вообще он жил с большим комфортом. С 1727 по 1742 год он ежегодно брал по 400 р. на Кунсткамеру, на угощение знатных посетителей. В оправданиях своих Шумахер показал, что он брал эти деньги, основываясь будто бы на именном Указе Петра I, данном Блуменросту¹⁰ «словесно, для прибытия знатных

особ на их трактирование». Комиссия уважила и это оправдание Шумахера, хотя доносители справедливо возражали, что «знатные особы редко посещают Кунсткамеру, да и трактир для них от него, Шумахера, бывает не великий, и кроме кофе, водки и заедок не бывает, что на это в год изойдет не более 10 или 15 р. и что для этого следовало иметь особую книгу, а у него книги нет и в Ревизион-Коллегию¹¹ о том знать не дает. С 1736 года завел Шумахер шестивесельную шлюпку, которая с мундиром и жалованьем гребцов обходилась Академии не менее 200 р. в год. Отчетности у Шумахера не было никакой: деньги он требовал себе по словесным приказаниям, или по бумажкам, «принуждая расходчиков с угрозами». «И расходчики необходимо для себя принуждены по тем бумажкам, запискам и роспискам, домогаться, чтоб только к собранию той издержанной суммы для счету Указов к закрепе написать, а закрепить уже за непорядком того года не успевали. Из тех расходчиков, яко человек чрез годичное время что-либо забудет, а когда бумажку, или записку, каким случаем утратит, и от таких обстоятельств принуждены быть и они не в состоянии и впасть в великой недочет, из которых Коммисар Верещагин за то в солдаты написан, а Расходчик Петр Соколов от мнения скоростижною смертью умре. Хотя ж те Указы чрез год и куплены бывали, однако не в то время, в котором выдача произведена, но после, и в журнал записываны последними числами. Итак журналы и книги их расходные в Академии без всякого порядка находятся». Шумахера доносители обличали в неправильных расходах, в недоимках по Академии и по книжной лавке, в неоконченных счетах, всего на очень значительную для того времени сумму, в 27 179 р. с коп.

Всех этих подробностей слишком достаточно для того, чтобы угадать решение Комиссии. Наше шляхетство, именем дочери Петра Великого и помощью народа оттеснившее Немцев, вообще немного заботилось о Русской народности. Все эти Игнатьевы¹², Юсуповы, если не сознательно понимали, то чувствовали, что для всей их братии гораздо выгоднее иметь Академию с Шумахером и его Немцами, нежели «видеть Российскую Академию, из сынов Российских состоящую». Они даже хорошо понимали, к чему могла бы повести их слабость, какой бы они могли подать пагубный пример, обвинив Шумахера, всем другим учреждениям и ведомствам, точно так же не изъятим от некоторых человеческих несовершенств. Они сами на себе испытали дерзость и тех немногих Русских ученых, особенно Ломоносова, которые прямо объявляли Юсупова, что они его судом недовольны, громко смеялись в лицо Его Светлости. Какая разница с поредением Немецких Профессоров, униженно кланявшихся Юсупову! Комиссия совершенно оправдала Шумахера, а доносителей, за ложный донос, присудила к тем наказаниям,

которых был бы достоин Шумахер, если бы они показали правду*. Следственная Комиссия была нечто в роде конгресса, на котором Русское шляхетство, в лице своих благородных представителей, Игнатьева и Юсупова, заключило союз с маленькими и средними Немцами, по окончании борьбы с высшими, по удалении от дел Миниха, Остермана, Бирона¹³. Надолго, на весь Петербургский период, пошли рука об руку Игнатьевы, Юсуповы с Шумахерами, каждый по своей дороге, не мешая, а только помогая, друг другу давить и притеснять все лучшие силы Русского народа. Они бы непременно подавили Ломоносова, если бы в Русском Дворянстве не нашлись еще люди, подобные Воронцову и Шувалову¹⁴, которые за честь себе считали называть себя друзьями Ломоносова.

Шумахером недовольны были почти все Академики; но когда зачалось следственное дело, он умел их всех привлечь на свою сторону, причем ему особенно помогли некоторые Академики: его родственник Крафт и приятель Фон Винстейм**. Гмелину и Миллеру¹⁵, тогда только что вернувшимся из Сибири, Шумахер обещал сохранить двойной оклад, чего, конечно, потом и не исполнил. И вот Академики, чтоб не впустить в Академию Русских начал, решаются лучше перетерпеть некоторые обиды от Шумахера: они ездят по городу, забегают к разным знатным особам, везде оправдывают Шумахера, во всем обвиняют Делиля и Нартова. Наконец они подают в Следственную Комиссию жалобу на Ломоносова, которого возмущало их нечестное поведение, относительно Делиля и Нартова, во всем деле Шумахера.

В «Русской Беседе» за 1860 год я поместил Всеподданнейший Доклад этой Комиссии о Ломоносове, которая применила к нему Улож. гл. 10, 5 пункт Морского Устава и 55 главу Генерального Регламента, и нашла его достойным лишения живота, или, по крайности, наказания на теле и лишения состояния.

Здесь следует эта самая «Жалоба Академиков на Ломоносова». Заметим, что нельзя на обычаи и нрав того времени глядеть с нашей точки зрения: слова Ломоносова были для Немцев Академиков обидны не столько *an und fur sich*, ибо в Германии господствовала тогда такая же грубость нравов; Немцы у себя терпеливо переносили и не такие обиды; сколько по тому, что их, Немцев, в России, соотечественников вчерашних ее повелителей, Миниха, Остермана, Бирона, осмеливался обижать Русский, а не Fürst Юсупов или Excellenz Игнатьев, которые не чинились и не с такими учеными Немцами, и терпели же они; нет, а сын простого Русского мужика.

* См. Чтения в Импер. Обществе Истории и Древностей Российских. 1860 г., книг. 3, отд. V, стр. 64–122.

** Разбирая Регламент, Ломоносов замечал: «В астрономическом классе положен калкулятор только для того, что был тогда Профессор Винстейм, который только к тому и способен. В других Академиях и имени того нет».

Es war einst einer aus Kolmgrod,
Wo alle grosse Kossen herkommen,
Der war als Bauer jung urns Brodt
Im Kloster aufgenommen,
Und da studirt er was Latein,
Noch starker aber im Brantwein.
Tiral, tiral, tiral, tiral,
Das ist vol bekoinmen*.

***В Высокоучрежденную о Академии Наук
Следственную Комиссию.
Доносят Академии Наук профессоры,
а о чем, тому следуют пункты:***

1

В прошлом 1742 году, в Генваре месяце, определен при Академии Наук Адъюнкт Михайло Ломоносов, в такой надежде, что он порядочно жить и как доброму и в науках довольное время препроводившему человеку, пристойно поступать будет, дабы со временем, смотря по достоинству и искусству, можно было произвести его, для всенародной славы и пользы, при той же Академии Членом и Профессором.

2

Токмо он, Ломоносов, во всю свою бытность при Академии Наук показывал себя во многих поступках не по надежде нашей, и часто пьянствуя, делал многие непорядки и драки, за что, в Сентябре месяце того же 1742 года, и под караул в Полицию приведен был, как о том явствует в деле при Академической Канцелярии.

3

Сверх же того, он, Ломоносов, во время Следственной о Академии Наук Комиссии, показал всем, при той Академии обретающимся, Профессорам многие несносные обиды и бесчестие, о чем того же 1742 года, Ноября 17 и Декабря 31 чисел, от нас принесены были в оную Комиссию жалобы.

4

А понеже такие бесчинства и непорядочные поступки, для отвращения дальних вредительных следствий, во всем свете без наказания не оставляются, и нигде в Академиях тот места иметь не может, кто в таких продерзостях явится**, или в прочем непорядочным

* Эти стихи, конечно, написаны тогдашними немцами на Ломоносова. Вполне они сообщены в 1-й книжке «Русского Архива» 1865 г.

** Некоторые из Академиков, здесь подписавшихся, нередко свои ссоры между собою тоже оканчивали дракою.

и непристойным образом себя содержать будет, а наипаче, ежели кто всех Членов Академии так чувствительно обидит и обесчестит: того ради, по учиненному в Академической Конференции прошедшего Февраля 21 дня определению, объявлено от нас помянутому Ломоносову, чтоб он впредь в Академические Конференции к нам не приходил, пока на вышеозначенные наши, на него в Комиссии подданные, жалобы решения и определительного Указа не воспоследует.

5

А сего 1743 года, Апреля 26 дня, пред полуднем, он, Ломоносов, в противность всем честным и разумным поступкам, напившись пьян, приходил с крайнею наглостью и бесчинством в ту палату, где Профессоры для Конференции заседают и в которой в то время Профессорского собрания хотя и не было, однако ж находился там при архиве Конференции Профессор Вингсгейм и при нем были Канцеляристы Мессер и Калов да сторож Федот Лангус. При том случае оной Ломоносов, не поздравивши никого и не скинув шляпы (как бы ему по учтивству сделать надлежало), мимо их прошел в Географический Департамент, где рисуют ландкарты, а идучи около Профессорского стола, ругаясь оному Профессору, остановился и весьма неприличным образом бесчестной и крайне поносной знак, самым подлым и бесстыдным образом, руками против них сделав, пошел в оный Географический Департамент, в котором тогда, для рисования карт, находились Адъюнкты Трескот¹⁶, Студенты Александр Чадов, Прокофий Шишкарев, Семен Старков и Михайло Коврин, да по случаю и Комиссии Секретарь, Андрей Иванов. В том Департаменте, где он шляпы также не скинул, поносил он Профессора Вингсгейма и всех прочих Профессоров многими бранными и ругательными словами, называя их плутами и другими скверными словами бесчестия чего и писать стыдно; а явно оное все по письменным показаниям бывших при том вышеименованных Адъюнкта и Студентов. Сверх того, грозил он Профессору Вингсгейму, будучи еще в той же палате и ругая его всякою скверною бранью, что, де, он ему зубы поправит, а Советника Шумахера при том называл вором. Вышед из Географического Департамента, пришел возвратно в Конференцию (где тогда, сверх вышеписанных, Профессора Вингсгейма и Канцеляристов, и Адъюнкты Геллерт¹⁷ случился), и всех Профессоров бранил скверными и ругательными словами и ворами называл за то, что ему от Профессорского собрания отказали и, повторяя оную брань неоднократно, сказывал с великим бесчинством и посмеянием, чтоб то в журнал записали, как оное от помянутых, при том случившихся, персон сказками именно показано.

6

А мы, низжайшие в службе Ее Императорского Величества, Профессорами в Академию Наук выписаны и призваны в сию должность по Указам блаженные и вечно достойные памяти родителей Ее Императорского Величества, и вступили в службу по заключенным с нами контрактам, в уповании Высочайшие милости и удовольствования жалованьем Ее Императорского Величества, и что при том честь наша никогда без причины и наглým образом повреждена не будет; а ныне претерпеваем мы со всех сторон несносные обиды, живем года с два без Президента и такого покровителя, кто бы нас защитит, или о делах наших Ее Императорскому Величеству донести мог, за весь прошлой 1742 год Ее Императорского Величества жалованья еще и поныне не получали; в Канцелярии при нас определен Советником Андрей Нартов, который в науках ни малого искусства не имеет и ни о каких, до наук касающихся, потребностях рассуждать не может, от чего учинилась и по ныне продолжается в наших делах остановка, а в интересе Ее Императорского Величества не малой ущерб. Он же, Нартов, во время учрежденной о Академии Следственной Комиссии показал нам и в том несносную обиду, что без Ее Императорского Величества Указа, будто бы мы были люди не верно служащие, Архиву надлежащих до наук дел при нашей конференции запечатал, и чрез то перед всем честным и ученым светом навел на нас напрасное подозрение, а при том неоднократно присылал своих сообщников, Ломоносова и других, с великою неучтивостью и шумом мешать нам в наших заседаниях, яко бы для осматривания печатей, от чего происходили и прочие оного Ломоносова продерзости; а ныне как он, Ломоносов, осмелился уже и всех нас при Академии Профессоров в глаза бранить и ругать всякими бесчестными словами, и при том побоями угрожая, то нещастие наше стало уже крайнее, обещены перед всем светом, и без знатной сатисфакции, дел наших по прежнему продолжать не можем, по тому что опасно нам и в Академию приходить, дабы не претерпеть пущего себе ругательства.

7

Того ради Следственную о Академии Наук Комиссию покорно просим вышеписанные наши обиды рассмотреть, а наипаче в показанном нам от Ломоносова, несносном бесчестии и неслыханном ругательстве, повелеть учинить надлежащую праведную сатисфакцию, без чего Академия более состоять не может, по тому что ежели нам в таком поругании и бесчестии остаться, то никто из иностранных Государств впредь на убылые места приехать не захочет, также и мы себя за недостойных признавать должны будем, без возвращения чести нашей, служить Ее Императорскому Величеству при Академии, понеже во всех Государствах, где есть Академии, такого ру-

гательного примера, как нам случилось, не бывало, и понеже все непорядки при Академии происходят от того, что в оной Президента, ни настоящего Директора, нет: то покорнейше просим представить Ее Императорскому Величеству, дабы Академию как наискорее снабдить и нам бы заслуженное за прошлой 1742 год жалование выдать и впредь безостановочно производить повелела, и о сем нашем доношении решение учинить. Мая дня, 1743 года.

Johann Georg Gmelin.

Josias Weitbrecht.

Georg Wolfgang Kraft.

Gerard Fridrich Muller.

Christian Nicolaus von Winsheim.

Gottfried Heinsius.

Pierre Louis Le Roy.

Johann Christian Wilde.

G. W. Richmann.

J. C. Siegesbeck.

1743 года, Апреля 27 дня.

В чрезвычайном собрании Профессоров Академии Наук предложено от Профессора Винсгейма следующе, а именно:

Будучи он, Профессор Винсгейм, вчерашнего дня, то есть, Апреля 26 числа, в конференцкой Архиве с Канцеляристами Мессером и Каловым, и отправляя во оной текущие дела, усмотрел, что Адъюнкт Ломоносов, с немалым бесстыдством, имея шляпу на голове, прошел чрез обыкновенную палату Профессорских собраний в Географический Департамент и перед выходом своим из оной палаты весьма срамным образом ударил в ладони, показывая чрез то свое презрение и ругательство, о чем, де, находившийся тогда в помянутой палате сторож обстоятельнее показать может.

Потом оный Ломоносов, вошедши в Географический Департамент, где тогда находились Адъюнкт Трескот и определенные при сочинении ландкарт Студенты, также и Секретарь Высокоучрежденной Следственной Комиссии, Андрей Иванов, поступал с таким же бесчинством, о чем, де, означенные персоны пространнее засвидетельствовать могут.

Между тем, де, Адъюнкт Геллерт, окончивши лекцию свою, пришел в Архиву и расписывался в некоторых, на дом данных ему, ученых делах, причем часто помянутой Ломоносов, имея по прежнему шляпу на голове, также вошел в Архиву. И как он, Профессор Винсгейм, вставши с стула, стал у него спрашивать, чего он желает, то он, Ломоносов, сняв наконец шляпу и смеючись, унимал его сидеть, на что он, Винсгейм, ответствовал ему, что он и без его просьбы сядет и о сегодняшних его непристойных поступках в надлежащем

месте представлять будет. На сие он, Ломоносов, вздевши тотчас шляпу, сказал, что, де, он, Профессор Винсгейм, много о себе думает, что отказал ему от Конференции. А как он, Винсгейм, ему на то ответствовал, что он объявил ему токмо по силе протокола определение всех Профессоров, то оный Ломоносов, не стыдяся ни мало, сказал ему в глаза, что все де, те гунсвоты¹⁸ и воры, которые его от Конференции выключили. Он, Профессор Винсгейм, услышав такие речи от него, Ломоносова, и, призван в свидетелей Адъюнкта Геллерта и Канцеляриста Мессера, записал оные в журнал при нем же, Ломоносов, который, видя то, помянутые слова весьма дерзостным образом еще повторил, прибавливая к тому: «Я, де, природный Русской и не хуже Профессоров»; а потом, пошедши опять в Географической Департамент и бесчинствовавши там несколько времени, вон вышел.

На подлинном подписал:

Христиан Николай фон Винсгейм, Астрономии Профессор.

Потом все обще Профессоры определили: Адъюнкта Геллерта, Канцеляристов Мессера и Калова, Адъюнкта Географического Департамента Трескота и прочих, в Географическом Департаменте тогда находившихся, также и обретающегося при Конференции сторожа, в том спросить, какие они от Ломоносова непристойные поступки и речи видели и слышали.

Во исполнение вышеписанного, Адъюнкт Геллерт показал следующее:

Когда, де, он, Апреля 20 числа, по утру, в 12 часу, окончавши лекцию свою, пришел к Г. Профессору Винсгейму в Конференцию, и выпросивши себе на несколько дней некоторых диссертаций, стал писать в получении оных росписку, то Адъюнкт Ломоносов из залы Профессорских конференций вошел в Архиву к Профессору Винсгейму, который по учтивству встал. А как Ломоносов стал ему говорить, чтоб он опять сел, то оный Профессор Винсгейм ответствовал ему, что он сядет и без его просьбы; а ежели он, Ломоносов, не перестанет бесчинствовать, то можно будет сыскать способы, чтоб его вон вывести. После некоторых слов, которых, де, он, Геллерт, пишучи росписку, не слышал, сказал Ломоносов: «Все те, которые отказали мне от Конференции гунсвоты»; на что Профессор Винсгейм ответствовал: «Изрядно, я запишу и донесу в надлежащем месте, а вы, мои Господа (оборотясь к нему, Геллерту и Канцеляристу Мессеру), всему свидетели». Ломоносов на то сказал: «Да, да, пиши! Я сам столько разумею, сколько Профессор, да к тому ж природный Русский». и, надевши шляпу, повторил те же речи, что все те гунсвоты и воры, которые ему отказали от Конференции, а потом,

с гордою и презрительною поступкою, пошел в Географической Департамент.

Христиан Ерегот Геллерт.

Канцелярист Мессер в сказке показал:

Будучи, де, он, Канцелярист Мессер, с Канцеляристом Каловым, в Конференцкой Архиве, при присутствии, Г. Профессора Винсгейма, усмотрел, что Адъюнкт Ломоносов бесчинным образом, не скидывая шляпы, прошел чрез палату Профессорских собраний, и, сделавши рукою к Архиве срамную фигуру, ударил в ладони, а потом вошел в Географической Департамент. По прошествии четверти часа помянутой Ломоносов, идучи оттуда назад, вошел прямо в Архиву и спросил у Профессора Винсгейма со смехом, что он делает? И как Профессор Винсгейм учтивым образом стал ему представлять непристойные его поступки, то он, Ломоносов, вдруг начал всех Господ Профессоров жестоко бранить, говоря, что, де, они все гунсвоты и воры, для того, что отказали ему от Конференции, и оную срамную брань несколько раз повторял. А как Г. Профессор Винсгейм бывшего при том Адъюнкта Геллерта и его, Канцеляриста Мессера, в свидетели призвал, то он, Ломоносов, опять закричал: «Да, да, пиши!» говоря при том прежнюю срамную брань и спрашивая: «Что, де, они о себе много думают? Он, де, не хуже, или еще лучше их всех и природной Русской», причем шляпу плотно на голову прижавши и руками подбочившись, всякие другие бесчинства делал.

Иоганн Христиан Мессер.

Канцелярист Калов в сказке показал:

Когда, де, он, Апреля 26 числа, но утру, при обыкновенной своей должности в Конференцкой Архиве находился, где обретались также Профессор Винсгейм и Канцелярист Мессер, то Адъюнкт Ломоносов с немалым бесчинством и не скидывая шляпы, вошел в обыкновенную палату Профессорских собраний, чрез которую идучи в Географический Департамент, с показанием своего презрения, в ладони ударил, так что и ему, Калову, слышно было, о чем, де, сторож, который в той же палате близко подле Ломоносова стоял, обстоятельнее покажет. Потом, де, оный Ломоносов, быв несколько времени в Географическом Департаменте, и пришедши оттуда назад в Архиву, стал Профессору Винсгейму непристойным образом выговаривать, для чего он выключил его от Профессорских собраний? В то же самое время случилось ему, Калову, для некоторого дела пойти в Географической Департамент, и как, де, оттуда назад пришел, то усмотрел, что Адъюнкт Ломоносов, прижимая шляпу плотнее на голову, бил рукою несколько раз об стол, и с таким бесчинством вторично пошел в Географический Департамент.

Иван Калов.

Адъюнкту при Географическом Департаменте Трескот сказкою показал:

Пришед, де, к ним Ломоносов и не скидывал ни перед кем шляпы, бранил, при Секретаре Андрее Иванове и при Студентах Чадове, Шишкареве, Старкове и Коврине, Профессора Винсгейма всякими ругательными словами, а именно: «Что, де, он о себе думает? Ведь, де, он не Генерал; я, де, не хуже Профессора Винсгейма». Потом вышел он и, по прошествии не многого времени, опять вошел и, крича громко, сказал следующие слова: «Я на... на всех Профессоров и на Советника Шумахера: он вор, а они все плуты, и ежели, де, Профессор Винсгейм ему хотя одно слово скажет, то, де, он ему зубы поправит», указывая при том руками Студенту Чадову, каким образом он то сделать хочет. Как, де, он, Трескот, стал ему представлять такие его непристойные поступки и бесчинства, то он, Ломоносов, ухвати его за грудь, хотел его бить, говоря при том самые скверные мужицкие брани, а наконец осмелился его, Адъюнкта Трескота, из палаты вон высылать; а какие он, Ломоносов, бранные и ругательные слова говорил, оные засвидетельствовать могут все случившиеся при том Студенты, также и Секретарь Комиссии.

Ион Трескот.

Студент Чадов сказкою объявил:

Апреля 26 числа, сего 1743 года, был у нас в Географическом Департаменте Господин Адъюнкту Ломоносов, напившись пьян; первой раз не скидывая шляпы с себя и пришедши к моему месту, где я Географическую карту рисовал, спрашивал меня: «Что, де, у вас (не назвавши ни как) там, которой сидит в Конференции, что, де, он чванится, и что, де, он о себе думает?» — «Где?» я его спросил: — «не Г. ли Профессор Винсгейм?» На что он отвечал: «Да». — «Где?» я его, Адъюнкта, спросил: «Не обидел ли тебя в чем?» На что он, почти ни какого ответу не давши, отошел от моего стола и, ходя по палате, много раз кричал и бранился и таким образом ушел в Конференции и, побывавши там малое время, вторично пришел к нам и, ставши у стола, где мы рисуем, вторично стал кричать и бранить пуще прежнего: «Что, де, он? Ведь, де, Капитан, и я, де, Капитан; я, де, Календарь и сам, де, сочиню не хуже его». На что стал ему Г. Трескот говорить, что то, де, худо кричать здесь, да еще при том в шляпе. «А ты, де, что за человек?» — спрашивал его. «Ты, де, Адъюнкту; кто, де, тебя сделал? Шумахер! Говори со мною по Латыни». Он отвечивал, что я не умею. На что он: «Ты, де, дряннь, никуда не годишься и недостойно произведен», и при том бранил Шумахера и вором называл, и прочих Гг. Профессоров также бранил. Брань его и крик и шум мог слышать тогда прилучившийся Секретарь из Комиссии.

Студент Александр Чадов.

Студент Шишкарёв сказкою объявил:

1743 года, Апреля 20 дня, призыван я был от Гг. Профессоров в Конференции и спрашиван о поступках Адъюнкта Ломоносова, каким образом он поступал в Географическом Департаменте? Оный Ломоносов пришел в Географической Департамент вышеобъявленного числа и стал говорить с Студентом Чадовым, а что, того не слышал, для того, что я в то время был в другой палате с Секретарем Андреем Ивановым и с ним разговаривал о некотором особливом его, Секретаря Иванова, деле; чего ради, по отшествии оногo Адъюнкта Ломоносова, я и спросил Студента Чадова, что он с ним разговаривал, которой хотел было мне сказать, да оный же Ломоносов помешал, понеже он опять вошел и надел шляпу и стал опять говорить, а что, того также не слышал, понеже я опять вошел в другую палату и стал говорить с оным же Секретарем Ивановым о прежде реченном, а оной Ломоносов уже говорил с Трескотом о том, что он, Ломоносов, надел шляпу, и с тем разговором, как он, Ломоносов, так и Трескот, вошли к нам в палату, где был Секретарь Иванов и я с моими товарищи, и говорили они также, что он, Ломоносов, ходит в шляпе, о чем также говорил ему и Секретарь Иванов, на что он ему ответствовал, что «разве, де, мне пред тобою скинуть шляпу? чего я, де, сделать никогда не хочу», и надел опять шляпу на голову, которую он в то время, когда с Секретарем говорил, держал в руках, и, надевши, с тем из той палаты и вон вышел.

Студент Прокофей Шишкарёв.

Студент Старков сказкою объявил:

1743 года, Апреля 26 дня. Когда я от Господ Профессоров спрашиван, каким образом Адъюнкт Ломоносов, будучи в Географическом Департаменте, поступал, на то ответствую чрез сие, что он с Чадовым что разговаривал, того не слышал, ибо был в другой камерке и разговаривал с Г. Секретарем, Андреем Ивановым, а когда выходил в аудиторию, то между тем слышал, что Г. Трескот говорил ему, чтоб он шляпу скинул, при том также чтоб и не шумел, между теми речми слышал, что говорил: «Шумахер тебя поставил», а когда возвратился опять в Департамент, то уже Ломоносова не застал.

Студент Семен Старков.

Студент Коврин сказкою объявил:

Сего 1743 года, Апреля 26 числа, спрашиван я был Гг. Профессорами, как Адъюнкт Ломоносов, будучи в Географическом Департаменте, поступал, на то ответствую, что видел и слышал тако: приходил он, вышеозначенного числа, в Географический Департамент, надевши шляпу и бранные слова говорил, о ком, не знаю; тако ж говорил, «что, де, меня из Конференции вон выбивают», что, видев Адъюнкт Трескот, сказывал ему, чтоб он, скинув шляпу, поступал чинно, на то он ответствовал: «Я пред тобою шляпы скинуть никог-

да не хочу, а вон тебя здесь Шумахер поставил». Более сих слов ничего не слышал я, понеже был в другой палате с Г. Секретарем Андреем Ивановым. Тогда он и к нам тако ж вошел в шляпе, и оным Г. Секретарь говорил ему, чтоб поступал так чинно, как честному человеку подлежит; на то он отвечал ему: «Я, Государь мой, пред тобою шляпы никогда скинуть не хочу», и так, постоявши немного, из нашей палаты в другую вышел; а что уже там более сделалось, ничего, кроме сего, не слышал.

Студент Михаил Коврин.

Сторож, при Конференции определенной, Феодот Лангус, сказкою объявил:

При Конференции Гг. Профессоров обретающийся сторож Феодот Лангус сказкою своею объявил, что прошедшего Апреля 26 дня, сего 1743 года, при присутствии Г. Профессора фон Винсгейма, прошел тоя ж Академии Наук Адъюнкт, Михайло Ломоносов, чрез Конференцию, в 10 часу по полуночи, пьяным ли образом, или нет, о том подлинно сказать не может, но только больше по своей чистой совести признает оного Адъюнкта Ломоносова за пьяного, и идучи, де, он мимо чрез Конференцию, около стола Гг. Профессоров усмехнулся и, остановившись, ударил в ладони, кукиш показал, и прошел в Географический Департамент, и там будучи мало время, возвратился паки в Конференцию и говорил с Г. Профессором фон Винсгеймом по Немецки, при двою Канцеляристах, обретающихся при Гг. Профессорах, и что оной Ломоносов говорил, о том сказать подлинно не может.

К сей сказке, по его прошению, сторожа *Феодота Лангуса*, Копеист *Ульян Калмыков* руку приложил.

***В Комиссию следствия о Академии Наук
от той же Академии***

Доношение

Сего июня 23 дня, поданным доношением, Адъюнкт Михайло Ломоносов представил, что минувшего Мая 27 дня, сего 1743 года, Следственной о Академии Наук Комиссии били челом на него, Ломоносова, Академии Профессоры, по которому их челобитью оная Комиссия приказала: его, Ломоносова, арестовать, под которым арестом и поныне содержится, чрез что отлучен он от наук, а особливо от сочинения полезных книг и от чтения публичных лекций. А понеже от сего случая не токмо искренняя его ревность к наукам в упадок приходит, но и то время, в которое бы других учением своим пользоваться мог, тратится напрасно, а отечеству пользы не происходит, ибо оный находится в крайнем огорчении, и требовал, чтоб его, Ломоносова, из-под аресту, для показанных причин, свободить.

Того ради Следственную Комиссию Канцелярия Академии Наук просит, дабы благоволила оная Комиссия реченного Ломоносова, для показанных от него причин, из под караулу освободить, дабы оный помянутые свои, до наук касающиеся, дела свободно исправлять мог.

*Андрей Нартов.
Секретарь Сергей Волчков.
1 июня 30 дня. 1743 года.*

II

В ВЫСОКОУЧРЕЖДЕННУЮ СЛЕДСТВЕННУЮ КОМИССИЮ АКАДЕМИИ НАУК

*Нижайшее доказательство о том,
что здесь при Академии наук нет Университета**

1

Всем Университетам бывают инаугурации или публичные учреждения, которые наперед, за несколько месяцев, по ученым собраниям и Университетам программу публикованы бывают, к чему из разных мест Профессоры и Студенты съезжаются, при котором публичном собрании, по благодарственной Божией службе, читается Государева грамота и отдаются новоизбранному Ректору надлежащие к Университету признаки и привилегии и вольности с церемониями, а потом рассылаются по другим Университетам о том печатные известия, чтобы оные новоучрежденный Университет за Университет почитали; а здесь, при Академии Наук, такой публичной инаугурации Университета не было; и не токмо иностранные Академии и Университеты, но и здешние обыватели о ни каком С.-Петербургском Университете не слыхали и не знают, и о том ни какие печатные известия никуда не рассыланы и здесь не раздаваны.

2

Университет состоит из собрания Профессоров Богословии, Юриспруденции, Медицины и Философии, которые обучают каждый в своей науке как тутошних, так и приезжих Студентов, публично и приватно; а в здешней Академии Наук Профессоров Богословии и Юриспруденции нет; следовательно, хотя бы и другие принадлежности, до Университета касающиеся, были, однако был бы от того здешний Университет не полный.

* Эта Записка, без сомнения, принадлежит Ломоносову. (См. Смирд. Изд. Т. I, стр. 778 и сл.)

3

Лекции свои продолжают на Университетах Профессоры следующим образом: в каждые полгода, месяца Сентября и после праздника Святыя Пасхи, Профессоры начинают свои лекции снова о тех же, или о других, науках, для чего они ежегодно по два каталога лекций в печать отдают и оныя по Студентам рассылают; а здешние Профессоры лекции читать во всю свою бытность только два раза начинали, а так как в Университетах обыкновенно, бесперерывно оных не продолжали и новыми каталогами по всякой год дважды не объявляли.

4

Новопроизведенных тутошных Студентов, также из других мест приезжающих на Университеты, записывают в альбум (матрикулы) или в каталог, для того особливо сделанный, и им даются печатные листы за Университетскою печатью, которые содержат законы и правила, как надлежит Студенту в Университете поступать; а здесь, в Академии Наук, для вписания Студентов, которые не всегда и в весьма малом числе бывали по Университетскому обыкновению, особливо каталога нет, и оных ни каких Университетских печатных законов и правил за печатью никогда не давано.

5

В каждом Университете выбирают ежегодно Ректора, или Проректора, из Профессоров поочередно; а из здешних Профессоров ни Ректоры, ни Проректор поочередно и погодно никогда не выбирались.

6

Каждый Студент, который на Государевом коште содержится, на каждый год дважды имеет публичные диспуты под управлением Профессорским или читает речь в присутствии Ректора, Профессоров и всего Университета, а те, которые на своем коште штудировать приезжают, держат диспуты по своему произволению; а здешние Профессоры никогда в публичных диспутах Студентов обучать не старались, и тем самое главное дело и вольность, и почти душу прямого Университета, оставили и уничтожили; ибо молодые люди чрез диспуты ободряются и к наукам поощряются, для того, что всякой Студент, который свою диспутацию¹⁹ защищает, или другого предложение опровергает, тщится, чтоб себя показать и публично в стыд не прийти, и для того больше знать и научиться старается.

7

Тех Студентов, которые три, четыре, или и много что пять лет, на Университете с прилежанием учились, по публичных диспутах для произведения от них же сочиненных и по экзамене, от всех Про-

фессоров учиненном, производят в Докторы, Лиценциаты²⁰ и Магистры в той науке, которой они обучались, на что им даются грамоты за Университетскою печатью; а в здешней Академии ни Российский, ни иностранный Студент еще и поныне в Докторы, Лиценциаты или Магистры не произведен, и произведен быть не может, для того что такого Доктора, Лиценциата или Магистра в других Университетах и Академиях за Доктора, Лиценциата или Магистра признавать не будут; ибо, как выше показано, что здесь инаугурации о никаком Университете не бывало, и о том программы по другим Университетам не посылаются, чему явный пример Господин Доктор Вейтбрехт²¹, который, сюда приехав Студентом, для Докторской грамоты посылал свою диспутацию в Кенигзберг, для того что здешняя Академия Университета купно при себе не имеет, и в Докторы произвести никого не может.

8

Итак, понеже при здешней Академии Наук ни какой инаугурации Университета не бывало, Профессоров, до Университета надлежащих, полного собрания нет, лекции почти никогда порядочно не читаются, ни Ректоров, ни Профессоров ежегодно и поочередно из Профессоров не выбирают, Студентам никакие Университетские не даются публичные диспуты, и экзерциции никогда не бывают, и никого ни в Докторы, ни в Лиценциаты и ни в Магистры не производят, и словом, никаких порядков и поведений, по Университетам обыкновенных, нет; следовательно, при здешней Академии Наук не токмо настоящего Университета не бывало, но еще ни образа, ни подобия Университетского не видно.

III

ДОКЛАД СИНОДА ГОСУДАРЫНЕ НА ЛОМОНОСОВА

Этот Доклад Синода вызван двумя стихотворениями Ломоносова о бороде, которые были напечатаны в «Библиографических Записках» 1859 года, вместе с пошлою пародиею и доносом Третьяковского на Ломоносова.

**Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой Государыне,
Императрице и Самодержице Всероссийской, всеподданнейшей
доклад Синода**

В недавнем времени проявились в народ пашквилные стихи, написанные «Гимн Бород», в которых недовольно того, что тот пашквильянт, под видом, яко бы на Раскольников, крайне скверные и совести и честности Христианской противные ругательства генерально на всех персон, как прежде имевших, так и ныне имеющих, бороды написал, но и Тайну Святого Крещения к зазорным частям тела человеческого

наводя, богопротивно обругал и чрез название бороду ложных мнений завесою, всех Святых Отец учения и предания еретически похулил. И когда, по случаю бывшего с Профессором Академии Наук, Михаилом Ломоносовым, свидания и разговора о таком вовсе непотребном сочинении, от Синодальных Членов рассуждаемо было, что оной пашквиль, как из слогу признательно, не от простого, но от какого ни будь школьного человека, а чуть и не от него ли самого произошел, и что такому сочинителю, ежели в чувство не придет и не раскается, надлежит, как казни Божией, так и Церковной клятвы, ожидать, то услыша означенной Ломоносов, исперва начал оной пашквиль шилиски защищать, а потом, сверх всякого чаяния, сам себя тому пашквилному сочинению автором оказал, ибо в глаза перед Синодальными Членами таковые ругательства и укоризны на всех духовных за бороды их произносил, каковых от доброго и сущего Христианина надеяться отнюдь не возможно, и не удовольствуясь тем, еще опосле того вскоре таковой же другой пашквиль в народ издал, в коем, между многими явными уже духовному чину ругательства, безразумных козлят далеко почтеннейшими, нежели Попов, ставит, а при конце точно их назвавши козлами, упомянутую ему при рассуждении Церковную клятву за едину тщету вменяет, из каковых не Христианских, да еще от Профессора Академического, пашквилев не иное что, как только противникам Православной Веры и таковым продержателям к бесстрашному кощунству им Святых Таин и к ругательству духовного чину, явный повод происходит и впредь, ежели не изменится, происходить может. А понеже, между прочими Вседражайшего Вашего Императорского Величества родителя, блаженные и вечные славы достойные памяти, Государя Императора Петра Великого, правами, жестокие казни хулителем закона и Веры чинить повелевающими, Военного Артикула главы 18, 149-м пунктом, таковых пашквилей сочинителей наказывать, а пашквилные письма чрез палача под виселицею жечь узаконено: того ради со оных пашквилев всеподданнейше Вашему Императорскому Величеству подносит Синод копии и всенижайше просит, чтоб Ваше Императорское Величество, яко Богом данная и истинная Церкви и Веры святой и духовному чину защитница, Высочайшим своим Указом таковые соблазнительные и ругательные пашквилы истребить и публично сжечь, и впредь то чинить, запретить, и означенного Ломоносова, для надлежащего в том увещания и исправления, в Синод отослать, Всемиловнейше указать соизволили.

Вашего Императорского Величества всепокорные рабы и богомольцы:

Смиранный Сильвестр Архиепископ С.-Петербургский.

Смиранный Димитрий Епископ Рязанский.

Смиранный Амвросий Епископ Переславский.

Смиранный Варлаам Архимандрит Донской.

Марта 6-го дня, 1757 года

IV КРАТКАЯ ИСТОРИЯ О ПОВЕДЕНИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Подлинник этой Записки, драгоценной как для биографии Ломоносова, так и для истории нашей Академии, хранится в ее Архиве Конференции; большая тетрадь в лист, вся написанная рукою Ломоносова. Его поправки и исправления в нашем издании все отмечены в выносках.

Краткая история о поведении Академической канцелярии в рассуждении ученых людей и дел, с начала сего корпуса до нынешнего времени

Глава первая.

Содержит поведения от начала Академии до нового Стата.

§ 1

Во время приезда в С.-Петербург самых первых Профессоров, Германна, двух Бернуллиев, Бильфингера, Бенкенштейна и других, был Президентом Архиатер Доктор Лаврентий Блументрост, у Государевой Библиотеки приставлен Библиотекарем, что после был Статским Советником, Иван Данил Шумахер, которому Президент отдал под смотрение и денежную казну, определенную на Академию.

§ 2

По сему выдача жалованья Профессорам стала зависеть от Шумахера, и все, что им надобно, принуждены были просить от него же. Сверх сего Шумахер, будучи в науках скуден и оставив вовсе упражнение в оных, старался единственно искать себе больше доверенности у Блументроста и у других при Дворе, по частным прислугам. На что уже и надеясь, поступал с Профессорами не таким образом, как бы должно было ему оказывать себя перед людьми, так учеными и в рассуждении наук великими, от чего скоро воспоследовали неудовольствия и жалобы.

§ 3

Шумахер, для укрепления себе присвоенной власти, приласкал на помощь Студента Миллера, что ныне Профессор, и в начатой, безо всякого формального учреждения и Указа, Канцелярии посадил его с собою; ибо усмотрел, что оной Миллер, как еще молодой Студент и не далекой в науках надежды, примется охотно за одно с ним ремесло, в надежде скорейшего получения чести, в чем Шумахер и не обманулся; ибо сей Студент, ходя по Профессорам, переносил друг про друга оскорбительные вести и тем привел их в немалые ссоры, которым их несогласием Шумахер весьма пользовался, представляя их у Президента смешными и неугомонными.

§ 4

Сверх сего, по высокомерию своему, презирал оных почтенных мужей и делал многие досады, по чему прозван был *flagellum Professorum*, то есть бич на Профессоров, которые между тем жаловались и, бив челом в Сенате на своих обидчиков, ничего не успели, за тем что, приобыкши быть всегда при науках и не навывкнув разносить по знатым домам поклонов, не могли сыскать себе защиты. И ради того требовали от Академической службы абшидов, которые Шумахеровым ходатайством неукоснительно выправлены.

§ 5

Но чтобы Академия не пуста осталась, или, лучше, дабы Шумахер имел под рукою молодых Профессоров, себе послушных, представил в кандидаты на Профессорство пять человек: Ейлера, Гмелина, Вейтбрехта, Крафта и, фаворита своего, Миллера, чтобы старые отъезжающие Профессоры их на свое место аттестовали. О четырех первых отнюдь не обинулись дать свое одобрение, а Миллеру в том отказали, для того ли, что признали его недостойным, или что он их много обидил, или и обое купно было тому причиною. Однако, в рассуждении сего, мнение их не уважено, за тем что Шумахеровым представлением Миллер был от Блументроста произведен с прочими в Профессоры.

§ 6

Однако ж Шумахер сим своим промыслом чуть ли не больше проиграл, нежели выиграл. Новой сей Профессор, ведая из практики и сообщения Шумахерские пронырства, везде стал ему ставить на дороге в его покушениях препятства, пристал к некоторым, еще оставшим, первым Профессорам, также и с новыми соединясь, не малых стал наводить Шумахеру упадков его власти. Но он выказал новой способ, как бы с шеи збыть сего соперника; ибо, узнав его охоту побывать в других Государствах и надобность съездить в отечество, для принятия наследства, посоветовал, с указанием удовольствия, с определенным ему Профессорским жалованьем и с подорожными деньгами, в путь отправиться, под именем якобы для нужд библиотечных и книгопродажных в Германию.

§ 7

После отъезду Миллера имел случай Шумахер привести прочих новых Профессоров к себе в дружбу и управлять их уже, как старшей, а его сколько можно унижить худыми об нем идеями, коих он мог сыскать довольно. Да и сам Миллер, надеясь на Шумахерово ласкание, без позволения съездить в Англию, чтобы стать тамошнего ученого собрания членом, также проезжая Пруссию,

был на славном там случившемся каруселе, и для показания себя, излишние сделал из казны издержки, коих Шумахер, по возвращении его в С.-Петербург, на казенной счет не поставил, от чего произошла великая распря, и Шумахер взял верх, так что Миллер рад был тогдашнему случаю отправиться в Камчатскую Экспедицию.

§ 8

Около сего времени взяты были из Московских Заиконоспаских школ двенадцать человек школьников в Академии Наук; между ними находился, бывшей после Профессор Натуральной Истории, Крашенинников (ибо в самой Академии о изучении Российского юношества почти никакова не было попечения); оных половина взяты с Профессором в Камчатскую Экспедицию; из них один удался, Крашенинников, а протчие от худова присмотру все испортились, оставшаяся в С.-Петербурге половина, быв несколько времени без призрения и учения, распределены в подьячие и к ремесленным делам. Между тем с 1733 года по 1738 год никаких лекций в Академии не преподавано Российскому юношеству.

§ 9

Хотя между тем Миллер, будучи в Сибири, не мог быть Шумахеровым соперником*, однако не без нужды Шумахеру было от некоторых остерегаться и ради того приводить в ссору. Делиль еще был из сильных первых Профессоров и не давал собою командовать Шумахеру, ведая, что он не имеет к тому подлинного права. Для того напустил Шумахер на Делиля молодых Профессоров, Крафта и Геннауса. Они его не почитали и на Обсерватории, без его спросу и согласия, употребляли инструменты на своей воли. От чего произошли ссоры и драки на Обсерватории.

§ 10

Профессор Вейтбрехт умел хорошо по Латыни; напротив того Юнкер едва разумел Латинских авторов, однако мастер был писать стихов Немецких, чем себе и честь зажил и знакомство у Фельдмаршала Графа Миниха. Шумахер, слыша, что Вейтбрехт говорит о Юнкере презренно, яко о неученом, поднял его на досаду, от чего произошла в Конференции драка. И Вейтбрехт признан виноватым, хотя Юнкер ударил его палкою и разшиб зеркало. Примечания достойно, что прежде сего Шумахер, как и ныне наследник его, Тауберт, в таковых распрях стоит за молодых, за тем, чтоб ими старших унижить, а молодых поднять. Но то же и с сими делалось, когда они несколько усилились и через то, кроме других

* Здесь начинается новая страница. Тут наверху помечено рукою Ломоносова: «О прибытии на Шпицберген».

доводов, на себя доказывают, что они таковых ссор причиною, чтоб ловить в мутной воде.

§ 11

В 1735 году истребованные вновь двенадцать человек школьников и Студентов в Академию из Московских Спаских школ, в коих числе был нынешней Статской Советник Ломоносов и бывший потом Бергмейстер Виноградов и Надворный Советник Попов. Приехали в С.-Петербург все вместе Генваря 1 дня, 1736 года, и содержаны были сперва на довольной пище, хотя и излишне дорого за то заплачено родственнику Шумахерову, Фелтингу; 19 Марта объявлено Студентами, Ломоносову и Виноградову, что они отправляются, по имянному Указу, в Германию, для обучения Натуральной Истории, и с того времени взяты на отпуск определенные из Статс-Канторы на содержание их с третьим тысячу двести рублей на год, кои тогда же и употреблены были на Академические другие нужды, за недостатком денег в Академии, а отправляющиеся вышеписанные Студенты, и с ними Густав Рейзер, бывшего тогда Берг-Коллегии Советника Рейзера сын, принуждены были ожидать своего отправления до осени, в коем пути, будучи четыре недели на море, в Сентябре месяце едва не потонули.

§ 12

Всегдашние недостатки в деньгах происходили от худой экономии Шумахеровой; ибо, несмотря на то что, сверх положенной суммы, 25 тысяч в год, печатание книг заморских и торг иностранными во всем Государстве имела одна Академия; сверх того, блаженной памяти Государыня Императрица Анна Иоанновна пережаловала на Академию, во время своего владения, до ста десяти тысяч, Академические служители такую претерпевали нужду, что принуждены были брать жалованье книгами и продавать сами, получая, вместо рубля, по семидесяти копеек и меньше, что продолжалось до нового Стата.

§ 13

По отъезде помянутых трех Студентов за море прочие десять человек были оставлены без призрения. Готовый стол и квартира пресеклись, и бедные скитались не малое время в подлости. Наконец нужда заставила их просить о своей бедности в Сенате на Шумахера, который был туда призван к ответу, и учинен ему чувствительной выговор, с угрозами штрафа. Откуда возвратясь в Канцелярию, главных на себя просителей Студентов бил по щекам и высек батогами. Однако ж принужден был Профессорам и Учителям приказать, дабы давали помянутым Студентам наставления, что несколько времени и продолжалось, и по экзамене даны им добрые аттеста-

ты для показу. А произведены лутчие: Лебедев, Голубцов и Попов в переводчики, прочие ж распределены по другим местам, и лекции почти совсем пресеклись.

§ 14

Отправленные в Германию трое вышешоказанные Студенты, приехав в город Марбург, обучались у славного Профессора Вольфа Математики и Физики, а Химии начало положили у других. И двое Российских обучались Немецкому языку и в Французском положили начало*. Между тем, для весьма неисправной пересылки денег на содержание, претерпевали нужду и просили в долги, хотя Шумахер получал на них определенную из Статс-Конторы сумму, тысячу двести рублей, вперед на целой год. Отправленным им из Марбурга во Фрейберг, для обучения рудных дел, определить жалованья только по полтора ста рублей. Обещанные наперед тамошнему Советнику Генкелю, за обученье их Химии, тысячи рублей не прислал же. Почему Генкель присылаемые Студентам на содержание деньги стал удерживать за собою, чево они не могли больше вытерпеть и стали просить своего пропитания, требуя справедливости. Но он с великою запальчивостью в деньгах отказав, их вон от себя выслал. В таковых обстоятельствах Ломоносов отъехал в Марбург к Вольфу, как к своему благодетелю и учителю, Рейзер и Виноградов, долго скитаясь, наконец нашли покровительство у Графа Кейзерлинга, который их и снабдевал несколько времени.

§ 15

Между тем присылка на содержание Студентов в Германии совсем пресеклась, и Рейзер, через отца своего, исходатайствовал, что деньги на содержание двоих стали пересылаться из Берг-Коллегии исправно даже до их возвращения. Ломоносов писал в Академию из Марбурга о своем возвращении, и через год на проезд и на платеж долгов получил токмо сто рублей, и выехал, за Вольфовым поручительством, в отечество. Подал добрые свидетельства о своих успехах и специмины в Академию, кои весьма от собрания одобрены. Но произведен не так, как обещано ему при отъезде, в Экстра-Ординарные Профессоры, но по прошествии полугода в Адъюнкты, а профессорствовал один он здесь четыре года. Примечания и смеху достойно, что когда Ломоносов уже давно в отечество возвратился и был по Стату в Академии Адъюнктом Физического класса на жалованье Академическом по 360 рублей, Канцелярия на всякой год требовала, и получала от Статс-Конторы на содержание его по четыреста рублей наперед, и были, якобы два Ломоносова, один в России, другой в Германии. Подобно же происходило и с прочи-

* Зачеркнуто: «также и в Студентских екзерциях».

ми двумя Студентами, на коих до возвращения Шумахер принимает определенную из Статс-Канторы сумму, ничево к ним не пересылая. Возвратившегося Рейзера хотя Шумахер и приласкивал в Академию, обещая Профессорство Химии, чтобы Ломоносова отвести от той профессии, однако Рейзер, ведая худое Академическое состояние и непорядки, совсем отказался.

§ 16

Около 1740 года определен был в Академии Наук, для своего искусства в Механике, Советник Нартов к инструментальным делам, особливо к машинам, взятым в Академию из токарни блаженные памяти Государя Императора Петра Великого, и учреждена Механическая Экспедиция, в которой помянутой Нартов прибавил себе и приказных служителей, в чем ему Шумахер весьма препятствовал, опасаясь, чтобы его Канцелярия, не утвержденная Указом, а следственно, и власть его не низилась. Между тем Нартов, уведав от Академических многих служителей, а паче из жалоб от Профессора Делиля, о великих непорядках, напрасных убытках и о пренебрежении учения Российского юношества, предпринял все сие донести блаженным памяти Государыне Императрице Елисавете Петровне, когда она изволила быть в Москве для коронации. Итак, под его покровительством*, за общим подписанием одиннадцати человек донощиков, коих главные были: Коммисар Камер, переводчики Горлицкой и Попов, что ныне Надворный Советник, и некоторые Студенты, приказные Академические служители и мастеровые, Советник Нартов отвез в Москву и подал оное доношение Ее Величеству, по которому Советник Шумахер и с ним Нотариус Гофман и книгопродавец Прейсер взяты под караул, учреждена в Академии Следственная Комиссия, в коей членами присутствовали: Адмирал Николай Федорович Головин, Князь Борис Григорьевич Юсупов и бывшей тогда здешней Комендант Игнатъев.

§ 17

Доносили оные Канцелярские служители на Шумахера в непорядочных по Академии поступках, в испровержении наук и в похищении многой казны, что все состояло в 38 пунктах. Первое им было в успехах помешательство, что из них Подканцелярист Худяков, прежде еще отъезда Нартова в Москву с доношением, отстал и объявил тайно Шумахеру все их намерение, по чему он принял предосторожности, писал в Москву к своим приятелям, а Профессоров и Адъюнктов побудил всех читать лекции для виду, так что читающих было числом в трое против слушателей, и то уже по большей части к местам прежде определенных. Несмотря на то, Комиссия за-

* Зачеркнуто: «под его покровительством».

чалась было горячо, однако вскоре вся обратилась на доносителей, за тем что в Комиссию, а особливо ко Князю Юсупову, писал за Шумахера сильной тогда при Дворе человек иностранной*. Не исполнено ничево, что требовали доносители, по силе имянного Указа и по самой справедливости, то есть не опечатаны все нужные Департаменты, на кои больше было подозрение, а в запечатанные ходил самовластно Унтер-Библиотекаръ Тауберт, сломав печать и вытаскав письма. Доносители не допущены были, по силе имянного Указа той Комиссии, к разбору писем и вещей, и словом, ни какой не употреблено строгости по правосудию. А доносители, безо всякой причины, арестованы. Шумахер выпущен из-под аресту.

§ 18

Наконец уговорены были с Шумахеровой стороны бездельники из Академических нижних служителей, кои от Нартова наказаны были за пьянство, чтоб, улуча Государыню где при выезде, упали ей в ноги, жалуясь на Нартова, якобы он заставил терпеть голод без жалованья. Сие они сделали, и Государыня, по наговоркам Шумахерова патрона, указала Нартова отрешить от Канцелярии и быть в ней Шумахеру главным по-прежнему. Между тем Комиссия хотя не смела миновать, чтобы Шумахера не признать виновным по некоторым пунктам, по коим он изобличен был в первые заседания, однако сочинила доклад в Правительствующий Сенат, весьма добротной для Шумахера, а предосудительный для доносителей, кои и осуждены были к штрафам и наказаниям, но он прощен, якобы для замирения со Шведами. Пункты, в коих Шумахер изобличен, суть следующие: 1) Что он содержал у себя, под именем Кунсткамерских служителей, четырех лакеев, водил в своей либерее, кои ни какого в Кунсткамере дела не имели, на Академическом жалованье, 21 рубли в год, на что издержал казенных денег с лишком 1400 руб. 2) Что определенные деньги на потчивание гостей, в Кунсткамеру приходящих, по четыреста рублей на год, держал на себя и присокупил к своему жалованью, чтоб не давать никакова отчету, чего всего истрачено было больше семи тысяч рублей. 3) Что он, держав казенную Французскую водку, коя имелась всегда для Кунсткамерских вещей, употреблял на свои домашние потребности; и словом, если бы Комиссия допустила доносителей до Статов, надлежащих до Типографской фабрики и до книжного торгу, то бы нашлись, конечно, великие неисправности и траты казенной суммы. Сверх сего, доказал Советник Нартов, что Шумахер сообщил тайно в чужие Государства карту мореплавания и новообретенных мест Чириковым и Берингом, которая тогда содержалась в секрете. А оную карту вынял тогдашней Унтер-Библиотекаръ Тауберт из Остермановых

* Зачеркнуто, «иностранной».

пожитков, будучи при разборе его писем, который имел ее у себя, как главной Командир над флотом.

§ 19

К избавлению Шумахеру много также способствовали тогдашние Профессоры, а особливо Крафт по сродству, Винсгейм по великой дружбе, и приехавшие в самое время Комиссии из Сибири, Гмелин и Миллер, которым Шумахер обещал выдавать двойное Сибирское жалованье и здесь в С.-Петербурге. Сии четверо разъезжали по знатым дворам случайных людей, привлекая и протчих Профессоров, и просили о освобождении одного. Однако вскоре вспокаялись, за тем что Шумахер, поманив несколько времени Гмелина и Миллера, исполнение обещанного наконец отказал им вовсе. С протчими стал поступать деспотически. С Делилем древняя вражда возобновилась, а особливо, что он был при Комиссии депутатом со стороны доносителей. Какие были тогда распри, или лучше позорища, между Шумахером, Делилем и Миллером! Целый год почти прошел, что в Конференции, кроме шумов, ничево не происходило. Наконец все Профессоры единогласно подали донешение на Шумахера в Правительствующий Сенат в непорядках и обидах. По чему оной Сенат рассудил и указал, чтоб до наук надлежащие дела иметь в единственном ведении Профессорскому собранию.

§ 20

Но власть их состояла весьма кратко, за тем что вскоре пожалован в Академию Президентом Его Сиятельство, Граф Кирило Григорьевич Разумовской, которому на рассмотрение отосланы из Сената все, перед ним бывшие, Академические распри, которые так решены, что от всех Профессоров взяты сказки порознь, стоит ли кто в своем на Шумахера доносе? На что, как ответствовано от каждого, неизвестно. Но то ведомо, что Шумахер остался по-прежнему, в своей воле, и вскоре получил большее подкрепление.

§ 21

Около сих времен многие Профессоры отъехали в отечество: Крафт, Генсиус, Вилде, Крузиус, Делиль и Гмелин, коих двух отъезду причину и отпуск особливо упомянуть должно. Делиль, будучи с самого начала Академии старшей, по справедливости, искал первенства перед Шумахером, и, служа двадцать лет на одном жалованье, просил себе прибавки, и как ему отказано, хотел принудить требованием абшида, который ему и дан, без изъяснения или уговаривания; ибо Шумахер рад был случаю, чтобы избыть своего старого соперника. Гмелину Шумахер чинил многие препятствия в сочинении Российской Флоры, на что он жаловался. Шумахер выбранил

Гмелина письменно бесчестными словами. Для того Гмелина, и для отказу в получении двойного, как было в Сибири, жалованья, стал отпрашиваться на время в отечество, на что Его Сиятельство, Господин Президент, и склонился, ежели он даст надежных поручителей. Первый сыскался друг* его, Профессор Миллер, и в товарищи склонил к себе Профессора Ломоносова, которой, сколько ласканием Миллеровым, а больше уверился словами покойного Крашенинникова, которой о Гмелиновом добром сердце и склонности к Российским Студентам Ломоносову сказывал, что, де, он давал им в Сибири лекции, таясь от Миллера, которой в том ему запрещал. Гмелин для чево не возвратился, показал причины. А вероятно, и для того, что он, чрез приятельские письма, слышал о продолжении худого состояния Академии и о Шумахеровской больше прежнего власти.

Глава вторая О поступках Канцелярии с ученым корпусом после нового Стата

§ 22

По вступлении нового Президента сочинен новый Стат, в коего расположении и составлении ни ково, сколько известно, не было из Академиков участника. Шумахер подлинно давал сочинителю советы, что из многих его духа признаков, а особливо из утверждения Канцелярской великой власти, из выписывания иностранных Профессоров, из отнятия надежды Профессорам происходить в высшие чины, несомненно явствует. Оной Стат и Регламент в собрании Профессорском по получении прочитан однажды, а после, даже до напечатания, содержан тайно. Все рассуждали, что он хорош за тем, что думали быть автором Господина Гольдбаха. Однако, по напечатании, увидели не Гольдбаховы мысли и твердость рассуждения, который всегда старался о преимуществах Профессорских. Многие жалели, что оной Регламент и на других языках напечатан и подан случай к невыгодным рассуждениям о Академии в других Государствах**; Статской Советник Ломоносов сочинил на оной Регламент примечания; что по оному Регламенту и для чего после приключилось, окажется в следующем.

§ 23

Для большего уважения Канцелярии, при такой перемене, надобно было и место просторнее; прежнее рассудилось быть узко и тесно. Таковым обстоятельством не пропускал Шумахер никогда, чтобы

* Зачеркнуто: «и товарищ».

** Зачеркнуто: «Статской Советник Ломоносов сочинил на оной Регламент примечания, и что его».

не пользоваться каким ни будь образом, в утеснение своих соперников. И для того присоветовал перенести Канцелярию в рисовальную и грядоровальную палату, а рисовальное дело перебраться в бывшую тогда в низу, под нынешнюю, Канцеляриею, Механическую Экспедицию, где имел заседание Нартов, которой для сего принужден был очистить место, рушить свое заседание, а инструменты и мастеровые разведены по тесным углам. Сие ж было причиною Академического пожара, ибо во время сей перемены переведены были некоторые мастеровые люди в Кунст-Камерские палаты, в такие покои, где печи едва ли с начала сего здания были топлены и при переводе тогдашнем мастеров либо не поправлены, или и совсем не осмотрены. Сказывают, что близ трубы лежало бревно, кое от топления загорелось. Разные были о сем пожаре рассуждения, говорено и о Герострате; последствия не произведено ни каково. Погорело в Академии, кроме не малого числа книг и вещей анатомических, вся галерея с Сибирскими и Китайскими вещами, Астрономическая Обсерватория с инструментами, Готдорнский большой глобус пропал безызвестно, о коем и не было надлежащего иску, оптическая камера со всеми инструментами и старая Канцелярия с оставшимися в ней архивными делами. Однако повреждение двору и публике показано весьма малое, и о большом глобусе объявлено, что он только повредился, невзирая на то, что оно в целости ничего не осталось, кроме старой его двери, коя лежала внизу в погребке. Для лучшего уверения о малом вреде от пожару, в Ведомостях описано хождение по Кунсткамере некоего странствующего Малтийского Кавалера Загромызы, в коем именованы оставшиеся в целости старые вещи, кои он, Загромыза, видел. Но если бы и то объявлено в тех Ведомостях было, чего уже он он в Кунсткамере не видел, то бы едва ли меньшей реестр из того вышел.

§ 24

Таким образом негодование у Двора и молву в людях о сем пожаре учинив, начала несколько Академия, в 1748 году, и большой глобус починивать новым образом, то есть все новое делать, прилагая всякое старание. Положено великое множество казенного иждивения, и каменная палатка, где он ныне стоит, обошлась около пяти тысяч, между тем как неудовольствие у Двора охолодело, так и выстройка глобуса остановилась и в шестнадцать лет еще совсем не окончена.

§ 25

В то же время, для исполнения хотя на время по Стату, истребованы из Синодальных Семинарий, из Московской, Новгородской и Невской, около тридцати человек школьников, за тем, что своих при Академии воспитанных не было, кроме двух из Невской

Семинарии принятых, что ныне Профессоры, Котельников и Протасов. Начались Университетские лекции и учение в Гимназии с нехудым успехом; Ректором определен в Университете по Регламенту Профессор Миллер. И сие продолжалось, пока истребованные из духовных школ по большей части по местам не распределились. Между тем Миллер с Шумахером и с Ассессором Тепловым поохолодился, и для того отставлен от Ректорства, а на его место определен Адъюнкт Крашенинников, как бы нарочно в презрение Миллеру, за тем что Крашенинников был в Сибири Студентом под его команду, от чего огорчение произошло еще больше. Во время Крашенинникова Ректорства произведены из Гимназии девять человек в Студенты. Только то не хорошо сделал, по совету Шумахерова, что для произведения не учинил прежде публичного экзамена, что, однако, Профессор Ломоносов исправил, ибо нареkanie от Крашенинникова и от Студентов отвел экзаменом, учиненным в Профессорском собрании, и новые Студенты почти все явились способны к слушанию лекций, которые, однако, не продолжались порядочно и Студенты отчасти по пустому шатались, живучи по городу в разных отдаленных местах, для домовых квартир, отчасти распределились по разным Академическим Департаментам, четверо из старых посланы были за море, и так течение Университетского учения вовсе пресеклось, кроме Профессора Брауна, которой читал непрерывно Философские лекции, несмотря на нелюбление за то от Шумахера и на недоброхотые выговоры и советы.

§ 26

Приведши себя Шумахер в такие обстоятельства, и приготовив на свою руку в зяти, в наследники и в преемники тогдашнего Ассессора (что ныне Статский Советник) Тауберта, опасаясь двоих в произведении сего предприятия Профессоров, старшего своего соперника Миллера и* Ломоносова, которой тогда своими сочинениями начал приходить в знаемость, и ради того стал Шумахер на сего чинить следующие нападения. Ломоносов с самого своего приезде требовал, для упражненья в своей Химической науке, чтобы построена была при Академии Лаборатория, но, через четыре года подавав многократные в Канцелярию о том прошения, не мог получить желаемого. И наконец, будучи произведен, по апробации всего Академического собрания и по имянному Указу блаженные памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, за подписанием собственные руки, получил Двора повеление и сумму на Лабораторию из Канцелярии от строения, по представлению Барона Черкасова. Для отнятия сего всего** умыслил Советник Шумахер, и Ассес-

* Зачеркнуто: «и из новых».

** Зачеркнуто «у меня».

сора Теплова пригласил, чтобы мои апробованные уже диссертации в общем Академическом собрании, послать в Берлин к Профессору Ейлеру, конечно, с тем, чтобы их он охулил: а приехавшему тогда из Голландии Доктору Бургаву³⁷ меньшему было сказано, что он при том и Химическую профессию примет с прибавочным жалованьем. И Бургав, уже не таясь, говорил, что он для печей в Химическую Лабораторию вышлет глину из Голландии.

§ 27

Между тем Ломоносов, сие о Бургаве услышав, доложил Барону Черкасову, и потому выдача денег на Лабораторию приостановлена. Также и Бургав, уздав, что ему Химическую профессию поручают Ломоносову в обиду, от того отказался. Сверх всего, Ассессор Теплов Ломоносову тайно показал аттестат Ейлеров о его диссертациях, великими похвалами преисполненной, и объявил, что, де, Шумахер хотел его определить к переводам и от Профессорства отлучить, однако, де, ему не удалось. А как Ломоносов, выпросил Ейлеров аттестат, то прислана к нему тотчас от Теплова цедулька, чтобы аттестат отослать неукоснительно назад и никому, а особливо Шумахеру, не показывать. В таком был он у Шумахера подобострастии. После того, под смотрением и по расположению Ломоносова, выстроена Химическая Лаборатория, в которой он, трудясь многими опытами, кроме других исследований, Фарфоровую массу, мозаичное дело и сочинил о цветах новую теорию.

§ 28

Изобретенное мозаичное художество, кое казенным производением розвести неохотно принимались, не хотя Ломоносов во тще кинуть, просил в Правительствующем Сенате о заведении себе приватно фабрики со вспомогательными заимообразно деньгами и с пожалованьем крестьян, что ему и определено; а для испрошения по Сенатскому представлению крестьян, необходимо ему надобно было ехать в Москву, куда перед тем не задолго Двор отбыл. Для сего Ломоносов просил из Канцелярии отпускного письма, но Шумахер отказал, что он без Президентского позволения дать не смеет. Но как зимней путь уже стал худеть, и Ломоносов думал, что может ему так же от Президента отказ будет и дело его весьма продлится, то испросил он позволение из Сенатской Канторы от Адмирала Князя Голицына паспорт, и в Москву приехал прямо к Президенту, извиняясь своею законною нуждою. Его Сиятельство принял Ломоносова и во всю бытность оказывал к нему любление. Всемиловитая же Государыня* благоволила подать ему** довольные

* Зачеркнуто: «оказала».

** Зачеркнуто: «не малые».

знаки своего Высочайшего благоволения и пожаловала, по желанию его, деревни. Возвратясь в С.-Петербург, Ломоносов увидел во Профессорском собрании оному на общее лицо реприманд в слушании. А покойник Адмирал Князь Голицын показал Ломоносову также вежливый реприманд от Президента, в форме письма от Советника Теплова, что он в чужую должность вступился, отпустил в Москву реченного Ломоносова. Толь противны были Шумахеру его успехи.

§ 29

.....*

Блаженныя памяти Государыня Императрица Елисавета Петровна на куртаге Ломоносову, через Камергера Шувалова, изволила объявить, в бытность его в Москве, что Ее Величество охотно бы желала видеть Российскую Историю, написанную его штилем. Сие приняв он с благодарением и возвратясь в С.-Петербург, стал с рачением собирать к тому нужные материалы (сочиненный первой том поднесен Ее Величеству с дедикациею в 59 году письменной). При случае платы в награждение по задаче, ста червонцев, за Химическую диссертацию, Ломоносов сказал в собрании Профессорском, что, де, «он, имея работу сочинения Российской Истории, не чаёт так свободно упражняться в Химии, и ежели в таком случае Химик понадобится, то он рекомендует Ландмедика Дахрица». Сие подхватя Миллер, записал в Протокол, и согласясь с Шумахером, без дальнего изъяснения с Ломоносовым, скоропостижно выписали доктора Залхова, а не того, что рекомендовал Ломоносов, которой внезапно увидел, что новый Химик приехал и ему отдана Лаборатория и квартира. Помянутой Залхов был после весьма жалок; ибо после выезду Ломоносова из квартиры вступил Асессор Тауберт, а Залхов долго шатался по наемным, от Лаборатории удаленным, квартирам и не мог за Химию приняться. Между тем Ломоносов с ним приятельски обходился и не дал себя привести на неповинного Залхова в огорчение, а Залхов не пристал к** Шумахерской стороне, за что он выгнан из России бесчестным образом; ибо не токмо прежде сроку дан ему абшид, но Тауберт, будучи уже в Канцелярии Членом, без спросу и согласия и без подписания своих товарищей, Коллежского Советника Ломоносова и Надворного Советника Штелина, послал промеморию в Адмиралтейство, чтобы оная Коллегия послала Указ в Кронштат и приказала у онога Залхова отнять данной ему диплом, как Академическому Члену.

* Первоначально было написано и потом зачеркнуто: «§ 30. Вскоре после того воспоследовало нещастие с Рыхманом от громовой электрической силы. Акт публичный для того отложен, которой отправить определено было с ним Ломоносову».

** Зачеркнуто: «их партии».

§ 30

С Миллером происходило следующее. Около тех же времен, после бывшей Комиссии в Академии для прекращения споров между Миллером и Крекшиным, о Государской фамилии Романовых происшедшему в которой, для рассмотрения, посажены были Профессоры Штруб, Третьяковский и Ломоносов, впал Миллер в некоторое нелюбие у Господина Президента и у Теплова, и тогда отнято у него Ректорство и отдано Крашенинникову. Сие чаятельно воспоследовало от того, что он в первом томе Сибирской Истории положил много мелочных излишеств и, читая оное, спорил и упрямялся, не хотя ничево отменить, со многими Профессорами и с самим Ассессором Тепловым. Также, вместо самого общего Государственного исторического дела, больше упражнялся в сочинении родословных таблиц, в угождение частных знатных особ. Сие казалось Шумахеру во власти опасно, и ради того старался Ассессору Теплову все об нем внушать и искал* удобного случая**.

§ 31

Между тем издана во Франции карта Американских морских путешествий Чирикова и Берингова, о чем Академия не мало потревожена, и Миллер должен был делать сему поправление. Около сего времени перехвачено письмо Делилево к Миллеру об Академических обстоятельствах, в котором найдены презрительные речи для Академии, и для того учреждена, по имянному Указу, в Академической Канцелярии Следственная Комиссия, ему не велено выходить из дому и письма его опечатаны, в коих, при разборе, найдено нечто непристойное, однако, по негодованию и просьбам Миллеровых при Дворе приятелей, дело без дальностей оставлено.

§ 32

После того велено Миллеру, для публичного акта в Академии, сочинить речь или диссертацию из Российской Истории, к чему он избрал матерю, весьма для него трудную, о имени и о начале Российского народа, которая, как только без чтения перед Профессорским собранием напечатана и в Москву к Президенту для апробации отослана, немедленно публичной акт отложен и речь Миллерова отдана на рассмотрение некоторым Академическим Членам, которые тотчас усмотрели не мало неисправностей и сверх несколько насмешливых выражений в рассуждении Российского народа, для чего она речь и вовсе отставлена. Но Миллер, не довольствуясь тем, требовал, чтобы диссертацию его рассмотреть всем Академическим собранием, что и приказано от Президента. Сии собрания продолжались

* Зачеркнуто: «ловил».

** Зачеркнуто: «приценка».

больше года. Каких же не было шумов, браней и почти драк! Миллер заелся со всеми почти Профессорами, многих ругал и бесчестил словесно и письменно, на иных замахивался в собрании палкою и бил ею по столу Конференцкому, и наконец у Президента в доме поступил весьма грубо, а пуще всего Ассессора Теплова в глаза* обесчестил. После сего вскоре следственные Профессорские Комиссии кончились, и Миллер штрафован понижением чина в Адъюнкты.

§ 33

При отъезде Президентском в Украину, спустя по окончании Комиссии около полугода, пожалован Ассессор Теплов и Профессор Ломоносов в Коллежские Советники вместе, сей при своей профессии, а оной при Гетмане, Адъюнкт Попов произведен в Профессоры и Миллер прощен и из Адъюнктов произведен в Профессоры, и чтобы его из унижения поднять и укрепить против Ломоносова, которой Шумахеру казался опасен, дабы не умалил его самовластия, для того Миллер вскоре определен Секретарем и одобрен знатною прибавкою жалованья, и Географической Департамент поручен ему же. Сверх того, посажен и в Комиссию, которая, по Президентскому Ордеру, учреждена была для отрешения излишеств от Академии, в коей Члены были: Коллежские Советники Шухер и Ломоносов, Надворный Советник Штелин и Профессор Миллер**.

§ 34

Причина была следующая сей Комиссии. Слух достиг и до самых внутренностей Двора об излишествах, недостатках и непорядках Академических, и Президент услышал неприятные там речи о своем правлении. И для того послал о поправлении сего в Академическую Канцелярию Ордер, к Советнику Ломоносову особливой, при чем и приватное письмо от Советника Теплова, в коих точно и ясно изображены Шумахеровы непорядки, и по тому*** ни коею мерою отрещись невозможно, что Шумахеровы непорядки были давно ведомы****. С начала сея Комиссия дело зачалось было изрядно, однако можно увериться, что Шумахер, будучи членом в той Комиссии, которая учреждена для разбору его же непорядков, во всем добром успеху препятствовал. И Надворный Советник Штелин за художества стоял больше, нежели за науки. Бывшей тогда в Канцелярии Секретарь Халин искал себе Ассessorства и единственного смотра над книжным печатаньем и торгом, который был всего тягостнее наукам, старался всячески угождать Шумахеру. Наконец Комиссия

* Зачеркнуто: «назвал бездельником».

** Зачеркнуто: «Ассessor Тауберт».

*** Зачеркнуто: «Президенту».

**** Зачеркнуто: «он давно знал довольно».

кончена и подан репорт Президенту, которого исполнение могло бы хотя несколько поправить Академическое состояние. Однако он совсем оставлен без внимания. Отрешен только за пьянство Архитектор Шумахер, однако после опять принят и поступает по-прежнему.

§ 35

Воспоследовало Высочайшее повеление блаженные памяти Императрицы Елисаветы Петровны о исправлении Статов всех Правлений и Судебных мест, по чему и в Академии Наук Указ прислан, чтоб Академической Стат поправить и рассмотреть по идее Ассессора Тауберта. Созвано для того общее Профессорское собрание, где присутствовал и Советник Теплов, которой, как сочинитель Академического Стата, стал в том жестоко спорить, что оной, еще как новой, не подлежит никакой перемене, и по тому, де, должно его оставить в своей силе. Советник Ломоносов напротив того представлял, что в оном Стате есть много неисправностей и прекословных и вредных установлений, и оно, де, доказывается тем, что по нему не читается исполнения. Советник Теплов с презрением слов его не хотел слушать, от чего дошло с обеих сторон до грубых слов и до шума, и в собрании ничево не положено. По наговоркам Теплова отрешен был Ломоносов от присутствия в Профессорском собрании, однако при Дворе законно* оправдан и отрешение его письменно объявлено недействительным и ничтожным. Хотя, де, Академической Стат снова по Указу из Правительствующего Сената недавно подан, яко не подлежащей к исправлению, к чему Ломоносов не подписался; но как он во всем сам прав, засвидетельствовал сам его Сиятельство Президент, приказав своим Ордером новой Академической Стат сделать Статским Советникам Тауберту и оному Ломоносову.

§ 36

При окончании сея главы, для большего уверения худою состояния Академии в сей эпохе, показать должно следующее: 1) что для таковых Академической Канцелярии поступок никто не хотел из иностранных ученых вступить в Академическую службу, и нужда была принимать на упалые Профессорские места людей весьма посредственных, но и те склонились нарочным увещанием. Профессор Бургав отпущен был в отечество и в другие места, на Академическом коште, под видом Академических нужд, надлежащих до книжного дела. А в инструкции его, между главными пунктами, было предписано, чтобы, в проезде своем, истреблял в чужих краях худые мнения о нашей Академии и уверял о ее цветущем состоянии. 2) На письмо Профессора Штруба к Советнику Теплову, коим Штруб просит прибавки жалованья, отвечал оной отка-

* Зачеркнуто: «справедливо».

зом, объявля, что, де, ныне Академия без Академиков, Канцелярия без Членов, Университет без Студентов, правила без важности, и наконец во всем замешательство еще по ныне неисцелимое.

Глава третья
О поведении Канцелярии Академической
после определения новых в ней Членов

§ 37

При отъезде на Украину определил Президент в Канцелярию новых Членов, в прибавление к Статскому Советнику Шумахеру, Коллежского Советника Ломоносова и Ассессора Тауберта. Надворный Советник Штелин сперва присутствовал по строению Академических погорелых палат, а после определен и действительно Канцелярским Членом. Кроме известных, прежде бывших, непорядков, странными показались Советнику Ломоносову: 1) подряды, происходящие по выстройке погоревших палат и по заведению новой Типографии Ассессором Таубертом и всяких починок, в коем деле не мог везде соглашаться без нарушения законов, и для того записывал свой голос особливо, чему примеры показать можно. Секретарь Академической протестовал о таковых подрядях после того и в Правительствующем Сенате. 2) Великая раздача книг в подарки, без Высочайшего повеления, в богатых переплетах, чему и реестр персон имеется, по которому видеть можно, сколь мого истрачено казны с начала Академии до ныне. 3) Великое множество дел, до наук ничево не надлежащих, покупки разных вещей на Типографию, в книжную лавку, в мастеровые палаты, а особливо что по мелочам в разбивку, которыми так время тратится, что мало досуга остается стараться о главном деле, о науках, что можно усмотреть из Канцелярских журналов и протоколов. На что Ломоносов многократно представлял, чтобы оное прекратить, однако без успеху, за тем что товарищи его тем больше* могли себя показать многодельными и прилежными, чево они не могли показать по наукам.

§ 38

Подал Советник Ломоносов в Профессорское собрание проект о делании трубы, с кою бы яснее видеть можно было в сумерках, и представил давно у себя сделанной тому опыт. Физики Профессор, что ныне Коллежский Советник, Епинус, делал на то объекции, почитая сие невозможным делом. Ломоносов, не много после того спустя, получил от Камергера Шувалова присланную трубу того ж сродства, и он представлял в доказательство своей справедливости. Однако Профессор Епинус не токмо слушать не хотел, но и против

* Зачеркнуто: «а особливо».

Ломоносова употреблял грубые слова и вдруг, вместо дружбы прежней, стал оказывать неприятельские поступки. Все явно уразумели, что то есть Таубертов промысел по Шумахеровскому примеру, которой ученые между Профессорами споры, кои бы могли дружелюбно кончаться, употреблял в свою пользу, портя их дружбу. Все явно оказалось тем, что Епинус не токмо с Ломоносовым, но и с другими* Профессорами, ему приятельми, перестал дружиться, вступил в Таубертову компанию и, вместо прежнего прилежания, отдался в гулянье; Тауберт Епинуса везде стал выхвалять и рекомендовать** и тем сделал себе два выигрыша: 1) что отвел от наук человека, которой бы стал, может быть, действовать ими против него, если б при науках остался; 2) сыскал себе в помощь недоброжелателя, Ломоносова, что следующим примером неоспоримо доказывается.

§ 39

Пожалован между тем Коллежский Советник Теплов в Статские Советники; для того Ломоносов, как в одно время произведенный прежде, подал и о своем произвождении прошение Его Сиятельству, Академии Господину Президенту, что он и принял благосклонно. Советник Тауберт, уздав о сем, употребил, для помешательства сему, Профессора Цейгера и Адъюнкта Кельрейтара, бывшего в великой любви у Тауберта и у Миллера; скопом пришед к Президенту, просили, чтобы, не воспоследовало***, Ломоносову произвождение, что учинили и у других некоторых особ, имея предводителем Епинуса, а речь вел Цейгер. По чему и остановлено произвождение Ломоносова, несмотря на то что он уже девятой год тогда был в одном чину, служив близ тридцати лет и отправляв до четырех профессий сверх дел Канцелярских; напротив того Епинус, быв здесь едва три года по контракту, произведен Коллежским Советником, не показав ни малой услуги Российскому отечеству, по Таубертовской рекомендации и еще мимо старших его иностранных, усердно трудившихся в наставлении Российского юношества в Университете, от чего Епинус не основательными отговорками вовсе отказался.

§ 40

Чтение лекций, как неприятно Тауберту, хотя из вышеписанного довольно уразуметь можно, из следующих неоспоримо окажется; однако не можно не упомянуть и сего поведения. Катедра Профессорская стояла в Академических палатах, где читал лекции

* Зачеркнуто: «многими».

** Зачеркнуто: «а особливо».

*** Зачеркнуто: «не для чего иново, как что он стал Ломоносову недоброжелателем, что следующими примерами неоспоримо доказывается».

по большей части* Профессор Браун, которого всегдашнее старание о научении Российских Студентов и при том честная совесть особливо похвалы и воздаяния достойны. Тогда безо всякого определения и согласия Канцелярии прочих Членов и совсем без их ведома, Ассесор Тауберт велел оную кафедру вынести вон, которая после очутилась в Гимназии. И если бы не старанием Ломоносова, то бы лекции тогда вовсе пресеклись, за тем что расположение тогдашнее Профессорское и Студентское житье по разным квартирам требовало, чтоб кафедре быть в Академических палатах.

§ 41

Для хранения Российских древностей от разрушения и для удовольствия охотников, представил Советник Ломоносов в Академической Канцелярии, чтобы списать портреты прежних Государей, кои по разным столичным и удельным городам в бывших Княжениях находятся в церквах при гробницах, сняв с них рисунки на бумаге, при Академии переправить чище и, нагрыдоравав, пустить в свет. Согласились все Члены, и признан к тому довольно способным рисовальной мастер Андрей Греков; сделано определение и от Святейшего Синода и истребован позволительный Указ, чтобы его допускать для сего дела везде в церкви. Однако Тауберт, для пресечения сего дела, для того, что не от него, но от Ломоносова, получило свое течение, нашел способ, рекомендовав сего Грекова для обучения рисования Его Императорского Высочества. Что он сие учинил с зависти и злобы, то неспоримо: 1) что можно бы к сему много лутчих рисовальщиков сыскать, кроме Академии, а особливо, что Тауберт знал готовое уже Грекова отправление; 2) что, кроме исполнения своей на Ломоносова злости, отнюдь бы он Грекова не рекомендовал к такому знатному месту, за тем что он был свидетелем на теста его, Шумахера, во время Следственной на него Комиссии; по чему меньшего брата его, Алексея Грекова, и по ныне утесняет чувствительно.

§ 42

Не токмо в Академических делах Ломоносову чинены многие препятствия, но и по его приватным трудам** оскорбления, когда мозаичное дело привел он до такова совершенства***, что стали многие похвалять его старание. В то время издано в ежемесячных сочинениях некоторое известие о мусии, наполненное незнания о сем деле, а паче презрения сего искусства, которое ныне в Риме и здесь производится из стеклянных составов и превосходнее древнего. Сии ругательства делу, для отечества славному, от кого произошли, вид-

* Зачеркнуто: «почти один».

** Зачеркнуто: «многия».

*** Зачеркнуто: «что повелено ему строить».

но, что при конце оногo сочиненьица стоят буквы В. Т.; собирает сочинения Профессор Миллер, печатает Тауберт. Одному Ломоносову стихотворство, другому ево история, третьему обое и паче всего в Канцелярии товарищество, противно.

§ 43

.....*

По силе Генерального Регламентa разделены Академические Департаменты Президентским Ордером по Канцелярским Членам; в особливое смотрение Коллежскому Советнику Ломоносову поручено Профессорское собрание, Университет, Гимназия и Географической Департамент, Надворному Советнику Штелину Департамент Академических Художеств, также грьдоровальное, резное и другие мастерства, Ассессору Тауберту Типография, книжная лавка, и в сем последнем** хотя Ломоносов и Штелин тогда ж представляли, что инструментальное дело должно разделить, то есть для поделок Типографских надобностей требуется только столяр, кузнец и слесарь, а прочие, как мастер геометрических, оптических, астрономических и метеорологических инструментов, подлежат к Департаменту Наук, который дан в смотрение Ломоносову, однако Шумахеров и Таубертов голос больше уважены. И после того инструментальных мастеров труды почти единственно употреблены в приватные угождения; ибо по Канцелярии о происхождении дел в инструментальной лаборатории ничево почти не известно, также Астрономическая Обсерватория и Физика едва ли чем от оной пользовались, не токмо в деле новых, но и в починке старых инструментов.

§ 44

Ломоносов первое по своим Департаментам принял в уважение Гимназию и Университет, кои были в весьма худом состоянии, а особливо что жили Гимназисты и Студенты по городу порознь; не было никакого Регламентa, которой велено уже с начала нового Стата сочинить Президенту, от чего происходило: 1-е, что помянутые молодые люди без распорядка в классах и в лекциях Профессорских не были обучаемы надлежащим образом; 2-е, живучи далече от Академии, не приходили в надлежащие часы к учению, а иногда по несколько недель отгуливали; 3-е, поделались, жалованье получали многие весьма малое, и тем еще поделаясь с бедными своими родителями, претерпевали скудость*** в пище и ходили по большей части в рубищах, от того и достал

* В начале зачеркнуто: «1758 года, Марта».

** Зачеркнуто: «деле».

*** Зачеркнуто: «бедность».

теряли охоту к учению. Для отвращения сего сочинил Ломоносов, с позволения Президентского*, обоих сих Департаментов Статы вновь, кои Его Сиятельством и апробованы, и дело пошло лутчим порядком.

§ 45

Однако в надлежащее течение привести не возможно было, за невыдачею денег на учащихя, в чем Советник Тауберт много противился; ибо, имея казну от книжной лавки под своим ведением и печатью, с великим затруднением** давал на Университет и Гимназию, когда Статной казны в наличестве у Коммисарства не было, хотя все книжное дело и доходы произошли из Академического определенного иждивения, с немалым наук ущербом, так что иногда Ломоносову до слез доходило; ибо, видя бедных Гимназистов босых, не мог выпросить у Тауберта денег, видя, что на ненужные дела их употребляет. Например: дочь умершего давно пунсонщика, Купия, принесла после отца своего оставшие старые инструменты, которые тотчас для словолитной за 120 рублей наличных денег взяты, когда Гимназистам почти есть было нечево. Таковые поступки понудили Ломоносова просить Президента, чтобы Университет и Гимназия отданы были ему в единственное смотрение, и сумму по новому Стату на оба сии учреждения отделять особливо, с тем, чтобы Канцелярия (сиречь, прочие Члены) чинила ему в том всякое вспоможение. Сколько ж напротив того учинено препятствия, следует ниже; однако, несмотря на оные, старанием Ломоносова начались в Гимназии*** экзамены и произвождение из класса в класс и в Студенты и в Университете лекции, и в четыре года произошли уже двадцать человек, а в одно правление Шумахерово в тридцать лет не произошло ни единого человека.

§ 46

Успехи Гимназии и Университета коль тягостны были Тауберту, можно видеть из препятствий, учиненных вместо вышепомянутого вспоможения. Профессор Модрах, бывший тогда Гимназии Инспектор, принес к Ломоносову Канцелярский Ордер, ниже Ломоносовым подписанной и к Модраку посланной, для принятия денег на Студентов и Гимназистов, в котором выскоблено и на том же месте написано: и «употреблять их по моим словесным приказаниям», что законам противно и чаятельно ни чем другим, как Таубертовым приказанием, сделано.

* Зачеркнуто: «по приказанию Президентскому».

** Зачеркнуто: «нередко».

*** Зачеркнуто: «производить лекции».

§ 47

Когда Ломоносов сочинил Статы и Регламенты для Гимназии и Университета, то, для путчей исправности, сообщил их, для просмотра и делания примечаний, Советнику Теплому и четверем Профессорам. Теплов сделал примечания, и трое из Профессоров, кои были по большей части справедливы и приняты в уважение; четвертый, приняв Таубертовы советы, спорил против числа Студентов и Гимназистов, точно его слова употребляя, что: «Куда, де, столько Студентов и Гимназистов? Куда их девать и употреблять будет?» Сии слова твердил часто Тауберт Ломоносову в Канцелярии, и хотя ответствовано, что у нас нет природных Россиян ни Докторов, ни Аптекарей, да и Лекарей мало, так же Механиков, искусных горных людей, Адвокатов, ученых и ниже своих Профессоров в самой Академии и других местах, но, не внимая сего, всегда твердил и другим внушал Тауберт: «Куда со Студентами?»

§ 48

В представлении своем к Господину Президенту о исправлении Университета и Гимназии Ломоносов рекомендовал в Профессоры Адъюнктов Козицкого и Мотониса, одного Философии, а другого Греческого языка, и приводил Тауберта, чтобы на то склонился, за тем, что представление одного не толь видно: однако он отговаривался отчасти недостатком суммы, отчасти полагая причиною, яко бы они были не прилежны, не хотят по его приказаниям ничево делать, и протчая. Но не так он поступил с угодником своим, Румовским, и недавно с наглым Шлецером, которого непозволенным образом хочет довести в Профессоры Истории, о чем ниже.

§ 49

Для твердого основания Санкт-Петербургского Университета и для его уважения, старался Советник Ломоносов, чтобы исходатайствовать оному надлежащие привилегии и учинить торжественную инаугурацию, по примеру других Университетов; для того, с позволения Его Сиятельства, Академии Президента, сочинил, по примеру других Университетов, привилегию, и с его апробациею и Профессорского собрания, отдал переписать на пергамене, с надлежащими украшениями и со всеми принадлежностями, подал в бывшую тогда Конференцию, где она апробована Канцлером, Его Сиятельством, Графом Михайлом Ларионовичем Воронцовым, контрастирована к подписанию Ее Величества блаженные памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, и между прочими делами предложена; но приключившаяся тогда болезни и скорая Ее кончина сие пресекли. Примечания достойны при сем деле Таубертовы поступки: 1-е, что она об Университетской инаугурации не хотела и слушать,

и ради того и у проекта привилегии, для подания в Придворную Конференцию, не подписался, которая представлена за Президентскою и Ломоносова рукою; 2-е, к Адъюнкту Протасову послан был Ордер в Голландию, чтобы, не ставясь там в Докторы, ехал в С.-Петербург, для поставления при инаугурации. К сему Тауберт не подписался, отзываясь: «Какие, де, здесь постановления в Докторы? Не будут, де, его почитать;» будто бы здешняя Монаршеская власть не была толь важна, как Голландская*. Правда, что инаугурация, за вышеписанною причиною, пресеклась, однако Протасов всегда мог быть здесь Доктором поставлен. Но Тауберт, во время тяжкой Ломоносова болезни, отослал снова Протасова в Голландию, для получения Докторства, чем потеряно время и иждивение напрасно и авторитету Академическому ущерб сделан, коея Президенту в Регламенте позволено производить в ученые градусы. Что ж Тауберт учинил не для пользы Протасова, а в укушение Университету, то явствует по тому, что, после возвращения Протасова Доктором, произвождения его в Профессоры продолжал время, и если бы Ломоносов не ускорил отнести дело на дом Президенту для подписания, то бы, конечно, Протасов и по сию пору был бы Адъюнктом. Однако Тауберт и еще при том выиграл, что угодника своего, Румовского, наделил старшинством перед Протасовым.

§ 50

Для учреждения Университета должно было иметь** Профессора Юстиции, которое место, после отрешения Штрубова, что ныне Канцелярским Советником, было порожнее. Ломоносов, по рекомендации Господина Голбаха и после одобрения в Профессорском собрании (кроме Миллера), представил Обер-Аудитора Федоровича, которой, кроме того, что Юриспруденции во Университетах обучался, был через много лет в Статской службе, при Медицинской Канцелярии и в Адмиралтействе, и, сверх других Прав, изрядно научился Российскому, по чему он и принят Его Сиятельством. Тауберт и Миллер его и поныне ненавидят и гонят, за тем что служит к учреждению Университета. Злоба ему оказана особливо в двух случаях: 1-е, научили его недоброхоты из старых Студентов переводчика Поленова, который у Федоровича юридические лекции слушал, чтобы он просился за море для науки, объявляя, что у Федоровича ничего принять не может (сия была причина посылки двух Студентов за море, а не ради учения). Сие Поленова*** доношение было так уважено, что, не требуя от Федоровича (от Профессора и учителя) никакого изъяснения и оправдания, сделано Канцелярское опре-

* Зачеркнуто: «в Голландии».

** Зачеркнуто: «учредить».

*** Зачеркнуто: «ученическое».

деление, мимо Ломоносова, в поношение Федоровичу и в удовольствии Поленова, а Студент Лепехин послан с ним для виду. После того представлял Федорович оправдание свое в собрании Профессорском, которое опровергал Миллер, не токмо ругал Федоровича бесчестными словами, но и взащей выбил из Конференции. Федорович просил о сатисфакции и оправдан Профессорскими свидетельствами; однако дело еще не окончено. Низко поступил Миллер со Студентом Иноходцевым, который, будучи поручен Румовскому для научения Астрономии, потом подал в Канцелярию прошение, чтобы его от оной науки уволить, за недовольною способностью глаз, при чем присовокупил, что от Румовского весьма редко слышит лекции. По сему призван сей Студент перед Профессорское собрание и жестокой учинен выговор, а доношение переписать ему велено.

§ 51

Университет и Гимназия почти с начала содержится на наемных квартирах, на что уже издержано Казны многие тысячи. Для того, уже после нового учреждения сих Департаментов, представлял Ломоносов, чтобы купить близ Академии находящейся дом Строгоновых под Университет и Гимназию, и торг уже в том намерении за несколько лет продолжался, а особливо, что Троицкое подворье, где ныне Университет и Гимназия, весьма обветшало, сверх того тесно. Тауберт не показался быть тому противень даже до нынешней весны, когда Ломоносов, за слабостью ног, через худую реку в распутицу, не мог часто в Канцелярии присутствовать, и при том упражнялся в делах по повелению от Двора Ее Величества; тогда Тауберт, без ведома и согласия Ломоносова, заготовил Ордер, чтобы оной дом купить под Типографские другие дела, а Университет и Гимназию совсем выключил. Оной Ордер, в чаянии, что заготовлен с общего совета, подписан Президентом, и производится уже в нем выстройка по Таубертовым намерениям и расположениям.

§ 52

Причины, кои показал при покупке Строгоновского двора под книжное дело, суть следующие: 1) для помещения магазейнов типографских и книжной лавки; 2) для Кунсткамерских служителей; 3) для типографских факторов и наборщиков; 4) для квартиры нововыписанному грьдоровальщику; 5) для анатомического театра и для Профессора Анатомии; 6) для Профессора Астрономии; 7) для помещения рисовальных учеников; 8) для переносу Кунсткамерских вещей из дому Демидовых, откуда, де, высылают хозяйку и просят в Сенате. Сии причины коль неосновательны, из сего видно: 1) что заняты под типографию* и книжную лавку знатная

* Зачеркнуто: «три дома».

часть старых Академических палат и два целые каменные дома, в один выстроенные, Капкова и Лутковского, в коих многие покои под себя занял Советник Тауберт и поместил людей для типографии ненадобных и совсем для Академии излишних. 2) Кунсткамерские и Библиотечные служители могут жить на наемных квартирах, как и другие Академические. 3) Грыдовальщик также может жить на наемной квартире, как и прежде его Шмидт и другие художники. 4) Анатомический театр должен быть не в жилом доме, но в одинаковом месте; ибо кто будет охотно жить с мертвецами и сносить скверной запах? 5) Паче же всего Анатомик, а особливо с фамилиею, иметь, при такой мерзости, свою экономию. 6) И Астроном не больше имеет право жить на казенной квартире, как другие. При том же и мертвецы не будут ему приятны, когда зандобится ити в ночь на Обсерваторию. 7) Рисовальные ученики живут в готовых, нарочно на то построенных, квартирах и другой не требуют, к тому же они и заведены сверх Стату. 8) Для Кунсткамерских вещей искать новой квартиры стыдно Господину Тауберту, за тем что починка погоревших палат идет уже около двенадцати лет, и суммы изошло тридцать тысяч, а вещей еще и по сию пору не переносить. Изо всего сего очевидно явствует, что сия покупка учинена и дом оторван от Университета и Гимназии не из важных резонов, но ради утеснения наук и препятствования Ломоносову в распространении оных, чтобы его фабрика была в лутчем состоянии, нежели науки. Хотя ж покупка учинена из книжных доходов, однако оные все возрасли из суммы, определенной на науки, с ущербом оных, и по справедливости требуют сии повороту.

§ 53

Столько препятствий учинено Ломоносову в учреждении Университета и Гимназии; но не меньше еще в другом, порученном ему, Географическом Департаменте. Прежде сего разделения, имел Профессор Миллер оное дело в своем смотреии около семи лет, где производились только копирования ландкарт оригинальных из Архива и деланы карты почтовые, планы баталей и другие, сим подобные. О главном деле, то есть о издании лучшего Российского Атласа с поправлениями, ниже какова начала не положено. Ломоносов, вступив в оною Департамента правление, неукоснительно предприял сочинить новой Российской Атлас несравненно полнее и исправнее. Для сего: 1) по представлению его и старанием, исходатайствована от Правительствующего Сената рассылка запросных Географических тридцати пунктов*, в Академии апробованных, на которых и ответов прислана уже большая часть. 2) Оттуда ж получен Указ для двух Географических Экспеди-

* «Печатных».

ций, чтобы, для сочинения нового исправного Атласа, определить знатных мест долготы и широты Астрономическими наблюдениями, к чему Указы с проектом, прогоны и спомогательные деньги уже были назначены, а план путешествия оных обсерваторов и места наблюдаемые назначены Географическим Департаментом и собранием Профессорским апробованы, с каждого Члена особливим письменным мнением. 3) Из Камер-Коллегии требовано перечневое число душ из каждой деревни, для знания разности и величины, чтобы в Атласе не пропустить больших и не поставить бы малых, и тем не потерять бы пропорции. 4) От Святейшего Синода требовано сведение о монастырях и церквах во всем Государстве, поелику требуется для Географии. И словом, все в том Департаменте получило новое движение, и по новому сему расположению сочинено до десяти карт специальных, несравненно полнее и исправнее прежних.

§ 54

Советник Ломоносов представлял своим товарищам в Канцелярии о напечатании оных, но учинены тому великие сопротивления: отговорки, что других дел много в грядоровальной палате, и отданная уже, по Канцелярскому приказу, Санкт-Петербургской Губернии карта для дела, без ведома оного Ломоносова, взята от грядоровальщика, и велено ему другое делать. После, во время жестокой болезни Ломоносова, отданы сочиненные карты на рассмотрение в Профессорское собрание, и хотя все похвалены, однако, по мнению Профессора Миллера, печатания не удостоены, якобы он приметил неисправности в наименованиях Чухонских деревень, кои, однако, никакой важности не заключают. После того другой раз оныя карты свидетельствованы и апробованы, однако уже времени между тем не мало утрачено, и сочинение далее карт не может быть исправно без Астрономических наблюдений, которые остановлены также по зависти против стараний Ломоносова, ибо остановлена посылка обсерваторов разными образы. По истребовании от Правительствующего Сената всех надобностей для помянутых Экспедиций, Тауберт представил, что оных отправить, без позволения Президентского, не должно, против чего и прочие Члены, не хотя спорить, писали от Канцелярии о том к Его Сиятельству на Украину, на что, однако, не воспоследовало никакого решения. Чаятельно, что Тауберт послал приватно спорное туда ж представление, как по всем его поступкам в рассуждении сего дела заключить можно. Лучший из числа назначенных обсерваторов, Курганов, который был истребован от Адмиралтейской Коллегии для сей Экспедиции в Академическую службу, скучив ожиданием, отправился в прежнюю команду. Красильников между тем стал старее и дряхлее. Румовской письменно отказался. Кроме сего недоставало к оным Экспедициям астроно-

мических квадрантов. Такая скудость в астрономических инструментах на Обсерватории, несмотря на то что от Сената получено, после пожара, на оные 6000 рублей, на кои куплен только большой квадрант за 180 р., а протчая сумма на мелочи истрачена. Оные квадранты Советник Тауберт взялся из Англии выписать, да опять отказался, хотя то нередко и приватным в угождение, а после обещался*. Надворный Советник Штелин, но и тот тянул весьма долго, а особливо, что оные квадранты лежали долго в пакгаузе и в Канцелярии, наконец появились тогда, когда, паче ожидания, получен Его Сиятельства Ордер, чтобы оные Экспедиции приостановить, а Тауберту и Ломоносову сочинить проекты и представить ему снова. Ломоносов оное исполнил, а от Тауберта еще ничего не видно. И так се дело без произведения осталось.

§ 55

Когда Ломоносов от своей долговременной болезни несколько выздоровел и стал в 1763 году в Канцелярию для присутствия ездить, тогда объявил Тауберт Ордер Президентской, чтобы Географической Департамент поручить Миллеру, якобы за тем, что в оном Департаменте происходят только споры и не издается ничего в свет нового. Примечания достойно, что оной Ордер дан в Августе 1762 года, когда Ломоносов был болен, а объявлен в Генваре 1763 года, когда он стал в Канцелярии и в Конференции присутствовать и стараться о продолжении нового Атласа. Причина видна, что Тауберт выпросил у Президента такой Ордер в запас, что ежели Ломоносов не умрет, то оной произвести, чтобы Миллер мог в Географическом деле Ломоносову быть соперник; ежели ж умрет, то б оной уничтожить, дабы Миллеру не дать случая себя рекомендовать Географическими делами. Оба сии тогда друзья, когда надобно нападать на Ломоносова, впрочем, крайние между собою неприятели. Оной Ордер не произведен в действие, ибо Ломоносов протестовал, что о Географическом Департаменте донесено Президенту ложно и что оной Ордер просрочен и силы своей больше не имеет.

§ 56

В прошлом 1763 году Ее Императорское Величество, Всемилостивейшая Государыня, приняв от Ломоносова апробованной в собрании план Географических экспедиций (§ 53) и рассмотрев оной, благоизволила послать в Академию справиться, что о таком измерении России** было ли когда рассуждение? На сие ответствовано, мимо одного Ломоносова, чрез Статского Советника Тауберта, от Миллера, якобы того предприятия не бывало при Академии. А об оном апро-

* Зачеркнуто: «взялся за то».

** Зачеркнуто: «трехьюгольниками».

бованном плане ничево не упомянуто, которой был причиною сего Всемилоостивейшего вопроса.

§ 57

При случае явления* Венеры** в солнце употребляя Тауберт Епинусово к себе усердие и зная его прихотливые и своенравные свойства, научил, в обиду Красильникову и Курганову, старым обсерваторам (кои, конечно, в сей практике ему не уступают, и зато почитаемы были от прежних здешних Астрономов), дабы он требовал наблюдения чинить себе одному и не допуская оных, на что оные просили в Правительствующем Сенате, и было им приказано, наблюдать вместе с Епинусом. Однако он, несмотря на то повеление, ниже на прежде бывшие и потом оказавшиеся самых Венериных обсерваций явные примеры, что могут быть и другие искусные обсерваторы вместе с главным, от дела отказался и иное испортил; ибо вскоре, по его требованию, Тауберт приказал, чтобы часовой мастер Бартело взял лучшие инструменты с Обсерватории, чем учинено Красильникову и Курганову великое препятствие, из одного только упрямства и высокоумия Епинусова, для отнятия чести у таких обсерваторов, а особливо у Красильникова, коего наблюдения, учиненные для измерения России от дальних Камчатских берегов до острова Дага в Европе, известны и одобрены от двух Делилей, славных и искусных Астрономов, и от Профессора Астрономии Гришева, а Советника Епинуса тогда не было, и нет еще по ныне таких наблюдений Астрономических, кои бы ученой свет удостоил отменного*** внимания. Сие самолюбие, и от того происшедшее помешательство, не токмо наукам препятственно, но и нарекательно; ибо злоба Таубертова и Епинусова до того достигла, что они, бегаючи по знатным домам и в дом Государской ложными представлениями, или лучше буйными криками**** заглушили оправдания***** самой неповинности перед Высочайшими особами.

§ 58

Недовольно того, что внутри домашних предметов произвели они такое беспокойство, но и во внешние земли оное простерли^{6*}. Парижской Астроном Пингрей напечатал о Санкт-Петербургских наблюдениях весьма поносительно, и видно, что он научен от здешних Красильникову и Курганову соперников; ибо, кроме других примет, в оном поношении присовокуплен к Российским обсерваторам

* Зачеркнуто: «прохождения».

** Зачеркнуто: «перед солнцем».

*** Зачеркнуто: «особливого».

**** Зачеркнуто: «превысили».

***** Зачеркнуто: «праведный голос».

^{6*} Зачеркнуто: «яд свой излили».

и Профессор Браун, которой не делал нарочных наблюдений Венеры для публики, но ради своего любопытства, и не издал в печать. А что на Брауна уже не первой раз они нападают, за его несклонность к их коварствам, то свидетельствует их поступок, когда он ртуть заморозил; ибо Миллер писал в Лейпциг именем Академии, без ее ведома, якобы начало сего нового опыта произошло от Цейгера и Епинуса, и Брауну, якобы по случаю удалось, как петуху, сыскать жемчужное зерно.

§ 59

Напротив того, когда Румовской, обещаниями и ласканиями Таубертовыми, склонился к тому, чтобы помогать оному против Ломоносова и других своих одноземцев, хотя не имел удачи учинить наблюдения проходящей по солнцу Венеры, как он в своем письме из Нерчинска к Ломоносову признается, однако, по возвращении его в С.-Петербург, выведено наблюдение, по другим примерам снаряженное, в чем Епинус много больше сделал, нежели сам Румовской, и, сверх того, требованы наставления от других Астрономов вне России. Что же Румовской науцен на Ломоносова, то явствует заключение его оптических известий, читанное в публичном собрании, где не кстати прилеплена теория о свете; но Румовского в сей материи одобрение не важно и охуление не опасно, как от человека, в Физике не знающего.

§ 60

Выписанный еще при Гришове большой Астрономический квадрант, который около десяти лет лежит без употребления, вздумал Статский Советник Тауберт, с общего совета с Советником Епинусом, поднести на Обсерваторию, что удобному употреблению практике и самим примерам в Европе противно. И для того Статский Советник Ломоносов и Надворный Советник, Астрономии Профессор, Попов, представлял, что оный квадрант на высокой башне* поставлен быть не может для шатости; ибо мелкие его разделения больше чувствуют переменные шатания высокого строения, нежели небольших квадрантов, от коих не требуется таких точностей. На все сие невзирая, намерение их исполнено, и поднять не токмо оной тяжелой квадрант, но и, для его укрепления, камень около тысячи пуд, в бесполезную, излишнюю тягость башне, в излишнюю беспрочную трату казны и в напрасную трату времени, которая и поныне продолжается, купно с беспрерывными перепочинками, кои казне стоят многие тысячи и пользы

* Зачеркнуто: «которая близ реки».

ни какой по наукам нет, кроме тем, коим всегдашние подряды для поделок и переделок прибыль приносят.

§ 61

Для вспоможения в сочинениях Профессору Миллеру, принять в Академию Адъюнктом Титулярным некто иноземец Шлецер, который показался Тауберту весьма удобным к употреблению* в своих происках. И ради того приласкал его к себе, отвратив и отменив от Миллера, везде стал выхвалять и, видя его склонность к наглым поступкам, умыслил употреблять в нападках своих на Ломоносова; а чтоб его подкрепить, рекомендовал для обучения детей Президентских. Первой прием на Ломоносова был. Чтобы присечь издание Ломоносова Граматики на Немецком языке, дал все способы Шлецеру, чтобы он, обучась Российскому языку по его Граматике, перевернул ее иным порядком и в свет издал, и для того всячески старался останавливать печатание оные, а Шлецеру ускорял печатать в новой Типографии скрытно, которой уже и напечатано много листов, исполненные смешными излишествами и грубыми погрешностями, как еще не далеко знающего язык Российский** ожидать*** должно**** купно, с грубыми ругательствами. Сие печатание хотя Российским ученым предосудительно, казне убыточно и помешательно печатанию полезнейших книг, однако Тауберт оное производил, для помешательства, или, по малой мере, для огорчения Ломоносова.

§ 62

По Указу Правительствующего Сената, переведены Китайские и Манжурские книги о состоянии тамошних народов переводчиками Россохиным и Леонтьевым на Российский язык, для Государственной пользы, и велено их напечатать при Академии 1762 года. И оные книги по дорогой цене куплены и чрез людей Российских, однако Тауберт не обинулся отдать оному ж Шлецеру, чтобы сделал экстракт для напечатания человеку чужестранному, будто бы своих, столько смыслящих, при Академии не было, или в другой какой команде, человеку, едва ли один в год России прожившему. Сие ж учинил Тауберт без общего ведома и согласия прочих Членов и без позволения от Сената, самовластно. Однако ж*****, что сделано по сему Шлецером, не известно. Может быть, сделан экстракт на Немецком языке и сообщен в чужие Государства.

* Зачеркнуто: «его известию».

** Зачеркнуто: «от недавно начавшего учиться».

*** Зачеркнуто: «требовать».

**** Зачеркнуто: «сверх того».

***** Зачеркнуто: «едва ли».

§ 63

Мало показалось Тауберту и сего дела для Шлецера, ибо он его выхваляет почти всемогущим, присоветовал сочинять ему и Российскую Историю, дал позволение брать Российские манускрипты из библиотеки, хранящиеся в особливой камере, которые бы, по примерам других библиотек, должно хранить особливо от иностранных. Оные книги Шлецер не токмо употреблял на дому, но некоторые и списывал. Надеясь на все таковые подкрепления от Тауберта, подал в Профессорское собрание представление, что он хочет сочинить Российскую Историю и требует себе в употребление исторические сочинения Татищева и Ломоносова, к крайней сего обиде, которой, будучи природной Россиянин, зная свой язык и деяния Российские, достаточно упражнявшись* в собрании и в сочинении Российской истории около двенадцати лет, принужден терпеть** таковые наглости от иноземца***, которой еще только**** учится***** Российскому языку.

§ 64

В начале нынешнего лета требовал Шлецер отпуску в отечество на три месяца, и как заподлинно уверял, что он с Профессором Цейгером вместе поедет. Сверх того, и в Геттингских Ученых Ведомостях напечатано, что Шлецер там объявлен^{6*} Профессором; наконец, истинное для него здесь историческое Профессорство, всякими Таубертовыми мерами^{7*} не удалось^{8*}, то скорой отъезд его из России был отнюдь не сумнителен. Между тем Профессор Миллер неоднократно жаловался на Тауберта в Профессорском собрании, что он все историческое дело старается отдать Шлецеру, вверил ему всю Российскую библиотеку, так что Шлецер выписывает и переписывает, что хочет, на что писцов наймует, а одного, де, и нарочно держит. О чем, де, он не для чего другого так старается, как чтобы, выехав из России, не возвратиться, изданием Российских исторических известий там наживать себе похвалу и деньги. Ломоносов, ведая все прежнее, слыша Миллеровы основательные жалобы и представ-

* Зачеркнуто: «и уже показав дей.».

** Зачеркнуто: «видеть».

*** Зачеркнуто: «низкого».

**** Зачеркнуто: «от того, кто лишь».

***** Зачеркнуто: «начал».

^{6*} Зачеркнуто: «назначен».

^{7*} Зачеркнуто: Ломоносовым на поле прибавлено: «не так, как о Козицком, Мотонисе и Протасове, и, несмотря на то что есть два Профессора Истории, Миллер и Фишер, также и Ломоносов действительно пишет Российскую Историю».

^{8*} Зачеркнуто: «не сбылось».

ления, и опасаясь, чтобы не воспоследовали такие же неудовольствия, какие были прежде от иностранных, из России выезжих, не мог, для краткости времени, не терпящего ни малого умедления, и для отсутствия Президентского, и не должен был преминуть, чтобы о том, для предосторожности, не объявить Правительствующему Сенату, о чем ныне дело производится. Позволение от Тауберта Шлецеру брать и переписывать Российские неизданные манускрипты есть неоспоримо*. Тауберт, как видно, хочет тем извиниться, что будто бы в сем позволении и в переписке не было никакой важности. Однако ему противное тому доказано будет.

Глава четвертая Примечания и следствия

Рассматривая все вышеписанное, которое доказывается живыми свидетелями, письменными документами, приватными и публичными, неспоримо и осязательно удостоверен быть должен всяк, что Канцелярия Академическая основана Шумахером для его властолюбия над учеными людьми, и после для того утверждена по новому Стату и Регламенту, к великому наукам утеснению. Ибо 1) имел он в ней способ принуждать Профессоров удержанием жалованья или приласкать прибавкою оногo. 2) Принятием и отрешением по своей воли, не рассуждая их знания и достоинств, но токмо смотря, кто ему более благосклонен или надобен. 3) Всевал между ними вражды, вооружая, особливо молодых на старших, и представляя их Президентам беспокойными. 4) Пресекал способы употреблять им в пользу свое знание всегдашнею скудостью от удержки жалованья и недостатком нужных книг и инструментов, а деньги тратил по большей части по своим прихотям, стараясь завести при Академии разные фабрики, и раздаривал казенные вещи в подарки, а особливо пользоваться для себя беспрестанными подрядами, покупками и выписыванием разных материалов из-за моря. 5) Для того всячески старался препятствовать, чтобы не вошли в знатность ученые, а особливо природные Россияне; о чем Шумахер так был старателен, что еще при жизни своей воспитал, обучил, усыновил, не разобрав подобно себе коварствами, превосходящего наглостью Тауберта, и Академическую Канцелярию и Библиотеку отдал ему в приданое за своею дочерью.

§ 66

Сие было причиною многих приватных утеснений, кои одни довольны уже возбудить негодование на Канцелярские поступки: ибо не можно без досады и сожаления представить самых первых Про-

* Зачеркнуто: «доказал».

фессоров, Германа, Бернулиев и других, во всей Европе славных, кои только великим именем Петровым подвиглись выехать в Россию, для просвещения его народа, но Шумахером вытеснены, отъехали, утирая слезы. Утеснение Советника Нартова, кроме многих других, нападки на Ломоносова, которой Шумахеру и Тауберту есть сугубой камень преткновения, будучи человек, наукам преданной, с успехами и при том природной Россиянин. Ибо кроме того, что не допускали его до Химической практики, хотели по том отнять Химическую профессию и определить к переводам, препятствовали в издании сочинений, отняли построенную его рачением Химическую Лабораторию и готовую квартиру, наущали на него разных Профессоров, а особливо Епинуса с Цегером и Кельрейтаром, препятствовали в учреждении Университета, в отправлении Географических экспедиций, в сочинении Российского Атласа и в копировании Государских персон по городам, и не упоминая, что Тауберт употребляет и ныне, для причинения беспокойств Ломоносову, Шлецера, не обинулся он прошлого 1763 года, призвав в согласие Епинуса, Миллера и Адъюнкта Географического Департамента Трескота, сочинить скопом и заговором разные клеветы на одного и послать в Москву, для конечного его опровержения, так что Ломоносов от крайней горести, будучи при том в тяжкой болезни, едва жив остался.

§ 67

Сие все производя, Шумахер и Тауберт не почитали ни во что нареkanie, которое наносили Президентам, от таких не порядков на них следующее неотменно. Правда, что Блументрост был с Шумахером одного духа, что ясно доказать можно его поступками при первом основании Академии, и Ломоносов, будучи участником при учреждении Московского Университета, довольно (приметил) в нем нелюбия к Российским ученым, когда Блументрост назначен Куратором и приехал из Москвы в С.-Петербург. Ибо он не хотел, чтоб Ломоносов был больше в советах о Университете, которой и первую причину подал к основанию помянутого корпуса. После Блументроста бывшие Кейзерлинг и Корф* хотя и старались о исправлении наук, однако первый был на короткое время и не мог довольно всего осмотреть, а второй действительно старался о новом Стате и о заведении** Российских Студентов; однако больше, нежели надобно, полагался на Шумахера, которой сколько об оных радел, явствует из вышеписанного. Наконец нынешней Президент, Его Сиятельство, Граф Кирилл Григорьевич Разумовской, будучи от Российского народу, мог бы много успеть, когда бы хотя немно-

* Зачеркнуто: «Бреверн один».

** Зачеркнуто: «изучении».

го побольше вникал в дела Академические. Но с самого уже начала вверился тотчас в Шумахера, а особливо, что тогдашней Ассессор Теплов был ему предводитель, а Шумахеру приятель. Главной способ получил Шумахер к своему самовластию утверждением Канцелярского повелительства Регламентом, а особливо последним пунктом о полномочии Президентском. Ибо ведал Шумахер наперед, что когда без Президента ничево нельзя будет в Академии сделать, а он будет во всем на него полагаться, то, конечно, он* полномочие при себе удержит. Сей-то последней пункт главный есть повод худова Академического состояния и нареkania нынешнему Президенту. Сей-то пункт Шумахер, Теплов и Тауберт твердили беспрестанно, что честь Президентскую наблюдать должно, и против его желания и воли ничего не представлять и не делать, когда что наукам в прямую пользу делать было надобно. Но как Президентская честь не в том состоит, что власть его велика, но в том, что ежели Академию содержит в цветущем состоянии, старается о новых приращениях ожидаемые от ней пользы, так бы и сим поверенным должно было представлять, что к чести его служит в рассуждении общей пользы. А великая власть, употребленная в противное, приносит больше стыда и нареkania.

§ 68

Вышепоказанными вредными происками и утеснениями Профессоров, шумами и спорами, а особливо посторонними и до наук не надлежащими делами, коль много в сорок лет времени потеряно, то можно видеть из худых в науках успехов, из Канцелярских журналов, которые наполнены типографскими, книгопродажными, грыдоровальными и другими ремесленными и торговыми делами подрядами и покупками, а о учоных делах редко что найдется, хотя они через Канцелярию в действие происходить должны, по реченному Стату. Если бы хотя Университет и Гимназия были учреждены с начала, как ныне происходит под особливым смотрением Ломоносова, где в четыре года произведены двадцать Студентов, не смотря на чувствительные помешательства, то бы по сие время было их в производстве до двух сот человек, и чаятельно еще бы многочисленнее, за тем, что за добрым смотрением дела должны происходить с приращением. А сие коль надобно в России, показывает великой недостаток природных Докторов, Аптекарей и Лекарей, Механиков, Юристов, ученых Metallургов, Садовников и других, коих** уже много бы иметь можно в сорок лет от Академии, ежели б она не была по большей части преобращена в фабрику, не были б утеснены науки толь чувствительно, и не токмо наставления не пресе-

* Шумахер.

** Зачеркнуто: «всех куда».

кались, как выше показано, но и власть бы Монаршеская, которая явствует в Регламентах, Академическом и в Медицинском, употреблена была на поставление в градусы, чего сколько Тауберт не хотел, явствует выше из примера с Протасовым.

§ 69

Какое же из сего нареkanie следует Российскому народу, что по толь великому Монаршему щедролюбию, на толь великой сумме, толь коснительно происходят ученые из Российского народа! Иностранные, видя сие и не зная выше объявленного, приписывать должны его тупому и непонятному разуму, или великой лени и нерадению. Каково читать и слышать истинным сынам отечества, когда иностранные в Ведомостях и в сочинениях пишут о Россиянах, что, де, Петр Великий напрасно для своих людей о науках старался, и ныне, де, дочь его, Елисавета, без пользы употребляет на то ж великое иждивение! Что ж таковые рассуждения иностранных происходят иногда по зависти и наущению от здешних недоброхотов Российским ученым, то свидетельствует посылка с худым намерением к Ейлеру сочинений Ломоносова, и после того бессовестное их ругание в Лейпцигских ученых сочинениях, несмотря, что они уже Академиею апробованы и в Комментариях были напечатаны, чего ведомостщики никогда б не сделали, из почтения к сему корпусу, когда б отсюда не побуждены были. Однако ж Ломоносов опроверг оное публично довольными доводами. Какое же* может (быть) усердие Россиян, учащихся в Академии, когда видят, что самой из них уже через науки в отечестве и в Европе знаемость заслужившей и самим Высочайшим особам не безызвестной**, принужден беспрестанно обороняться от недоброжелательских происков и претерпевать истребления почти даже до самого конечного своего опровержения и истребления.

§ 70

Наконец, по таковым пристрастным и коварным поступкам, не мог иначе состоять Академический корпус, как в великом беспорядке и в трате казны не на то, к чему она определена, но на иные разные издержки, до наук не надлежащие. От сего произошло, что хотя Академическое собрание*** и прочие, до наук надлежащие, люди, при Академии никогда в комплекте не бывали, и надобности ко ученым Департаментам почти всегда не доставали, однако претерпевать должны были в выдаче жалованья скудость, что и ныне

* Зачеркнуто: «и для того».

** Ломоносов.

*** Зачеркнуто: «Студенты и Гимназии».

случается. Между тем в Академическое комисарство с начала нового Стата по 1759 год в остатке должно б было иметься в казне 65 701 р., а по ныне чаятельно еще много больше. Но сие все исходит на беспрестанные починки и перепочинки и на содержание излишних людей, ибо на выстройку погоревших палат, кроме двадцати трех тысяч, истребованных на то от Сената, употреблено Академических близ трех тысяч рублей по 1759 год*. За починку домов Академических и наемных и за наем семнадцать** тысяч в 8 лет; за выстройки каменной палатки под глобус пол шести тысячи рублей; а после того издержаны многие тысячи на разные перестройки и на покупки вещей, на место погоревших, в Кунсткамеру, не считая дарения книг, при Академии печатанных, коих нередко расходуется даром близ ста экземпляров, не мало в дорогих переплетах, не упоминая починки, или лучше нового строения глобуса. Для всех сих, каковы бывают подряды, можно усмотреть из представления о том Канцелярии Академической от Ломоносова и из доношения в Сенат от Секретаря Гурьева. Также и о всей экспедиции заключить из того можно, что Тауберт на своей, от Президента данной, квартире, на Волкова доме чинит постройки и переделки без ведома Канцелярского. О состоянии Библиотеки и Кунсткамеры не подаются в Канцелярию никогда ни какие репорты, и словом, нет о том почти с начала ни каких ведомостей. Книжная лавка, особливо иностранная, производится без счетов, в Канцелярии видимых, и книгопродавец Прейссер, который был за двадцать лет под арестом по Мартовской Комиссии, ныне умер без всякого следствия и счету.

§ 71

Между тем науки претерпевают крайнее препятствие, производятся новые неудовольствия*** и нет к лучшему надежды, пока в науках такой человек действовать может, которой за закон себе поставил Махиавелево учение, что все должно употреблять к своим выгодам, как бы то ни было вредно ближнему, или и целому обществу. Едино упование состоит ныне, по Бозе, во Всемиловитвейшей Государыне нашей, которая, от истинного любления к наукам и от усердия к пользе отечества, может быть, рассмотрит и отвратит сие нещастие. Ежели ж того не воспоследует, то верить должно, что нет Божеского благоволения, чтобы науки возрасли и распространились в России.

(С подлинной черновой Ломоносова.)

* Зачеркнуто: «а после того еще на Библиотеку многие тысячи».

** Зачеркнуто: «одиннадцать».

*** Зачеркнуто: «вражды».

V
О ЗАВЕДЕНИИ ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
ПРИ АКАДЕМИИ НАУК

1

Минувшего 1742 года, в Генваре месяце, подал я, низжайший, в Академию Наук предложение о учреждении Химической Лаборатории, которой еще при А. Н. не было, где бы я, низжайший, мог, для пользы Отечества, трудиться в Химических экспериментах; однако на оное мое предложение не учинено никакого решения.

2

И понеже я, низжайший, в состоянии нахожусь не токмо Химические эксперименты, для приращения Натуральной науки в Российской Империи, в действо производить, и о том журналы и рассуждения на Российском и Латинском* языке сочинять, но при том еще могу других обучать Физики, Химии и Натуральной Минеральной Истории, и того ради имею я, низжайший, усердное и искренное желание наукою моею отечеству пользу чинить, в Химических трудах бесстрастно упражняться, и как Химической практики, так и теории, с присовокуплением Физики и Натуральной Минеральной Истории, других, того желающих, обучать, для того чтобы на мое обучение в Германии издержанная Е. И. В. сумма и мои в том положенные труды, напрасно не потерялись.

3

Если бы в моей возможности было, чтобы мне, низжайшему, на моем коште Лабораторию иметь и Химические процессы в действии производить можно было, то бы я, низжайший, Академию Наук в том утруждать не дерзал. Но понеже от долговременного удержания заслуженного мною жалованья, в крайнюю скудость и почти в неоплатные долги пришел, для того не токмо Лаборатории и к тому надлежащих инструментов и материалов завести мне не возможно, но с великою нуждою мое пропитание имею.

И дабы Высочайшим Ее Императорского Величества Указом повелено было, при Академии Наук, в пристойном месте, учредить из суммы Академической Химическую Лабораторию, и оную мне, низжайшему, с принадлежащими к тому инструментами и материалами поручить, и по тому определить двух Студентов, которых я, низжайший ...** да Алексея Протасова²², которых я, низжайший, Химической теории и практике, и при том Физике и Натуральной Минеральной теории, со всяким возможным старанием, обучать

* «и Латинском» прибавлено после.

** Неразобрано.

буду, а производимым Химическим процессам точной журнал вести и Академии Наук предлагать буду (же). А чтобы мне, низжайшему, в сем предприятии и трудах никакого препятствия, от недостатков и скудости, не учинилось, мне, низжайшему, выдавать заслуженное жалованье все сполна. Мая « » дня 1743 года.

(С подлинника ж.)

**В Правительствующий Сенат Академии Наук
от Профессорского Собрания**

Доношение

Прошедшего Октябри « » дня, Профессор Михаило Ломоносов объявил в помянутом собрании, что он, по возвращении своем из Германии, будучи Адъюнктом, просил в Канцелярии Академической о учреждении Химической Лаборатории троекратно, а именно: прошлого 1742 года в Генваре месяце, и 1743 в Мае, и сего 1745 года в Марте месяце, однако, де, на оные его прошения никакого решения не учинилось. И для того предложил он в том же собрании, чтобы, именем всего собрания, о учреждении помянутой Химической Лаборатории, просить в Правительствующем Сенате. И понеже мы все обще усмотрели, что Химическая Лаборатория при Академии Наук, для исследования натуральных вещей, весьма нужна, и Профессор Химии без оной надлежащие пользы приносить не может, равно как Профессор Астрономии без Обсерватории и надлежащих к тому инструментов, того ради Правительствующий Сенат всепочтеннейше просим, дабы повелено было при Академии Наук построить Химическую Лабораторию, по приложенному при сем рисунку, и оную удовлетворить нужными к тому сосудами и инструментами и другими принадлежностями, и на то определить особливую сумму, сверх положенной на Академию Наук. А сие бы было много долговечнее и безопаснее, ежели бы повелено было помянутую Лабораторию построить из кирпича со сводами, и при ней бы дом для Профессора Химии, ибо нередко случается, что Химические операции несколько дней непрерывно продолжаются, при чем оному Профессору безотлучно быть надобно.

*Декабря дня.
1745 года*

**VI
ПИСЬМО ГОРЛАНОВА К МИЛЛЕРУ**

Товарищ Крашенинникова²³ в Сибирской Экспедиции, Горланов, служил при Академии, но пропал для науки и совершенно спился от «уныния и подлости», ибо не получал в Академии никакого занятия; а между тем это письмо доказывает, что из него, при иных обстоятельствах, мог бы выйти деятель очень полезный. Его, без со-

мнения, разумел Ломоносов, когда говорил, что «один удался Крашенинников, а прочие все испортились». В письме Горланова находятся, между прочим, любопытные данные о знаменитом Русском мореплавателе А. П. Чирикове²⁴.

**Благородный, Высокопочтенный Господин Профессор,
Мой Милостивейший Государь!**

По отсылке к Вашему Благородию от меня отсюда с Камчатки нижайшего письма, писанного Ноября 25 дня, 1740 года, не имел случая Вам, Милостивейшему Государю, писать и мой должный нижайший поклон Вашему Благородию объявить, в чем покорнейше прошу на меня гневу не возыметь, но нижайше прошу сие мое письмо с благосклонностью принять, которым Вашему Благородию следующее донести смелость возымел.

Прошедшего 741 году, Марта 10 дня, по письму от Капитана-Командора, Господина Беринга²⁵, писанному к Адъюнкту Господину Стеллеру Генваря 24 дня, прошлого 741 году, отправился он, Господин Адъюнкт Стеллер²⁶, отсюда в гавань Святых Апостол Петра и Павла, для восприятия морского вояжа с Господином Капитаном-Командором Берингом, а меня он, Господин Стеллер, здесь оставил и приказал здесь ожидать Ордера, а Мая 11 дня получил я от него, Господина Адъюнкта Стеллера, письмо, которым велено было мне отсюда на дуббель-шлюпке отправиться в гавань Святых Апостол Петра и Павла, куда я того же Мая 15 дня, на дуббель-шлюпке Надежде и отправился и вошли дуббель-шлюпкою в Авачинскую губу Июня дня, и застали в оной губе стоящих на рейде судами Господина Капитана-Командора Беринга, у которого на судне и Г. Адъюнкт Стеллер, и Г. Капитана Чирикова; у него на судне был Г. Профессор Лакроер²⁷, и будучи я на судне у Капитана-Командора Г. Беринга, пришел от Адъюнкта Г. Стеллера словесный приказ, дабы я, по приезде моем в гавань Святых Апостол Петра и Павла, взял оставленную от него, Г. Адъюнкта, у Прапорщика Левашова инструкцию. И как я того же дня прибыл в объявленную гавань и получил от Прапорщика Левашева оставленную Адъюнктом Г. Стеллером инструкцию, по которой велено мне быть в той гавани до его возвращения и собирать растущие травы и прочее, написать *vocabularium* в дополнение Студента Г. Крашенинникова, выспрашивать о нравах и обычаях Камчадалов, и что еще Студентом Г. Крашенинниковым не исполнено, то велено исполнить, по которой инструкции прошлого лета собирал я растущие травы, сушил и клал их в бумагу и их имена, как они по Камчатски называются, записывал, и которые в пищу и в лекарства от Русских служивых и Камчадалов употребляются, со обстоятельством вносил в журнал. Слова Большерецкого и Нижнего Камчатских острогов и Корецкого языков прилежно записывал, которых слов имеется у меня в собрании довольно

число. И хотя я намерен был Вашему Благородию оные при сем низжайше послать, но к переписке надобно употребить немалое время; ибо не токмо имеются у меня слова здешних народов, но такожде Якуцкие, Братские, Забайкальские, Тунгузские, то намерен все сии слова (и ежели мне сего лета допустит случай Курильские слова выпросить), вместе совокупя, сколько можно будет, на бело переписать и послать к Вашему Благородию. К тому ж четвертый месяц я одержим болезнью, а именно: глазами едва смотреть могу, головою так болен, что более часа делать ничего не могу, то часа через два лежать принужден, а чрез час что-нибудь делать.

Г. Капитан-Командор и Г. Капитан Чириков отправились в свой вояж к Северо-Западным берегам для сыскания Америки, Июня 5 дня, прошлого 741 года, и были оба суда вместе на море чрез несколько дней, и потом, для часто бываемых на море туманов, которые и при С.-Петропавловской гавани летом почти ежедневно бывают, Капитан Г. Чириков от Капитана-Командора отстал и был ст. командою в вояже один Октября до 10-го дня, а 10-го дня вошел в гавань С.-Петропавловскую с небольшим числом людей; ибо многие в морском пути цынготною болезнью одержимы умерли, и из обер-офицеров умерли два лейтенанта, Чихачев и Плаутин²⁸, не дойдя до Аваги за несколько дней, а Г. Профессор Делиль де Лакроер, по входе в Авачинскую губу, не дойдя настоящего порта, 11 дня Октября, одержим цынготною болезнью, умре, которая так была сильна, что у него зубы все повыпадали. Г. капитана Чирикова привезли на берег в квартиру едва жива, который лежал гораздо долго на смертной постеле, и ежели бы чрез неделю времени он, Г. Капитан Чириков, в гавань судном не вошел, то б, конечно, судно пропало, а люди померли; ибо воды уже была одна бочка и служителям воды давалось только, чтоб горло промочить. А где ныне Г. Капитан-Командор обругается, известия никакого нет.

Как в 740, Адъюнкт Г. Стеллер из Якутска в Охотск и на Камчатку отправился, то взял он с собою провианта токмо на один год, а достальной провиант и иные вещи оставил в Якутске, и там оставил он Берггаура Самойлова, а при отправлении из Охотска сюда на Камчатку, послал он от команды своей служивого, Алексея Данилова, в Якутск, и приказал ему, Данилову, оттуда привезть свой весь провиант и прочие вещи, и мой провиант, которого оставлено было в Якутске двадцать пять пуд, под который провиант в бытность мою в Якутске нанял я шесть лошадей, ценою за каждую дал найму по пяти рублев по семидесяти пяти копеек. И как оный служивый из Якутска отправился, то он привез в Охотск провиант Г. Адъюнкта Стеллера и прочие вещи, а все ли он привез, что оставлено было Г. Адъюнктором в Якутске, я не известен; ибо от Адъюнкта Г. Стеллера приказано живописцу Г. Беркгану, дабы он у того Данилова принял о всем репорт, а моего провианта двадцать пять пуд приве-

зено в Охотск, и ныне оставлено в Охотске; понеже, как объявленный служивый Данилов прибыл в Охотск, то не застал он уже в Охотске Охотского транспортного судна галиота, но оное судно до его приезде сюда было отправлено. Чего ради оный Данилов отправился сюда на судах Г. Капитана Шпангберга и привез токмо сюда провианта для Г. Адъюнкта, две суммы и некоторый багаж, и провиант Г. живописца Беркгана и мой оставил в Охотске, где остался и Берггаур²⁹ Григорий Самойлов. И объявил тот Данилов живописцу Г. Беркгану, что якобы Г. Капитан Шпангберг на судно грузить провианта Г. Адъюнкта и его команды не приказал, то мне на сей год провианта ни фунта не привезено, и привезется ли сего лета, не известен, от чего принужден бы был я здесь покупать провианта пуд по четыре рубля, ибо мой провиант весь уже изошел, которого сюда из Охотска со мною взято было двадцать пуд; но за высокую милость и не оставление Г. Капитана Чирикова благодарю и должен благодарить, что я летом, живучи при гавани Святых Апостол Петра и Павла, довольствован был его столом, с сыном его вместе обедал и ужинал, а сына его учил я по Латынски, и жил при гавани Санктпетропавловской Марта до 30, и 30 дня, по письму Геодезии Прапорщика Г. Красильникова, оттуда отправился, и Апреля 16 дня сюда, за одержимую меня болезнью, едва приехал, и ныне здесь обретаюсь, и принужден уже покупать муки ржаной пуд по четыре рубля, крупы и мяса пуд по тому ж, масла по шестнадцати рублей пуд, соли по осьми рублей, от чего вошел уже в великие долги, а рыбного корму ныне здесь мало, промыслы рыбные хотя и бывают, но каждому жителю Камчадалы³⁰ только про них и про себя промышляют, для того что Камчадалы почти завсегда в каюрах (в подводах). А как объявленный служивый Данилов на судах с Г. Капитаном Шпангбергом сюда прибыл, то многие скалывают, что оный Данилов перевез сюда, под именем Г. Адъюнкта, несколько кунецких товаров, чему и статья можно: ибо тот Данилов совести весьма худой, и хотя Адъюнкту от живописца Г. Беркгана и от меня не токмо как из Якутска в Охотск ехали, но и в иных местах многократно неприличные поступки оногo служивого Данилова объявлены, и предлагали мы, дабы он его от своей команды отдал, но он, Г. Адъюнкт, того сделать не хотел.

По приезде моем сюда из гавани Св. Апостол Петра и Павла, был я у Господина Флота Капитана Шпангберга³¹, то он спрашивал меня, как я здесь на Камчатке от Адъюнкта Г. Стеллера оставлен, есть ли у меня инструкция, на что я ему, Г. Капитану Шпанбергу, объявил, что имею я от Адъюнкта Г. Стеллера инструкцию и при оной данную от Академии Наук и от Вашего Благородия Адъюнкту Г. Стеллеру инструкции, и с данной товарищу моему Г. Крашенинникову, инструкции ж копию, и приказал бы он, Г. Капитан, мне с данной от Адъюнкта Г. Стеллера инструкции сообщить копию; но как я сюда

в острог возвратился, то, может быть, что он, или про то забыл, или по моему щастью сделалось, ни к Геодезии Подпоручику Скобельцыну, который был здесь для отправления экспедиционных дел, о высылке меня на чекавку³², ни ко мне, чтоб быть к нему в гавань, Ордера не прислано. А в бытность мою у него, Г. Капитана, как он, Г. Капитан, намерен был меня с собою взять, объявил я ему и то, ежели он меня в море возьмет, то я весьма опасен, дабы дела Адъюнкта Г. Стеллера все утрачены не были, которые почти все у меня на руках оставлены.

Сего Мая 23 дня отправился из устья Большой реки флота Капитан Г. Шпангберг в свой морской вояж и взял с собою почти все же команды Г. Профессора и Адъюнкта Стеллера, а оставил из команды Г. Адъюнкта только одного служивого, Осипа Аргунова, за болезнью, пищиком при раздаче провианта у Прапорщика Ивашкина, который оставлен жить при Чекавкинской гавани, у хлебных магазинов.

Г. Капитан Чириков намерен был в свой вояж отправиться из гавани Святых Апостол Петра и Павла сего Мая 20 дня, но известия еще здесь поныне не имеется, отправился ли он, Г. Капитан Чириков, в надлежащий свой вояж или нет.

Оставя прочее, дабы Ваше Высокоблагородие сим моим нижайшим писанием не утрудить, дерзнул токмо сие с покорностью объявить и нижайше просить, дабы моего нижайшего прошения не оставили, а явили б вашу ко мне высокую милость, за которую не я бедный, ибо не имею, чем услужить, но Бог за оное вам воздать может. 1. Как Ваше Благородие довольно сами изволите быть известны, отправлен я из Санкт-Петербурга от Академии Наук, при команде Вашего Благородия, в Камчатскую Экспедицию, и был при команде Вашего Благородия до 1739 года, а и ныне признаваю вас, Милостивого Государя, за сущего мне Командира; ибо я так высокою Вашего Благородия милостию в бытность мою при вас одолжен, что пока дух с телом моим будет, забвению предать не могу и не должен. А как в 739 году отправлен я с Г. Адъюнктом Стеллером сюда на Камчатку, которого особливою ко мне милостию в бытность мою при нем, также не оставлен, а ныне главного Командира здесь не имея, не знаю, кто явит милость, токмо одна надежда на Бога. 2. Как я с Адъюнктом Г. Стеллером из Якутска отправился в Охотск, то получил я в Якутске денежное жалованье за 1741 год, которое почти все употребил на транспорт провианта, платье и прочее, ибо на один наем лошадей употребил шестьдесят девять рублей, а прочего уже не упоминаю, от чего пришел ныне уже в скудость, и кто здесь на Камчатке в нужных случаях учинит, не известен. 3. К тому же довольно уже Вашему Благородию известно, что я, в бытность при команде вашей, сколько мог, труды мои прилагал, и что вы и Г. Доктор Гмелин³³ приказывать изволили, исполнял

со всяким радением, как чинил и при Адъюнкте Г. Стеллере, от которых моих трудов, как в бытность мою при Вашем Благородии, имел я очную болезнь, а ныне так временем бывает, что недели по 3 ничего не вижу, как случилось мне на Лене реке, что более недели ничего не видал, а здесь в прошлом году почти целый месяц; к тому ж четвертый уже месяц имею я себя в худом здравия состоянии, и ежели еще здесь пробыть года два, то весьма опасен, дабы и вовсе глаза не потерять, которыми едва и так вижу. 4. Напоследок жалованьем, которое мне определено, мог бы быть доволен, ежели бы так, как Морским и Адмиралтейским служителем, по тридцати копеек пуд отпускался из казны, но принужден покупать здесь по той цене, по чему в казну с провозом стал, да и того не знаю, по чему он до сего места стал, хотя тысяча пуд в гавань Святых Апостол Петра и Павла и привезено, но за неимением цены и за неимением, кому б того провианта на свиту нашу требовать можно было, принужден покупать здесь по той цене, по чему здесь продается, а именно: муки пуд по четыре рубли, а из чего иного б харчу про себя запасти и платье мог сделать, я не известен. Чего ради Ваше Благородие всепокорнейше прошу не оставить моего нижайшего прошения милостивым вашим старанием, от Академии Наук исходатайствовать, дабы я отсюда возвращен был в Санктпетербург, в Академию Наук, и при возвращении б моем отсюда выдано было мне денежное жалованье от Канцелярии Охотского Порта, или здесь на Камчатке от Питейной Казны, вперед на год, дабы я до С.-Петербурга доехать мог, и выданы б были от Охотска до Якутска, на четыре верховые лошади, прогонные деньги, а от Якутска до С.-Петербурга на одну ординарную подводку поверстные и прогонные деньги, а отсюда б принять на отправляемое предбудущего 743 года отсюда судно, и перевезен бы был до Охотска; и ежели, милостивым вашим старанием, возвращен буду в С.-Петербург, то я там, к чему определюсь, могу наибольшие услуги по моей возможности показать, и пока Бог жизнь мою продлит, вашу ко мне высокую милость забвению предать никак не возмогу, и везде оную вашу ко мне высокую милость прославлять буду, и ежели понадобится о том челобитная, то при сем к Вашему Благородию посылаю и нижайше прошу, не оставить Вашего Благородия высокою милостью и вашим милостивейшим меня призрением, а объявленную челобитную написал я в Академии Наук. Желая Вашему Благородию вожделеннейшего здравия и всякого благополучия, вручая меня Вашего Благородия высокою милости, остаюсь и буду,

*Благородный, Высокопочтенный Господин Профессор,
Мой Милостивейший Государь,
Вашего Благородия покорнейший нижайший слуга,
Алексей Горланов.
Из Большерецкого острога. Мая 30 дня, 1742 года*

PS. Понеже в прошении моем, которое я к Вашему Благородию адресовал, для подания в Академию Наук, в одном месте выскоблена целая строка, а понеже за скорым отправлением переписать оной челобитной некогда, то низжайше, ежели, паче чаяния, челобитная не будет годна, явить вашу надо мною особливую милость о моем отсюда возвращении в Санктпетербург.

VII ИЗ ЖУРНАЛОВ ИСТОРИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ

14 Декабря 1748 года

1

Присутствовали: Миллер, Штрубе, Тредиаковский, Ломоносов, Крузиус, Фишер, Браун³⁴.

Читали мнение об Университетском Регламенте Г. Профессора Ломоносова, также и мнение Профессора Тредиаковского, так что сие дело совершенно уже к окончанию приведено и можно подлинник возвратить в Канцелярию при репорте со всеми оными мнениями.

Профессор Василей Тредьяковский.

2

Из книги 1744 года

«Дело о диссертации Профессора Миллера и проч.»

Государь мой, Василей Кирилович!

Вы изволили мне объявить словесно, что в Собрании требуют от меня мнения об Университетском Регламенте, то я оное кратко объявляю и думаю, что в Университете неотменно должно быть трем Факультетам: Юридическому, Медицинскому и Философскому (Богословский оставляю Синодальным училищам), в которых бы производить в Магистры, Лиценциаты и Докторы, а Ректору при нем не быть особливому, но все то знать Ефору или Надзирателю, что в снесенном в Историческое Собрание Регламенте на Ректора положено, ибо Ректор в Университете бывает главный командир, а здесь он только будет иметь одно имя. Не худо, чтобы Университет и Академия имели, по примеру иностранных, какие-нибудь вольности, а особливо, чтобы они освобождены были от полицейских должностей. Что надлежит до стихов Александра Петровича*, то, не имея к себе прямо Ордера, в Канцелярии репортовать не могу; но только на ваше письмо вам ответственую и думаю, что Г. сочинителю сих эпистол можно приятельски посоветовать, чтобы он их изданием не поторопился, и что не сыщется ли он чего ни будь сам, чтоб в рассужде-

* Сумарокова.

нии некоторых персон отменить несколько надобно было. Присылая его стихи, остаюсь ваш, Государя моего и проч.

*Михайло Ломоносов.
12 Октября 1748 года*

Из той же книги (о Миллере)

Я, нижеименованный, сим объявляю, что в Генварской трети сего 1749 года, сверх обыкновенных присутствий в Академическом и Историческом Собраниях, буду в Химической Лаборатории делать опыты Химические, для исследования минералов и других вещей, и показывать Студентам первые основания Химии, ежели к тому определены будут. При том буду для Комментариев сочинять диссертации: 1) О точнейшем определении градусов теплоты и стужи, 2) Теорию новую о цветах.

*Профессор Михайло Ломоносов.
(С подлинника.)
1749 года, Генваря 15 дня.*

VIII

**О ПРОПУСКЕ ОТЧЕСТВА ШУВАЛОВА
В С.-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЯХ**

1

Высокоблагородный Господин Советник,
Государь мой!

Его Сиятельству безмерно удивительно, как мало подчиненные смотрят на свою должность и отправляют дела свои с крайним нерадением и неосторожностью. Сколько памятуется, и определением особливим подтверждено было, дабы Чины особливого достоинства всегда вносились в газеты с их именем и отчеством и с надлежащею учтивостью, а не так, как, под № 85, об Иване Ивановиче Г. Шувалове, которой Сентября 4 числа пожалован Камер-Юнкером. Ежели Господа газетеры отговорку стали приносить, что они прописали имянной Указ Ее Императорского Величества, то выдали бы, что в помянутых газетах того не означено, а объявлено о сем пожаловании артикулом газетным. Хотя же и видно, а особливо из того, что упомянуто и о жалованье, что сей артикул не что иное есть, как точная копия с Указа, однако ж в таком случае надлежало бы именно объявить, что тот Указ Ее Императорского Величества по тому же образцу, как у нас и все Указы таковые в газетах объявляются. Сие не что иное есть, как у подчиненных в положенных на них делах усматривается крайние неосторожность и нерадение. Чего ради Его Сиятельство Господин Президент приказал к Вашему Высокоблагородию писать, дабы Вы, призвав в Канцелярию тех, на ком сие взыскивать надлежит, учинили пристойный выго-

вор в Канцелярии, записав сие в журнал Канцелярской, и при том объявили бы им, что ежели впредь столько же неусмотрительно поступать, штрафованы будут по силе Указов; а для исправления сея погрешности, посылаю артикул из Воскресенского монастыря, который точно так внести в газеты, как он сочинен. Пребываю с почитением

*Вашего Высокоблагородия покорный слуга
Григорий Теплов. Ноября 6 дня 1742 года Москва*

2

В Канцелярию были призваны (13 Ноября) Профессоры: Ломоносов (как имеющий смотрение над Ведомостною Экспедициею), переводчик Лебедев и корректор Барсов.

Шумахер послал Ломоносову записку с копиею с письма Теплова, прибавив от себя: «Того ради, Ваше Благородие, при внесении в Ведомости, изволите иметь прилежное смотрение, дабы впредь таких неисправностей чинено не было».

*Вашего Благородия готовый слуга
Шумахер.
14 Ноября 1710 года*

3

***В С.-Петербургскую Канцелярию Академии Наук
Репорт***

Сего Ноября 13 ч. требуется от нас в С.-Петербургской Канцелярии Академии Наук ответа, для чего в Ведомостях под № 85 пропущено отчество Г. Ивана Ивановича Шувалова при пожаловании его Камер-Юнкером? Того ради покорнейше сим репортуем, что мы тогда многих людей об отчестве его спрашивали, но никто нам того объявить не мог; чего ради мы отчества его не зная, так и оставили; а ежели бы знали, то б оного поставить никак не преминули.

*Переводчик Василий Лебедев.
Корректор Алексей Барсов³⁵.
Ноября дня, 1749 года*

4

**Высокоблагородный Господин Советник,
Милостивый Государь мой!**

В присланном от Вашего Высокоблагородия ко мне, от 15 числа сего месяца, письме, объявлено мне, якобы неосмотрением моим в Московском артикуле здешних Ведомостей пропущено отчество Двора Ее Величества Камер-Юнкера, Господина Ивана Шувалова. На сие Вашему Высокоблагородию доношу, что, по данной мне от Академической Канцелярии инструкции, должен я рассматри-

вать только один перевод Российской, а до Российских артикулов нет мне ни какого дела; ибо оные присылаются от Канцелярии в Экспедицию, и так как есть печатаются; за тем в них я ничего переменять не должен, кроме погрешностей в Российском языке, а особливо, что в данной мне инструкции предписано от всяких умышленностей удерживаться. В прочем с должным почтением пребываю

Вашего Высокоблагородия покорнейший слуга,

Михайло Ломоносов.

Ноября 17 дня 1749 года

IX

О ПЕРЕСМОТРЕ РЕГЛАМЕНТА АКАДЕМИИ НАУК

В 1754 году, едва ли не под влиянием Ломоносова на Шувалова, был издан Указ о пересмотре отдельных Уставов и Узаконений. Ломоносов стал настаивать в Академии на необходимости пересмотреть ее Регламент 1747 года Шумахер и Теплов всячески этому противились, начали наконец внушать слабому Разумовскому, что Ломоносов, этот Фаворит Шувалова, заходит уже слишком далеко, посягает на законы, освященные Царскою властью, подкапывается под власть Президента. Благодаря ходатайству И. И. Шувалова, Ломоносову наконец удалось убедить Разумовского, что Комиссия для пересмотра Регламента необходима. Она была составлена из Шумахера, Теплова, Миллера, Ломоносова и других; последний в первом же заседании объявил, что он, говоря о Президентской власти, всегда будет разуметь Президентов вообще, а не именно Графа Разумовского. Зная пылкий нрав Ломоносова, Теплов постоянно сводил все рассуждения к вопросу о Президентской власти, укоряя его за то, что он оскорбляет начальника. Ломоносов отвечал, что он хочет снять с него беремья, которое выше сил одного человека, каков бы он ни был, а особливо, что Президент не Царь, да и владеющие Государями имеют своих Сенаторов и других чиновных людей, которых они, хотя Самодержцы, советы принимают; то можно ли тому быть в науках, которые не в одном Государстве, но во весь свет простираются? Теплов хладнокровно возражал Ломоносову и кротким видом убеждал его не идти против Президента, не вооружаться против начальника. Ломоносов не вытерпел, назвал Теплова подьячим и плутом. Этого только и нужно было противникам Ломоносова. Теплов показал вид, что он обижен и оскорблен, и вышел из заседания, за ним последовал Шумахер. Комиссия была вскоре закрыта; то и требовалось. За обиду, нанесенную Теплову, Ломоносов получил Указ Президента о разжаловании его из Советников. Ломоносов дает о том знать М. Пл. Воронцову и И. И. Шувалову, который выпросил у Елисаветы приказание оставить Ломоносова в прежнем звании.

1

*В Собрание Академическое**Ордер*

Гг. Членам Академии Наук известно, что Указом Ее Императорского Величества из Правительствующего Сената о сочинении ясных и понятных законов по обстоятельству нынешних времен велено, для лучшего рассмотрения Уложения и Указов, учредить при Сенате Комиссию, поколику касается до Юстиции и Вотчинных дел, а прочим Коллегиям и Канцеляриям иметь рассуждение по тем одним делам, которые до них касаются; и дабы от того в текущих делах по оным Коллегиям и Канцеляриям не было остановки, для того иметь рассуждение и сочинять материям пункты назначенным к тому особливым персонам, в том числе по Академии Наук Г. Ассессору Тауберту.

Хотя же новосочиненный Академический Регламент и Штат, Высочайшею конфирмациею Ее Императорского Величества апробованный, казалось бы, и не подлежал, в силе вышепрописанного из Правительствующего Сената Указа, к разбору, как по тому, что в оном Указе изображено только о рассмотрении Штатов таковых, в которых многое переменилось уже за многопрошедшим временем после состоявшимися Указами, а Академический Регламент и Штат есть учреждение весьма недавнего времени, и ничего и никакими Указами по оному не отменилось, так и по тому, что, для произведения наук и художеств в Государстве, в Академии Наук постоянного штата и точной формы определить не можно, но надлежит всегда делать некоторые новые распоряжки, смотря по обстоятельствам времени (что самое и Г. Ассессор Тауберт в представлении своем написал). По чему и в Регламенте Академическом, яко важное, сие свойство предоставлено единожды за всегда на волю Президентскую, с тою токмо предосторожностью, дабы ежегодные расходы положенной на содержание Академии Наук и Художеств суммы отнюдь не превосходили. Однако ж, по мнению Г. Ассессора Тауберта, находятся в помянутом Регламенте Академическом якобы таковые неудобства, которые воспящают быть ожидаемому от одного успеху, по чему он, Ассессор Тауберт, отозвался уже о своем мнении в Правительствующий Сенат доношением, а мне подал касающиеся до исправления одного свои представления.

А понеже тем же Ее Императорского Величества из Правительствующего Сената Указом повелено единственно определенным персонам, сочинив свои мнения о недостатках и пополнениях, подавать прежде на рассмотрение в свои Коллегии, и не прежде оные представлять Правительствующему Сенату, пока не просмотрены и апробованы будут общим согласием; Регламент же и Штат

Академический содержат в себе должные распорядки, единственно касающиеся к распространению в Государстве наук, то рассмотрение таковых новых представлений никуда инуды не подлежит, как точно в Академическое Собрание: того ради Секретарь Конференции и Профессор, Г. Миллер, имеет повестить, во-первых: Г. Штатскому Советнику Шумахеру и при том Коллежскому Советнику Г. Теплову, который, яко Член Академического Собрания, и при сочинении Высочайше конфирмованного Регламента и Штата Академического сам действительно находился, неотменно должен по сему делу, для лучшего изъяснения всех в Регламенте положенных регул, присутствовать, также Гг. Коллежскому Советнику Ломоносову, Надворному Советнику Штелину, Ассессору Тауберту, Профессорам Штрубе, ТрEDIAковскому, Фишеру, Брауну, Крашенинникову, Попову³⁶, дабы, яко особливо к тому назначенные, прилежно рассмотрели поданные мне и при сем приложенные Г. Ассессора Тауберта представления, и, в согласие помянутого Ее Императорского Величества из Правительствующего Сената Указа, рассмотрели, следует ли сей, в недавнем времени сочиненный, Регламент и Штат в чем-либо отменить, или пополнить, и ежели следует, то разобрать, каковые пополнения принадлежат к подаче в Правительствующий Сенат, и каковые, в силу оногo же Регламента и Штата, Высочайше конфирмованного Ее Императорским Величеством, принадлежат к власти единственно Академии Президента? Что по сему происходить будет, о том в собрании, за руками всех вышеназначенных присутствующих, вести особой журнал, а по окончании Секретарь Конференции и Профессор, Г. Миллер, о происшествии и заключении дела подать мне имеет обстоятельной репорт.

*Граф К. Разумовский.
Февраля 15 дня 1755 года*

2

1755 году, Февраля 17 дня

По присланному от Его Высокографского Сиятельства, Г. Президента, в Академическое Собрание Ордеру, от 15 Февраля сего году, и по повестке за день до того ко всем Академии Членам, кроме Г. Бургава, от Секретаря Конференции сообщенной, было в Академии Наук экстраординарное собрание, в котором присутствовали: Господа Штатской Советник Шумахер, Коллежские Советники Теплов, Ломоносов, Надворный Советник Штелин, Коллежской Ассессор Тауберт, Профессоры Миллер, ТрEDIAковский, Фишер, Браун, Попов, а Г. Профессор Крашенинников дал знать о себе, что очень неможет; Г. же Профессор Штрубе своего отсутствия причины не объявил. И во оном собрании учинено следующее:

1. Читан вышереченный Ордер Его Высокографского Сиятельства, Г. Президента, которого содержание вкратце сие: По Указу Ее Императорского Величества из Правительствующего Сената велено Г. Ассессору Тауберту, для лучшего рассмотрения Уложения и Указов, сочинить по Академии, что до того следует, и оное Г. Ассессор Тауберт сочинил и подал Его Сиятельству. А Его Сиятельство изволил приказать, чтобы в присутствии вышеименованных Членов учиненные Г. Ассессором Таубертом предложения, как то и по Сенатскому Указу велено, рассмотрены были, следует ли Академический Регламент в чем-либо отменить или пополнить, и ежели следует, то разобрать, каковыя пополнения принадлежат к подаче в Правительствующий Сенат? и пр. и пр.

2. Того ж Ордера читан перевод на Немецком языке.

3. Читано представление Г. Ассессора Тауберта, которое Его Высокографскому Сиятельству он подал, вместе с своими предложениями, писанное Генваря 7 дня, 1755 года, и подписанное в Канцелярии Академии Наук.

4. Оного же представления читан Немецкий перевод.

5. По силе Ее Императорского Величества из Правительствующего Сената о пополнении Уложения Указу в прошлом 1754 году, в Августе месяце, состоявшегося, и по силе же полученного от Его Сиятельства, Г. Президента, Ордера, рассуждено, что Правительствующий Сенат, приказывая о изъяснении того, что, по пременении обычаев и нравов, необходимой премены законов требует, и повелевая, чтоб изыскивать, от чего, по обстоятельствам нынешнего времени, в течении дел происходит продолжение, от недостатков, или излишков, и изъясняя в 10-м пункте того Указа, что в Штатах, за многопрошедшим временем, после состоявшимися Указами многое переменялось, кажется, в то число не включил Академического Регламента, понеже сочинен весьма не в давних годах и Ее Императорского Величества высочайшею апробациею подтвержден, и ни какими после того состоявшимися Ее Императорского Величества имянными Указами ни в чем не отменен, а что во оном Регламенте, по обстоятельствам в ученых делах, часто переменяющимся, иногда переменить, или к нему что прибавить надлежит, то по 64-м пункту того ж Регламента оставлено рассуждению Президентскому. А хотя после того Правительствующий Сенат и велел Г. Ассессору Тауберту рассматривать и Регламент Академической, однако сие токмо разуметь должно о таких делах, которые Президент сам, без апробации и повеления Правительствующего Сената, собою переменить не может, также и о таких, которые впредь никаким переменам не подлежат. Следовательно, надлежит при рассмотрении поданных Г. Ассессором Таубертом предложений точно отличить, кои пункты принадлежат до подания в Правительствующий Сенат, и кои, по силе Академического Регламента, оставить власти Президентской.

6. Сие рассмотрение должно происходить впредь трижды в неделю, по вторникам, по четвергам и по субботам, а собираться всем точно в девять часов и сидеть до начала первого часа. Начало будет завтрашнего числа, в субботу.

*Скрепил Герард Фридрих Миллер.
И. Шумахер.
Григорий Теплов.
Михайло Ломоносов.
Василий Тредиаковский.
Иоанн Фишер.
Никита Попов*

3

Февраля 18 дня, 1755 года

В собрании Академических Наук, в присутствии Гг. Членов: Шумахера, Теплова, Ломоносова, Штелина, Тауберта, Миллера, Штрубе, Тредиаковского, Фишера, Брауна, Попова.

Начали читать учиненные Г. Асс. Таубертом предложения и прочли первую главу о выгодах, определяемых Академикам и прочим, принадлежащим к Академическому корпусу. Во оной первой пункт о рангах Профессорам оставлен предбудущему рассуждению, а прочее по учиненным некоторым поправлениям апробовано.

*Г. Ф. Миллер.
И. Шумахер.
Григорий Теплов.
Stehlin.
Иван Тауберт.
Василий Тредиаковский.
Иоанн Фишер.
Braun.
Никита Попов*

4

Февраля 21 дня, 1755 года

В присутствии Гг. Членов: Шумахера, Теплова, Ломоносова, Штелина, Тауберта, Миллера, Штрубе, Тредиаковского, Фишера, Брауна, Попова.

Читана другая глава предложений Г. Ассессора Тауберта о числе Академиков вообще и о присоединении к Академии Исторического класса.

В сей главе Г. Ассессор Тауберт предлагает, чтоб Академия паки обращена была по тому образцу, как по поданному Петру Великому состояла с 1725 по 1747 год, а главнейшая сила в том, чтоб, вместо нынешних четырех классов: Математического, Физико-Математического, Физического и Астрономического, определить по-прежнему три класса: Математический, Физический и Исторический, чтоб

Исторический класс собирался особливо, по примеру нынешнего Исторического Собрания, чтоб каждый Член оногo был обязан диссертации сочинять о материях, до Исторического класса касающихся, в число которых и экономия бы включена была; а печатать бы оные диссертации в особливых книгах, якобы к дополнению Комментариям, и чтоб все Члены Академии, как Математики и Физики, так и Историки, сверх своих должностей, при собраниях давали такожде лекции в Университете, по четыре часа в неделю. Следовательно, чтоб особливых Университетских Профессоров не было бы, а было бы при каждом классе по одному Профессору Экстраординарному.

О сих обстоятельствах были рассуждения разные, и понеже во всем согласиться не можно было, то определено, чтоб каждый Член принес свое мнение на письме в предбудущее собрание.

Герард Фридрих Миллер.

И. Шумахер.

Григорий Теплов

5

Февраля 23 дня, 1755 года

В экстраординарном Академии собрании, в присутствии Гг. Членов: Статского Советника Шумахера, Коллежского Советника Теплова, Ломоносова, Надворного Советника Штелина, Ассессора Тауберта, Профессоров Миллера, Трелиаковского, Фишера, Брауна, Попова.

Некоторые Члены подали свои мнения на письме на вторую главу предложений Г. Ассессора Тауберта, как о том соглашено было в прошедшем собрании, а некоторые обещали подать впредь. Один Г. Советник Ломоносов отказался, мнение свое на письме дать не хочет. При прочтении тех мнений, когда Г. Советник Теплов свое стал прочесть в слух, то учинился спор от Г. Советника Ломоносова с некими словами, для которых Г. Советник Теплов объявил, что, за учиненным ему от Г. Советника Ломоносова бесчестием, с ним присутствовать в Академических собраниях не может, тако ж и Г. Статский Советник Шумахер говорил, что свое присутствие впредь излишнее признавает; и так все Члены разошлись, а Конференции Секретарь на себя принял его Высокографскому Сиятельству о сем деле донести, и надобно ли будет собраний без Статского Советника Шумахера и Г. Советника Теплова продолжать, и на какой мере, о том общаемо будет, что Его Сиятельство г. Президент прикажет.

Шумахер.

Stehlin.

Г. Ф. Миллер.

J. E. Fischer.

Braun.

Никита Попов

6

Марта 14 дня, 1755 года

В экстраординарном Академии Наук собрании, в присутствии Гг. Членов: Статского Советника Шумахера, Коллежского Советника Теплова, Надворного Советника Штелина, Ассессора Тауберта, Профессоров Миллера, ТрEDIAKовского, Фишера, Брауна, Попова.

Единогласно рассуждено, что Его Сиятельству, Г. Президенту, надлежит только ныне подать с апробациею от собрания первую главу предложений Г. Ассессора Тауберта: О выгодах, определяемых Академиком и прочим, принадлежащим к Академическому корпусу, по тому что та глава касается к поданию до Правительствующего Сената, а прочие главы оставить Его Сиятельству, Г. Президенту, что из оных к пополнению Академии Регламента для общей пользы взять пожелает. И по тому кажется, что сим собранием оные рассуждения окончатъ можно. Ежели же Его Сиятельство соизволит впредь приказать больше что в оных предложениях рассматривать, то собрание будет ожидать о том впредь Ордера.

J. Stehlin.

Шумахер.

Григорий Теплов.

Г. Ф. Миллер.

Василий ТрEDIAKовский.

J. E. Fischer.

Braun.

Никита Попов

7

*На вторую главу предложений Г. Ассессора Тауберта
о числе Академиков вообще и о присоединении к Академии
исторического класса*

Мнение

За основание я приемлю, что от состоявшегося в 1747 году нового Академического Регламента, в распорядках при Академии вновь учреждаемых, без крайней нужды удаляться не надлежит, понеже оной Высочайшею Ее Императорского Величества конфирмациею апробован. А ежели что усмотрится поправления достойное, то можно будет оное сообщить к тому Регламенту, яко в дополнение. И понеже Президент Академии имеет власть, смотря по различию обстоятельств, переменять иногда к лучшему состоянию, что за благорассудится, только бы расходы положенной на Академию суммы не превосходили, то, по моему рассуждению, Его Высокографским Сиятельством, Г. Президентом, и следующее учреждение исправле-

но быть может, а именно: я рассуждаю за полезно, чтоб Историческое Собрание, которое в 1718 году от Его Сиятельства учреждено для освидетельствования в оном всяких исторических, критических, стихотворных и прочих, до гуманиоров принадлежащих, также и философских сочинений, основано было точно на таком же определении, как и Академическое Собрание, чтоб Члены оною не токмо по охоте своей упражнялись в каких-нибудь сочинениях, но чтоб и по должности обязались сочинять и подавать диссертации такие, которые б можно было печатать в особливых Комментариях. А при том бы нынешние четыре класса остались в своей силе по Регламенту, и Исторической класс сбирался бы особливо, с таким определением, ежели кто прочих классов желает присутствовать и в Историческом, чтоб ему то позволено было, а равномерно и Членам Исторического класса, кои похотят присутствовать и в Академическом собрании. Также я согласен в том, что касается до включения Экономии в число производимых при Академии Наук; токмо мне кажется, что для сходства оные с некоторыми частями Физики, свойственнее соединена быть может с профессиею Физики генеральные, нежели с профессиею Юриспруденции, как то мнится Г. Ассессору Тауберту. Что надлежит до чтения лекций Университетских, то правда, что от начала Академии все Профессоры лекции давали охотно, и при том должности свои в Академических собраниях сочинением диссертации к Комментариям отправляли без отговорки, однако в тогдешнее время могли то делать свободно, понеже либо жительство имели в домах Академических, либо лекции читали в своих домах партикулярных. А ныне в рассуждении того, ежели кто далеко живет от Академии, тому в прочих делах не без помешательства и в худую погоду не безтягостно ходить для лекции в дом Университетской; ибо сколько времени должно ему употребить на приуготовление к лекциям, столько оною недостаточно ему будет во отправлении своих должностей для Академических собраний. Того ради, понеже сие дело по большей части надлежит до тех самых, которые к лекциям будут назначены, то мне о том рассуждать трудно, и по тому больше я ссылаюсь на мнения прочих Гг. Членов, а достальные в сей главе, Г. Ассессором Таубертом предложенные, распорядки, кажутся мне быть такие, что по благоусмотрению Его Сиятельства, Г. Президента, могут приняты или не приняты быть, яко до самого основания Академии и не касающиеся и в которых впредь всегда какие нибудь перемены случаться могут.

Г. Ф. Миллер

8

*Его Высокографскому Сиятельству,
Ясновельможному Малороссийскому Гетману
и Академии Наук Президенту*

Репорт

Сего Генваря 11 дня пришед Г. Советник и Профессор Ломоносов в Историческое Собрание, в котором он четыре года, или больше, не был, принес с собою корректурный лист титула и предисловия новоиздаваемых Месячных Примечаний, который за день до того я ему сообщил по его требованию, и говорил он Гг. Штрубу, Тауберту, ТрEDIAKовскому и мне, что сей титул и предисловие при Дворе Ее Императорского Величества очень раскритикован, а надлежит, де, оба переменить, а особливо о титуле сказал он, что хотя называть книгу С.-Петербургскими штанами, то сие таково ж прилично будет, как имя примечаний, потому что и стихи вносимы будут, а стихи, де, не примечания. На что ему от нас ответствовано по Латынской пословице: *a potiori fit denominatio*³⁸, т. е. что имя дается по большему числу материй и что титул С.-Петербургских Примечаний Вашим Высокографским Сиятельством апробован и назначен, который ничего противного не заключает и пристойным образом истолкован быть может; однако он тому не был доволен, но паче продолжал свою критику на предисловие. При сем я ему говорил, что в предисловии точно я то написал, что в протоколе Академическом о том определено было, что оное мною читано в собрании и все Члены оным были довольны, что и перевод некоторыми из Членов Академических рассматриван и поправлен. А он, Г. Ломоносов, напротив того зачал предисловие читать вслух и при первой строке сказал, что экспрессия «ученых журналов» совсем не годна, которую я стал защищать примерами иностранных языков, в чем, как Г. Ломоносов мне спорил с огорчением, то я употребил сии слова: «Ежели Г. Ломоносов то не знает, то надлежит, де, ему поучиться». По сем Г. Ломоносов оставил чтение и кинулся на меня многими поносительными словами за то, будто бы я его посылаю в школу учиться, а он, де, человек такой, что мне, де, с ним равняться никак невозможно. Наконец, как ему примеры *Journal litteraire* и *Gelehrte Zeitungen*³⁹ сказаны были, то он признался, что на иностранных языках так говорят, но на Русском будто нельзя. Однако и в том его уличил Г. Проф. ТрEDIAKовский тем, что говорят «ученое собрание, ученые дела, ученые письма», следовательно, и можно сказать, «ученый журнал». Я просил Г. Ломоносова неоднократно, чтоб перестать о таком малом деле, в противность самого предисловия, спорить, и чтоб объявил о самом деле, ежели что есть в предисловии, что еще поправления требует; но он ни о чем не объ-

явил, ушел вон из собрания и унес с собою другой корректурный лист того ж предисловия, который мне подан был из типографии вновь для поправления. По сему Ваше Высокографское Сиятельство изволите усмотреть, что крайняя нужда востребует пресечь такие напрасные споры, дабы не остановить издавание новых Месячных Примечаний, в чем бы было Академии не без стыда, понеже об них уже опубликовано в газетах. А к тому, по мнению моему, могут служить два способа. Первый: понеже может быть Г. Ломоносов недоволен тем, что дело сие положено на меня, и он разве думает, что он гораздо лучше моего исправить может, то не соизволите ли, Ваше Высокографское Сиятельство, оное ему поручить на том же основании, как мне поручено, токмо чтоб он обязался, что за ним никогда остановки не будет, и хотя от других Членов малое что, или ничего, не сообщается, как то учинялось при мне поныне, то, де, однако, на каждый месяц пять, или шесть, листов печатанных исправно издавать будет.

Другой способ сей: ежели Ваше Высокографское Сиятельство прикажите, чтоб мне по-прежнему у сего дела быть, по крайней мере надобно, чтоб я не подвержен был неправдивой критике Г. Советника Ломоносова. Не без известно Вашему Высокографскому Сиятельству, что мне с Г. Ломоносовым великая ссора была о моей диссертации о происхождении Российского народа: по сему приношу, и кажется, что справедливость того требует, чтоб он не был судьей в чем-нибудь, что до меня касается, а особливо до того, что довольно есть других Академии Членов, которые могут рассудить, хорошо ли я свое дело отправляю, без которых совета и согласия я ничего не делаю. Он же, Г. Ломоносов, не токмо то, что я делаю, ни во что ставит, но и дерзает критиковать и опровергать то, что Ваше Высокографское Сиятельство изволили приказать, или апробовать, или что целым Собранием определено в его небытность. Он же весьма редко и в Собраниях Академических бывает. Мне весьма печально, что Ваше Высокографское Сиятельство принужден я беспокоить неприятным таким моим предложением; а как я мог снести за все мои труды, в которых денно и ночно с неусыпным старанием я нахожуся, чтоб при всяком случае и без всякой моей вины, обещанным быть от такого человека, который только гордостью и ненавистью против меня наполнен? Что все вышеписанное точная правда, в том ссылаюсь и на Г. Ассессора Тауберта и на Г. Профессора Тредиаковского, а на других присутствующих не ссылаюсь для того, что по Русски мы говорили. Разве и Г. Профессор Штрубе иное что слышал и выразумел. О бесчестных же Г. Ломоносова на меня порицаниях умалчиваю здесь, для краткости, дабы за тем в главном деле замедления и остановки не воспоследовало.

*Г. Ф. Миллер.
Генваря 12-го дня, 1755 года*

(Подлинник этого письма хранится в семейных бумагах нашего известного знатока и любителя старины Д. В. Поленова⁴⁰, которому приношу мою искреннюю благодарность за его обязательное сообщение.)

9

*Его Сиятельству Г. Президенту
Репорт*

По присланному от Вашего Высокографского Сиятельства в собрание Академии Наук Ордеру, были, сего Февраля 17, 18, 21 и 23 числа, в Академии экстраординарные собрания, в которых присутствующие, в том Ордере назначенные, Члены стали рассуждать о поданных Г. Ассессором Таубертом предложениях, что происходило в первые 3 дни с надлежащим порядком, а в четвертый день. т. е. сего Февраля 23 дня, учинился спор от Г. Советника Ломоносова против Г. Советника Теплова с такими словами, для которых Г. Советник Теплов объявил к протоколу, что, за учиненным ему от Г. Советника Ломоносова бесчестием, присутствовать с ним в Академических собраниях не может, тако ж и Г. Статский Советник Шумахер говорил, что свое присутствие впредь за излишнее признавает, и так все Члены разошлись. Того ради Ваше Высокографское Сиятельство о сем репорту и прошу об Указе, продолжать ли сии экстраординарные собрания и без именованных двух старших членов? А я такожде прошу, чтоб меня от оных уволить, потому что не меньше я Г. Советника Ломоносова опасаясь, имея уже толь много примеров его ко мне досады, что впредь с ним ни о каком деле говорить не осмеливаюсь. Напротив того могу я время свое полезнее употребить на сочинение пьесов для Ежемесячного Сочинения.

*Г. Ф. Миллер.
Февраля 24-го дня, 1755 года*

10

Высокоблагородный Г. Конференц-Секретарь и Профессор!

Сего Марта 29 числа, Его Сиятельство, Академии Наук Г. Президент, Граф, Кирила Григорьевич Разумовской, письменно изволил приказать, чтоб учиненное Его Сиятельством в последнее время определение, касающееся до Г. Советника и Профессора Ломоносова, и по оному в Собрание Академическое посланный за рукою Его ж Сиятельства Ордер, возвратить к Его Сиятельству в оригинале, не оставливая с них копии, и по них исполнения никакого не делать, а ему, Г. Советнику Ломоносову, от Канцелярии письменно объявить, чтоб в собраниях Академических ему по-прежнему при-

существовать, и как возможно б стараться ему изготовить к будущей ассамблее, т. е. к наступающему Апреля 26 числу, Слово Похвальное Государю Императору Петру Великому, которое, де, им обещано давно сочинить, и о том ко оному Советнику и Профессору, Г. Ломоносову, для ведома Ордер послан, о чем, для ведома же в Собрании Академии, чрез сие и Вашему Высокоблагородию сообщается, и помянутый Его Сиятельства Ордер, посланный в Собрание Академическое, возвращен бы был к Его Сиятельству.

*Вашего Высокоблагородия
готовый слуга Ив. Шумахер.*

*Г. Миллеру
Марта 31-го дня, 1755 года*

X РАЗНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЛОМОНОСОВА И ДРУГИХ

1

Сего июня 20 дня, по определению Академии Наук Президента, Его Императорского Величества Камергера и Ордена Св. Анны Кавалера, Его Сиятельства, Графа Кирилы Григорьевича Разумовского, той же Академии Профессор Г. Ломоносов начал о Физике Экспериментальной на Российском языке публичные лекции читать, причем, сверх многочисленного собрания воинских и гражданских разных чинов слушателей, и сам Г. Президент Академии, с некоторыми придворными кавалерами и другими знатными персонами, присутствовал. Для сегодняшнего (24 июня) праздника вторая лекция отложена до наступающего четверга, а впредь оные еженедельно будут продолжаться по вторникам и пятницам, от 3 до 5 часов по полудни.

*С.-П.-Б. Ведомости. 1746, № 50, стр. 400
(по ошибке поставлено 300).
Получено Сентября 11-го дня*

2

Г-н Адъюнкт Румовский!

При сем посылается перевод речи Г. Профессора Епинуса о сходстве электрической силы с магнитною на Российском языке, который против оригинала исправить и по исправлении подать в Канцелярию при репорте немедленно.

*Подпись: Михайло Ломоносов.
Сент. 11-го дня, 1758 года
(Писано чужою рукою.)*

3

Благородный Г-н Адъюнкт!

Приложенную при сем Французскую пьесу о воспитании Ерцгерцога Иосифа, касающуюся до разных наук, перевести вам на Российский язык с крайним прилежанием, требуя совету от других знающих Французский язык, и по переводе подать оригинал с переводом в Канцелярию при репорте.

*Вашего Благородия готовый слуга,
Подпись: Михайло Ломоносов.
Июля 14-го дня, 1759 года.
(Писано чужою рукою.)*

4

Г-н Адъюнкт Румовский!⁴¹

В Канцелярии Академии Наук, по представлению Г. Профессора Гришова, определено быть вам при нем, Гришове, и упражняться в практике Астрономической, дабы наблюдения продолжаться могли непрерывно и для всякого случая был всегда искусный запасный обсерватор; а чтоб он, Гришов, показывал вам теорию и практику Астрономическую со всяким прилежанием и отвел бы вам покой в том доме, в котором он живет, Ордер к нему, Гришову, послан, а о сделании перегородки в том покое, в котором вы жить будете, мастеру Фригу Ордер же дан.

*Михайло Ломоносов.
Протоколист Дмитрий Тимофеев⁴².
Канцелярист Яков Волков.
Апреля 12-го дня, 1760 года*

5

Благородный Г-н Профессор!

Находящимся при Академическом Географическом Департаменте Студенту Илье Абрамову, да ученикам, четверем человекам, каким образом употреблять Астрономические инструменты, оное благоволите показывать им на Академической Обсерватории, когда вы на оной бываете, с ясным истолкованием, дабы они чрез то могли быть способными не только к копировке, но и к составлению ланкарт.

*Вашего Благородия готовый слуга
Михайло Ломоносов.
Г. Румовскому. Сентября 11-го дня 1763 года*

6

Письмо Миллера к Теплову*

Le 12 mars 1761

J'espère, que vous ne serez pas fâché de la confidence, que Mr. Taubert m'a fait par rapport à la lettre de M. Lomonosoff. Il vous intéresse vous même, que je me défende. Je le ferai et j'espère le faire avec succès. Bien n'est plus, facile, que d'écarter des calomnies aussi fausses. Ne trouvez vous pas, qu'il me faut savoir pour cela les faits particuliers, dont il m'accuse? Vous parlez dans votre lettre de 18 articles, qu'il a envoyés à S. E. sur mon compte. Je vous supplie d'en envoyer une copie. Car sa lettre à vous est presque trop générale. Cependant, Mr., comme vous voyez l'humeur de cet enragé par rapport à moi, je vous prie de solliciter en ma faveur de S. E. Monseigneur le Hetman un ordre, par lequel je sois à l'abri de ses persécutions. Je n'ai rien à démêler avec la Chancellerie, je fais mes fonctions avec plus de zèle, qu'on puisse me demander, et mes occupations sont toutes du ressort de la Conférence. Mais comme M. Lomonosoff cherche en toute occasion à me chagriner par des ordres, et quelquefois les autres deux Messieurs, voulant seulement montrer par la sa grandeur et ma petitesse, il me sera une grande consolation, si S. E. voulait bien ordonner, qu' il ne se mêle en aucunes affaires, qui me regardent. Je ne me tiendrai pas pour cela indépendant de la Chancellerie. L' équité de M. Taubert, ne me la fait pas craindre. Et je defie à un chacun accusateur, s'il serait meme encore plus méchant, que Lomonosoff de prouver, que j'aie commis la moindre chose contre les Ordonnances établies dans l'Académie. Croyez moi, Monsieur, Lomonosoff est un furieux, arme d'un couteau à la main. Il ruinera toute l'Académie, si Son Excell. n'y mettra ordre bientôt. Nous en voyons le funeste exemple de l'Université et du Gymnase, dont il a la direction exclusive. Ils n'ont jamais été dans un si mauvais état, qu' à présent. Il prétendait exercer le même despotisme dans nos conférences. C'est en quoi qu' il m'a trouvé toujours contraire à ses intentions. Hinc illae lacrymae.

(Подлинники всех бумаг хранятся в бумагах Д. В. Поленова)

7

Милостивый Государь, Князь Александр Михайлович!

Ваше Сиятельство всепокорнейше просить принимаю смелость о учинении мне милостивого вспоможения в произведении некоторого дела, служащего к чести Российских предков. Всемилостивейшая Государыня благоизволила повелеть чрез Его Превосходительство, Ивана Ивановича Бецкого, чтоб я выбрал из Российской Истории знатные приключения, для написания картин, коими бы

* Черневое.

украсить при Дворе некоторые комнаты. Не малой здесь нахожу недостаток в изображении старинного нашего платья разных чинов. Сведение о сем сыскать едва ли где лучше можно, как в Архиве Коллегии Иностранных Дел. Особливо ж есть в оной описание коронации и других церемоний Государя Царя Михайла Федоровича, с личными изображениями на пергаменте. Сообщением сего можете, Милостивый Государь, подать мне великое вспомоществование. В уповании сего, как и завсегда, с достодолжным высокопочтанием пребываю

*Вашего Сиятельства всепокорнейший слуга,
Михайло Ломоносов.*

Генваря 24 дня, 1764 года.

По сему послан приказ в Московский Архив 29 Генваря, 1764 года.

ХІ

АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ И ГИМНАЗИЯ

В 1759 году, после долгих исканий, получил наконец Ломоносов в свое исключительное заведывание Академическую Гимназию и Университет. В том же году написал он для них новые Уставы. Главным его сотрудником в том деле был ученик Г. Эйлера, Профессор Математики Котельников⁴³, которого Ломоносов любил и уважал. В 4 года его управления Университет Петербургский выпустил 20 человек Студентов. Вообще все лучшие впоследствии Академики и ученые были воспитанниками Ломоносова. Но он не был доволен его состоянием. Еще с 1742 года думал он об инаугурации Петербургского Университета, т. е. он хотел открыть в Петербурге при Академии такой же точно Университет, какой был в Москве, на несколько сот слушателей. Но здесь он встречал упорное противодействие в Тауберте и вообще в Немецкой партии и прислужнике ее, товарище Котельникова, Профессоре Астрономии, Румовском, человеке способном, но низкого характера. Он один только из Русских Академиков лично противодействовал Ломоносову, сначала держась Шумахера, а потом Тауберта.

Несмотря на все препятствия, Ломоносову удалось наконец провести в Конференции свой Университетской Устав, назначить на Кафедры несколько новых Профессоров. Грамота об инаугурации Университета уже была подписана Разумовским, Ломоносовым, контрастирована Вице-Канцлером Воронцовым. Оставалось получить только подпись Императрицы Елисаветы. Ломоносов уже не сомневался в успехе своего дела. В его бумагах сохранилась черновая его Речь: «Слово благодарственное Императрице Елисавете на торжественной инаугурации С.-Петербургского Университета, говоренное 1760 г.». Здесь, между прочим, читаем: «Говорить Графу

об основании Университета в Киеве». Шувалову он подал записку о необходимости учредить Гимназии в разных Губернских городах. Шувалов соглашался, и Ломоносов предложил запрос в Конференции: «В каких именно городах полезно бы было учредить Гимназии?» Ответа на этот запрос не последовало, ибо теперь Немцы, особенно подстрекаемые Таубертом, все враждебнее относились к Ломоносову. Исключение составляет благородный Браун, которого он любил, как родного брата. За то Шумахер, Тауберт, Миллер, Цейгер, Эпинус⁴⁴ всегда интриговали против него.

17 Апреля 1760 года Ломоносов писал И. И. Шувалову: «Мое единственное желание состоит в том, чтоб привести в вождевленное течение Гимназию и Университет, откуда могут произойти многочисленные Ломоносовы». И за тем просит о Высочайшем подписании грамоты о Петербургском Университете. «Сие будет большее всех благодеяние, которое Ваше Высокопревосходительство мне в жизнь сделали. По окончании сего только хочу искать способа и места, где бы чем реже, тем лучше видеть было персон Высокородных, которые мне низкою моею порождою, подпрекают, видя меня, как бельмо на глазу, поданным мне от Бога талантом!»

15 Февраля 1761 года, Ломоносов писал М. И. Воронцову, жалуясь на медленный ход дела, приносящий чувствительное уныние. «Сверх того оно мне наводит немалое ослабление в моих трудах, а особливо, что мои недоброхоты везде мое доброе предприятие осмеяют и худыми прореканиями отнимают охоту у тех, кои таковою Монаршею милостью давно себя ласкали, и оною пользуясь, большую пользу Отечеству произвести уповали. Того ради Вас, Милостивый Государь, всеуниженно прошу именем всея Академии, употребить высокое предстательство к исполнению законного нашего прошения, к подлинной пользе Отечества». Ломоносов написал и приложил к этому письму просильные стихи Императрице о подписании его грамоты. Для Ломоносова это дело было величайшей важности: шел вопрос о том, должна ли Российская Академия состоять из сынов Российских? должна ли она не токмо сама себя учеными людьми довольствоваться, но и размножать оных и распространять по всему Государству? Эти стихи исполнены искренности, особенно в конце:

В России древности, в натуре тайны вникнем,
И тмами уст Твои достоинства воскликнем:
Коль щастлив оный день, как щастлив буду я,
Когда, среди Российских Муз стоя,
Благодеяние Твое представлю ново,
Великостью его о как возвышу слово!

За тем, указав на силу мысли, влияние науки и просвещения, Ломоносов так закончил свою мольбу Императрице:

Сие исполнится немногими чертами,
 Когда рука твоя ущедрится над нами;
 Для славы Твоея, для общего плода,
 Не могут милости быть рано никогда.

В самом деле, все остановилось за немногими чертами, за какими-нибудь двумя буквами. Ломоносов сам несколько раз ездил в Петергоф с этою грамотою, чтобы лично поднести ее Императрице. Все напрасно. Что Ломоносов чувствовал после этих неудач? По счастью, до нас дошло одно стихотворение, род экспромта, вылившегося у него в одну из этих поездок в Петергоф. Это — стихотворение «Кузнечик»:

Кузнечик дорогой! Коль много ты блажен!
 Коль больше пред людьми ты щастьем одарен!
 Препровождаешь жизнь меж мелкою травою,
 И наслаждаешься медвяною росю.
 Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
 Но в самой истине ты перед нами царь;
 Ты Ангел во плоти, иль лучше, ты бесплотен,
 Что видишь — все твое, везде в своем дому,
 Не просишь ни о чем, не должен никому!

Так высказалась свободная душа Помора, утомленная всеми этими еретическими жертвами, как выражались наши раскольники про писателей Петербургского периода и про Ломоносова, про их Антихристианский культ Государству.

Императрица Елисавета так и не подписала этой грамоты, вовсе не из желания не иметь в Петербурге Университета, а просто из совершенного равнодушия к таким вещам.

Не терпевшая Шувалова, Екатерина II не любила и Ломоносова; с падением Шувалова враги Ломоносова стали все чаще оскорблять его. Они были между Статс-Секретарями и Докладчиками Императрицы: Теплов и Елагин⁴⁵. Как переменилось теперь положение Ломоносова, видно из журналов Конференции и Канцелярии, где интриги против него только усиливаются. Вследствие какого-то доноса Тауберта, Миллера, Эпинуса и Трескота, в Мае 1763 года он получил, наконец, от Прокурора Глебова⁴⁶ Высочайший Указ о пожаловании его в Статские Советники и об увольнении от Академии. Благодаря, кажется, предстательству Графа Орлова⁴⁷, занявшего место И. И. Шувалова при новой Императрице и глядевшего на него, по словам Шлецера, как на полубога, этот Указ был уничтожен, и Ломоносов остался при Академии. Орлова Ломоносов тоже просил об инаугурации Петербургского Университета. Так, по крайности, можно заключать из его письма к нему 26 июля 1762 года, в котором, поблагодарив его за какую-то личную услугу, Ломоносов продолжает: «Но удовольствие мое беско-

нечно умножится, когда совершение Вашего благодеяния истинно отеческого воспоследует; ибо оным все истинные сыны Отечества от уныния восставлены, или лучше, воскрешены будут. Напротив того злые недоброхоты Российские, в коварных своих происках, не так станут посягать на нас дерзостно. Ныне время златой знатным наукам век восставить и от презрения (в которое я было сам первый попал) избавить возлюбленный Российский род! Не укосни, М. Г., в отчаянии и дряхлости сетующее, учащееся здесь, юношество оживить отрадою и показать, что Ваше Превосходительство Бог возвысил истинным сыном Отечества, на защищение верных природных подданных Ее Величества!» Трудно теперь сказать, почему не согласилась утвердить предложения Ломоносова Императрица Екатерина II, которая не зная его не могла. Вскоре по смерти Ломоносова и имевшийся при Академии неполный Университет был закрыт. Эта мера должна была усилить, и действительно усилила и на долго обеспечила Немецкий элемент в Петербургской Академии Наук.

1

Определение и Стат Университету и Гимназии

1760 году, Февраля 14 дня

В учреждении С.-Петербургского Университета по примеру других, в Европе процветающих, как в Академическом Регламенте, в 38-м пункте, изображено, надлежит наблюдать все, что к поощрению учащихся и учащих, для порядочного течения сего важного дела, и что к славе Государства служит. И хотя в Академическом Регламенте некоторых обстоятельств и не внесено, однако ж того ж Регламента по 64-му пункту повелено: «Ежели Президент, смотря по обстоятельствам, заблагорассудит в распорядках, произведения наук касающихся, что прибавить или переменить, из чего может быть настоящая и очевидная польза, то сие ему позволено». И понеже по прилежном и обстоятельном рассмотрении всех узаконений и обрядов, употребляемых по Европейским Университетам, надлежит принять к наблюдению и в С.-Петербургском Университете нижеследующие пункты, того ради, по Указу Ее Императорского Величества, Канцелярия Академии Наук Приказали: I. Быть во оном Университете трем Факультетам: Юридическому, Медицинскому и Философскому (не упоминая о Богословском, который, как духовное дело, надлежит до Святейшего Синода); в оных трех Факультетах быть определенному числу Профессоров: в Юридическом: 1) Профессору Прав общих, 2) Прав Российских, 3) Истории и Политики; в Медицинском: 1) Профессору Анатомии и Физиологии, 2) Профессору Ботаники, 3) Профессору Химии (из которых одному обучать обще Медицину); в Философском: 1) Профессору Философии и Физики, 2) Математики, 3) Красноречия и Греческих и Латинских

Словесных Наук, 4) Древностей и Ориентальных языков. II. Главную власть Академии имеет Президент, как всего Академического корпуса Шеф, так, следовательно, и Университета Ректором почитаться должен; а для вспомоществования ему в делах Университетских и по доброму примеру иностранных Университетов, выбирать повсягодно Проректора из Университетских Профессоров, также и из Академиков, которые отправляют должность Университетского Профессора. III. Проректору прибавлять за труды жалованья к его определенному по триста рублей в год, а Академикам, отправляющим (должность) Университетского Профессора, давать еще награждения в год по двести рублей. IV. Для расположения Профессорских лекций, диспутов и других Университетских экзерциций, также для экзаменов и произвождения в градусы, должно быть Университетским собраниям, по назначению Проректорскому, в которых ему заседать выше всех Университетских Профессоров и тех Академиков, кои отправляют Университетских Профессоров должность. Сие наблюдать и на диспутах публичных и преватных и в других публичных Университетских актах. V. Дипломы производимым в ученые градусы и узаконения для вступающих в Университет Студентов давать по приложенному при сем и подписанному формуляру, за Университетскою печатью, которую для того сделать нарочно. VI. Понеже в Университете недостает многих Профессоров, то учинить: 1) В Юридической Факультет Профессора Общих Прав выписать из-за моря, ученого юриста, которой особливую способность имеет к чтению лекций; 2) Профессором Российских Прав принять по контракту бывшего при Адмиралтейской Коллегии Обер-Аудитора Федоровича⁴⁸, которой в оной чип просит челобитьем и от Профессоров свидетельствован и удостоен и от Адмиралтейской Коллегии уволен; 3) Медицины Доктором и Профессором Анатомии по экзамене и диспутах произвести Адъюнкта Протасова; 4) для чтения других Медицинских лекций определить Академиков тех наук, а в Философском Факультете Философию преподавать имеет Профессор Браун, Экспериментальную Физику он же, Браун, или Профессор Епинус, Математике обучать Профессору Котельникову, Древностей Фишеру, Красноречию и Греческим и Латинским Словесным Наукам Адъюнкту Козицкому⁴⁹, которой также со временем Профессором по экзамене произведен быть может. VII. О испрошении привилегии⁵⁰ Университетской взнестъ в учрежденную при Дворе Ее Императорского Величества Конференцию при реляции формуляр с пунктами, и когда оная Всемилоостивейше апробована и Ее Императорским Величеством подписана будет, тогда, в знак всеподданнейшей благодарности, учинить торжественной Академической акт купно с Университетскою инавгурациею, которая, сверх того, для обозрения учащим и учащимся, для славы Академии и для ведома во всем свете о С.-Петербургском Университете, весьма надобна, что и общим

согласием всех Профессоров от Генваря сего года признана за нужную. VIII. Хотя в Академическом Стате положена сумма на Университет 8090 рублей, а на Гимназию 2800 рублей, всего 10 890 рублей, однако ныне, при обстоятельном учреждении оных корпусов, усмотрено, что оной суммы к надлежащему их содержанию достать не может, ибо изо всей определенной на Академию суммы из 53 298 рублей, положено на помянутые два Департамента, которые к распространению наук и к размножению ученых Россиян в Отечестве нужнее прочих Академических Департаментов, только одна пятая доля; того ради будущим при Университете и Гимназии производить впредь жалованье, по приложенному при сем учиненному вновь Стату, а именно: на Университет по 9100 рублей, а на Гимназию по 6118 рублей, всего по 15 248 рублей в год. IX. Понеже на Гимназию, сверх суммы, положенной в Стате, исходило действительно больше полутретьих тысяч, как в 757 году всего изошло пять тысяч триста тридцать три рубли, и, следовательно, по нынешнему обстоятельному учреждению, излишка перед тем будет восемь сот пятнадцать рублей, а на Университет прибавится тысяча десять рублей, всего тысяча восемь сот двадцать пять рублей. Сие прибавление суммы, в рассуждении прибавочных к Университету четырех Профессоров, а в Гимназии на добром содержании сорока Гимназистов весьма не велико. И того ради вышеозначенная сумма должна для сих двух Департаментов употребляться и быть содержана при Коммисарстве особливо. А излишних учителей от Гимназии уволить и дать аттестаты или определить по другим местам при Академии, ежели какие сыщутся.

Граф Разумовский.

Михайло Ломоносов.

Подписано Февреля 14 дня 1760 года

2

Стат новоучрежденный,

по которому, сколько при Императорской Академии Наук в Университете и Гимназии надлежит содержать профессоров и прочих чинов, и какое кому производить жалованье, тож и какую сумму на расходы употреблять.

В Университете

Рубли

Проректору прибавочного триста рублей300

В Юридическом Факультете

Профессору Общих Прав шесть сот шестьдесят рублей660

Профессору Российских Прав шесть сот шестьдесят рублей660

Профессору Истории и Политики шесть сот шестьдесят рублей . . .660

В Медицинском Факультете

Трем Профессорам из Академиков прибавочного
по двести рублей 600

В Философском Факультете

Профессору Философии и Физики шесть сот шестьдесят
рублев 660
Профессору Математики из Академиков двести рублей 200
Профессору Красноречия и Греческих
и Латинских Словесных Наук шесть сот шестьдесят рублей . . . 660
Профессору Древностей и Ориентальных языков
шесть сот шестьдесят рублей 660
Тридцати Студентам по сту рублей 3000
Двум педелям по сту двадцати рублей 210
Писарю при Университетских Собраниях 200
Четырем сторожам сто рублей 100
На дрова, свечи, на нужные книги, на бумагу
и на прочие расходы пять сот рублей 500
Итого на Университет 9100

В Гимназии

Инспектору Гимназии прибавочного двести рублей 200

Урядные школы

Ректору и верхнего Латинского класса Учителю
четыреста рублей 400
Конректору и верхнего класса Гимназических Наук
триста шестьдесят рублей 360
Среднего Латинского класса Учителю двести рублей 200
Среднего класса Гимназических Наук Учителю двести рублей . . . 200
Нижнего класса Латинского Учителю сто пятьдесят рублей . . . 150
Нижнего класса Гимназических Наук сто пятьдесят рублей . . . 150
Верхнего Российского класса Учителю двести рублей 200
Нижнего сто пятьдесят рублей 150

Школы нынешних нужнейших Европейских языков

Верхнего Немецкого языка триста рублей 300
Нижнего двести рублей 200
Верхнего Французского класса Учителю триста рублей 300
Нижнего двести сорок рублей 240
Учителю Катехизиса сто пятьдесят рублей 150
Гимназистам 60-ти, по тридцати шести рублей,
две тысячи сто шестьдесят рублей 2160
Двум Надзирателям по шестидесяти рублей 120

Пяти сторожам сто двадцать рублей	120
Над ними Надзирателю (Кустосу) сорок восемь рублей	48
На дрова, свечи, на книги, бумагу и проч., пять сот рублей . . .	500
Итого на Гимназию:	6148
А на оба оные Департамента:	15 248

*Граф К. Разумовский.
Михайло Ломоносов*

XII ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛОВ АКАДЕМИИ НАУК

1

Среда. Октября 8 дня, 1757 году

В Канц. А. Н. прибыли пополуночи:

Г. Статский Советник Шумахер в 9 часу.

Коллежский — «— Ломоносов — 10 —

Надворный — «— Штелин — 11 —

Коллежский Ассессор Тауберт — 9 —

№ 713. Господин Коллежский Советник и Профессор Ломоносов объявил: Сего, де, числа он, Господин Ломоносов, ездил в дом Святотроицкой Сергиевой Лавры, для осмотра Академических Студентов, в каком оные распоряжении находятся; усмотрел, что те покои, в которых Студенты жительство имеют, в крайней нечистоте, да и Студенты содержат себя в беспорядке. А понеже они в смотрение поручены Господину Адъюнкту и Гимназии Инспектору Модераху, чего для ему в том доме и отведены покои, и тако происходит оное от несмотрения ево; того ради Приказали: к нему, Модераху, послать Ордер, в котором написать, дабы Студентские покои были в чистоте и оные Студенты содержали б себя порядочно, и в том иметь ему крепкое смотрение; а ежели впредь что от несмотрения ево произойдет, и за то он, Господин Модерах, имеет штрафован быть вычетом из жалованья.

№ 714. Сего числа Архангелогородской Губернии Двинского Уезду, Куростровской волости крестьянин, Осип Христофоров сын Дудин, объявил в Канцелярию кость кривую, названную им мамонтовою, в которой весу двадцать три фунта с небольшим, и оную он купил в Мезене в 1756 году, в Генваре месяце, привезенную из Пустозерска Самоятцами, и требует за каждый фунт по рублю. Приказали: для великой курьозности кривизны ее купить в Кунсткамеру, и деньги ему, по объявлении ево, за каждый фунт по рублю, и того двадцать три рубли выдать из книжной лавки от расходу Комисара

Зборомирского, записав во расход с роспискою, о чем к Комисару послать Ордер, а кость для записки в каталог и хранения отослать в Кунсткамеру при Ордере.

*Подписали: Шумахер.
Михайло Ломоносов.
И. Штелин.
Иван Тауберт*

2

1759 года, Августа 12 ч. Четверток.

В Канцелярию Академии Наук прибыли по полуночи:

Г. Коллежский Советник Ломоносов в 10 часу.

Г. Коллежский Советник Тауберт — 9 —

№ 455. Сочиненные Г. К. С. и Профессором Ломоносовым Регламенты Университету и Гимназии отослать к Г. Профессору и Гимназии Инспектору Модрагу при Ордере, и велеть по тетрадам раздать перевести на Немецкий язык, под смотрением его Гимназических Учителей, кто к тому способен, немедленно, и подать при репорте в Канцелярию.

Вышли во 2 часу, а Гг. С. С. Шумахер за болезнью и Штелин за Академическими делами не были.

*Подписали: Михайло Ломоносов.
Иван Тауберт.
И. Штелин*

3

1761 года июля 16. Понедельник.

Ломоносов в 11-м часу.

№ 351. Доношения Г. Профессора Котельникова (который отправляет должность Гимназии Инспектора) о исправлении на Троицком подворье, где Университет и Гимназия, у каменного и деревянного строения починок и о постройке вновь некоторого строения. А понеже о осмотре оного и о подаче репорта Г. Архитектору Шумахеру дан Ордер июня 21-го числа, да и сверх того неоднократно от Канцелярии подтверждаемо было, токмо от него и по ныне репорта в подаче еще нет. Приказали: ему, Г. Архитектору, в последние напоянуть, дабы он, по силе прежде посланного к нему Ордера, как надлежит починки исправить, или что вновь перестроить, о том бы, осмотра, подал репорт с ценою, неотменно сего июля числа, под опасением за неподачу удержания жалованья.

Вышел во 2 ч., а Тауберт и Штелин, за другими Академическими делами, не были.

4

1762 года, Сентября 11 дня. Среда.

Г. С. С. Тауберт в 10 ч.

И слушав:

№ 519. Указа Ее Императорского Величества из Правительствующего Сената о присылке в оный Сенат о Государственных доходах обстоятельных и кратких ведомостей, сколько тех денег ежегодно в казну доходит, куда оные в расход употребляются и по каким Указом Приказали: в Правительствующий Сенат подать репорт, которым объявить, что Академия, кроме положенной по апробованному и собственноручно подписанному от блаженные и вечной славы достойные памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны на Академию в штат суммы, ни каких Государственных доходов не имеет. А хотя при Академии и состоит книжная лавка, которая сначала заведена из получаемой на Академию суммы, к собственному ее приращению и в которую вступает, за продаваемые книги и портреты и за дело в казенные Правительства и партикулярным персонам разные инструменты и другие вещи, некоторая сумма денег, однако ж тех денег за Государственные доходы числить не можно, ибо оные паки употребляются в расход на покупку для книжной лавки и к другим художествам и разных припасов и материалов и на печатание книг бумаги, а сверх того производится из той же получаемой по книжной лавке суммы состоящим сверх штата, для размножения книжной лавки и для удовольствия книгами прочим публики служителям и мастеровым людям жалованье, к тому ж и по апробованному и собственноручно от блаженные и вечной славы достойные памяти Великой Государыни Императрицы Елисаветы Петровны о Академии Регламенту, подписанному, повелено, из книжных доходов на размножение библиотеки книгами употреблять по две тысячи рублей в год.

Вышел в 2 ч., а Г. К. С. Ломоносов за болезнью не был.

Подписал: Иван Тауберт

5

Мнение Статского Советника М. Ломоносова

№ 522. Определения Канцелярии Академии Наук и репорта в Правительствующий Сенат Сентября 11 дня, сего 1762 года, подписанного Статским Советником, Господином Таубертом, мне написать за тем не должно, что оно весьма неправильно; ибо 1) слова: «кроме положенной на Академию суммы никаких Государственных доходов она не имеет», разумеется, якобы положенная на Академию сумма была Государственной доход и из доходов употребляется на Академию. 2) А как за Государственные доходы почитаются соляные и винные сборы, также и от казенных заводов и фабрик,

в Берг и Мануфактур Коллегию получаемые прибыли, равным образом и от Академической Типографии и Книжной лавки и от других мастерств собираемые деньги суть действительно подобные Государственные доходы, о которых, по силе Указа Правительствующего Сената, в оной не отменено, подать надлежит обстоятельную краткую ведомость.

Подписал: Михайло Ломоносов

6

1763 года, Апреля 3. Четверг.

Присутствовал один Тауберт.

Секретарь Гурьев словесно объявил, что послан был из Канцелярии Академии Наук Его Высокоблагородию, Г. Коллежскому Советнику Ломоносову, Регистратор Иван Дандулин с протоколами и журналами, для подписания Его Высокоблагородия, но, возвратясь, объявил, что, де, он, Коллежский Советник, тех протоколов и журналов и ни каких дел, производимых по приказанию Статского Советника Тауберта, подписывать не будет, а должно, де, требовать на все дела резолюций от Его Высокографского Сиятельства, Академии Президента, как, де, то и Г. Статский Советник, учиненных по его приказанию протоколов, 1-го об отправлении в Географическую Экспедицию, 2-го о присутствии Надворному Советнику и Профессору Попову и Адъюнкту Красильникову в Географическом Департаменте, 3-го о подаче Г. Профессору Миллеру известия, что он в том Департаменте впредь присутствовать будет ли? не подписывает, отзываясь, будто б, де, без Президентской воли он, Г. Статской Советник, ничего учинить не может; а напоследок, как чрез него Дандулина, так и ему самому Секретарю, он, Г. Советник Ломоносов, приказал, чтоб ни по каким делам, а особливо о расходе денежной суммы, до приезде его в Канцелярию исполнения не чинить. На что Г. Статской Советник приказал, чтоб, как по прежним, так и впредь сочиняемым, по приказаниям его, протоколам и журналам, исполнение чинить, дабы в текущих по Канцелярии делах не было ни малейшей остановки, оставляя на волю его, Г. Советника Ломоносова, хотя он будет, или не будет, подписывать; которые же протоколы и по них исполнение подпишет он один, в том и ответ приемлет он, Г. Статской Советник, на себя, и о том, де, будет писать к Его Высокографскому Сиятельству, Г. Президенту; а при том будет же требовать резолюции, что означенные, учиненные по приказанию Г. Советника Ломоносова, определения апробовать и по них исполнение учинить приказать изволить ли, а без того, де, он тех определений подписывать не будет, о чем приказал записать в журнал (и вышел по полудни во 2-м часу, а Господин Коллежский Советник Ломоносов не присутствовал за болезнью).

Иван Тауберт

1764 года, Мая 12. Среда.

Тауберт в 10 ч.

Репорта его ж, Г. Котельникова, которым представить, что прошлого года починка на Троицком Подворье, где Университет и Гимназия, зачата поздно и делана нерадетельно, да и не окончена, и ради того оный дом в таком состоянии, что на будущую зиму в нем жить не можно будет, ежели нынешним летом заблаговременно починками не исправится; также кухня, в которой приготавлиют Студентам и Гимназистам кушанье, весьма худа, и требовал, чтоб оный дом и кухню осмотреть и починки исправить. Приказали: оный дом осмотреть в самом скором времени Г. Шумахеру, приглася к тому Свято-Троицкой Лавры Стряпчего, и что именно должно починить, или вновь сделать, велеть подать репорт в самой скорости, и если, по силе заключенного контракта, что следует исправить от той Лавры, то о том ему, Стряпчему, и приказать, чтоб оное исправлено было немедленно, а за тем, что следует починить от Академии, прислав работных людей, подрядить исправить ему, Архитектору, обще с Г. Профессором Котельниковым, и кто за какую цену подряжен будет, подать в Канцелярию репорт, и о том с Архитектором, и Г. Котельникову послать Ордеры, а Стряпчему повторить.

Иван Тауберт

Михайло Ломоносов не присутствовал за другими Академическими делами.

1764 года, 2 июля. Пяток.

Один Ломоносов в 10 часу.

И слушав промемории из Сухопутного Кадетского Шляхетского Корпуса о присылке в оный Корпус, для взятых собранных из некоторых Провинций и Губерний, для сочинения нового Российского Атласа, Географических известий, того ради Приказал: в оный Шляхетский Кадетский Корпус послать промеморию, которою требовать, чтоб соблаговолено было собранные в оный Корпус из Российских городов, для сочинения Российского нового Атласа, Географические известия отдать Канцеляристу Якову Волкову. Если же впредь те известия во оный Корпус понадобятся, оные присланы быть имеют обратно.

Потом приказал, для некоторых обстоятельств, сделать генеральную и верную ведомость с начала апробованного Академического Штата, т. е. с 1747 года поныне, о расходах: 1) сколько всем Гг. Профессорам, Адъюнктам, Студентам, Учителям Гимназии и ученикам произведено на жалованье; 2) сколько на покупку инструментов

и материалов и на прочие расходы, следуемые до ученого корпуса, издержано, которую и сочинить в самой крайней скорости, и для того Канцелярским служителями до кого оно следует, придти по полудни, и о том им для исполнения сию резолюцию объявить с подписками.

Михайло Ломоносов

9

1704 года, 10 Сент. Пяток.

В Присутствии Графа Разумовского.

По представлению Г. Статского Советника Ломоносова докладывано:

1) Об отложении выписывания из-за моря в здешнюю Академию иностранных Профессоров, а о научении и произведении Российских природных, посылая в иностранные Университеты, для чего и отправить бы ныне за море в разные Университеты Академических Студентов: Дмитрия Легкого, Герасима Шпынева, Афонася Горина, Петра Иноходцева, Степана Щукина, Ивана Юдина и Степана Кузнецова. Приказал: на какой сумме их за море отправить, иметь рассуждение.

По представлению Г. Статского Советника Ломоносова докладывано:

2) Об отправлении дву экспедиций для Географического описания и приложенной при том, учиненный им, Г. Ломоносовым, для тех Географов примерной инструкции. Приказал: с оных предложения и инструкции списав копии, отослать для рассмотрения в Профессорское собрание при Указе, а из одного по рассмотрению велеть представить в Канцелярию при репорте, и доложить.

По представлению Г. Статского Советника Ломоносова докладывано:

3) И приложенного при том, сочиненного им же, Г. Статским Советником, вновь Академическому корпусу Штата. Приказал: как оный, так же бы и Г. Статской Советник Тауберт своего сочинения Штат предложили в предбудущем собрании.

4) Об отдаче купленного в Академию Строгоновского дому под Академический Университет и Гимназию. Приказал: за отсутствием Статского Советника Тауберта, по оному представлению доложить в предбудущем собрании, а между тем всем, имеющимся в ведомстве Академическом, домам планы предложить на рассмотрение к следующему присутствию.

5) По репорту Г. Профессора и Гимназии Инспектора Котельникова о найме под Университет и Гимназию, за ветхостью и дальностью нанимаемого ныне дому Троицкой Сергиевой Лавры, другого дома в близости Академии. Приказал: оный репорт, сообщая к по-

данному от Г. Статского Советника Ломоносова, о доме Строгонова представлению и доложить впредь.

По представлению Ломоносова докладывано:

6) По репорту сего ж Котельникова, о принятии бывшего в Гданске Ректора, Киница, на порозжее место в Академическую Гимназию Ректором же. Приказал: оного Киница, в знании им наук и языков, освидетельствовать Гг. Профессорам Фишеру, Брауну и ему, Котельникову, и по освидетельствовании, достоин ли он быть Ректором при здешней Гимназии, о том, за общими руками, подать им в Канцелярию репорт.

10

1764 года 13 Сентября Понедельник

Присутствовали: Граф Разумовский, Тауберт, Ломоносов.

По представлению Г. Статского Советника Ломоносова, коим требовал, чтоб купленной в Академию у Строгоновых дом, для прописанных в оном резонов, отдать под Академической Университет и Гимназию, и по мнению, поданному же от Г. Статского Советника Тауберта, чтоб оный дом оставить для тех надобностей и служителей, о коих прежде предписание в Ордере Его Высокографского Сиятельства, по которым Его Сиятельство, имея довольное рассуждение, Приказал: оный дом, для прописанных в представлении Г. Статского Советника Ломоносова, резонов отдать под Университет и Гимназию, и о том учинить со обстоятельством определение.

ХІІІ

ЗАПРОСЫ,

КОТОРЫМИ ТРЕБУЮТСЯ В ИМПЕРАТОРСКУЮ АКАДЕМИЮ НАУК ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ ИЗО ВСЕХ ГОРОДОВ ВО ВСЕХ ГУБЕРНИЯХ И ПРОВИНЦИЯХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА, ДЛЯ СОЧИНЕНИЯ ВНОВЬ ИСПРАВНЕЙШЕГО РОССИЙСКОГО АТЛАСА В ОНОЙ АКАДЕМИИ

1. Город, чем огражден, каменною стеною, или деревянною, или земляным валом, полисадником, или рвами? причем показать меру их окружности, вышины, глубины; цело ли оное ограждение, или нет?

2. Много ли приходов внутри и за городом, и которые церкви каменные или деревянные; есть ли каменные новые и старинные казенные строения, и каких они времен от постройки, есть ли каменные дома тамошних обывателей, и сколько?

3. На какой реке, или озере, город построен, и на которой стороне по компасу, или по реке вниз, на обеих берегах, или на островах?

4. Когда бывают в городах ярманки; есть ли гостинные дворы, и откуда больше и с какими товарами приезжают, и которой день в неделе торговой?

5. У обывателей какие есть промыслы?

6. В каких ремеслах народ больше упражняется, и которое в лучшем состоянии находится?

7. Какие где по городам, или по селам, фабрики, или рудные заводы, или в каких от городов расстояниях и при каких реках?

8. Есть ли ряды и ярманки в каких знатных селах?

9. Где есть водяные мельницы с надлежащими плотинами, пильные, или хлебные, и на каких водах именно?

10. Где есть усолья, сколько соловарен, и по многу ль черенов, где есть озерная, или морская самосадка, либо горная соль; где есть старые оставленные усолья?

11. По оных мест рекам какие суда ходят по весне и в межень?

12. По великим рекам, и по берегам и островам морей и знатных озер, где есть оброчные рыбные ловли, и какие рыбы больше ловятся?

13. У рек, по коим есть судовой ход, на которой руке, в низ считая, лежит нагорная сторона, и на которой луговая?

14. По рекам, где ходят суда с товарами, не бывают ли где препятствия от подмытых дерев с берегов весною, или от летней пересуши?

15. Где по рекам есть пристани купеческие, из коих мест на оные с грузом приезжают, и до которых мест сплавливают, и порожные суда назад обращаются ли?

16. В которую пору по большей части реки при городах замерзают и выходят, и где бывают вешние и осенние наводнения, и как велики?

17. Где есть переволоки, через кои, с одной реки на другую, товары сухим путем перевозят, и при каких урочищах; дорога лежит по каким местам, гористым, или ровным, и на сколько верст?

18. При дорогах, по которым ездят из какого города в ближние соседние города, какие в деревнях церкви, или где есть монастыри, где мосты, перевозки, и через какие реки именно, и где дороги лесами, полями, горами, или водами, и в каких расстояниях смежные города?

19. Каждой Губернии и Провинции назначить пограничные города и крепости, села и деревни, или разделяющие их реки и другие воды поименно.

20. Где есть знатные и высокие горы, показать их положение и на которой ветр простираются.

21. В каждой Провинции каких родов хлеба сеются больше, плодovито ль выходят, рассуждая общую перед посеянным прибыль?

22. Какого где больше скота содержат?

23. Каких где больше зверей и птиц водится?

24. Где есть вредные гадины в чрезвычайном множестве, какие?

25. Ежели где есть какие в городах чертежи, оных городов самих и окрестных мест, то оные, купно с географическими известиями, присылать, или точные с них копии.

26. Назначить, где есть старых городов оставшиеся развалины, или городища, в каких состоят остатках и признаках, и как их называют?

27. Так же показать, где есть следы старых рек, которые ныне заросли и высохли, в которую сторону простираются, и как их ныне называют?

28. От северных Сибирских городов и зимовей присылать известия об островах на Ледовитом море, которые ведомы тамошним жителям, или промышленным людям, как велики, кольдалече от матерой земли, и каких зверей на них ловят, также как оные острова называются?

29. В городах, буде есть летописцы, присылать с пихт, верные копии при Географических известиях для Истории Российской.

30. В котором Уезде какой народ живет, один, или с другими смешенной?

XIV

МНЕНИЕ О УПОТРЕБЛЕНИИ НЫНЕШНИЕ РЕВИЗИИ В ПОЛЬЗУ ГЕОГРАФИИ РОССИЙСКОЙ И СОЧИНЯЮЩЕГОСЯ НОВОГО АТЛАСА

Посылаемым для переписи душ Офицерам, объезжая и описывая все места, без отягощения можно исполнить следующее: 1) каждому Офицеру сочинить перечни числа душ по каком селе и деревне, где он ревизует, не переписывая поименно, и оные перечни подавать, куда надлежит, для отсылки в Академию Наук; 2) означать, в коих селах и деревнях есть церкви, каменные ли, или деревянные, и как во имя, а где церквей нет, то означить, к каким оные деревни принадлежат приходам; 3) показать, где какие самые ближние реки, или другие воды, на которую сторону и как далече от оногo места, по сказкам жителей; 4) ежели тут будет небольшая речка, то означить, в какую она именитую реку впадает, и при каком урочище; 5) на каком оное село, или деревня, стоит положении, на горе ли, или на низком песчаном, луговом, или лесистом месте; 6) на большой ли стоит дороге, по которой из городов и каких именно проезжают, или на проселочной только; 7) как далече

отстоит от своего присутственного города, по общей сказке жителей. При сем наблюдать надлежит, чтобы одинаких дворов от главной усадьбы, самого села, или деревни несколько отстоящих особливо, помянутым образом не описывать, для избежания излишества, но причитать к оной усадьбе.

Сие когда Всемилостивейше повелено будет при нынешней ревизии исполнить, то, купно с присылающимися из городов ответами на разосланные Географические запросы, также с имеющимися в Академической Географической Архиве и впредь получаемыми специальными ландкартами, и наконец с определенными долготами и широтами нужных мест по Астрономическим наблюдениям, лет в пять сочинен и напечатан будет такой Российской Атлас, которым похвалиться можно пред всею Европою, и который принесет великую славу Ее Императорскому Величеству, сильное вспоможение в правлении Государства и всему Отечеству несказанную пользу и удовольствие.

Михайло Ломоносов.

Марта дня, 1764 года.

*(Вся бумага писана рукою писца,
подпись подлинная.)*

XV О ШЛЕЦЕРЕ

1

Из Протоколов Конференций

25 июня

Присутствовали: Миллер, Штелин, Ломоносов, Браун, Ц., Котельников, Румовский.

Relatum est, Taubertum Consil. status, elapsis diebus, per Ungebauerum privatim monuisse Academicos, ut de Schloetzero judicia sua scripta ad se mitterent, quod etiam fuerint nonnulli. Ideoque reliquos, ut idem facerent, rogavit.

Lomonosow reddidit Conventui scripta Schloezeri, suumque de ipso judicium scripto communicare promisit. Postera die misit ad Secr. sequens scriptum, manus suae subscriptione signatum:

«Ad protocollum Conventus Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae.

Perlectis speciminibus Dr. Schloezeri, laudo conatus in Rossiaco sermone discendo, gratulor non contemnendos etiam successus, sed doleo ejus temeritatem, quam quidem excusandam esse existimo, quod non proprio, ut videtur, instinctu, sed aliorum potius suasu ductus, graviora, quain exiles adhuc nervi illius in nostratibus litteris ferre queant,

atltreclare ausus sit. Quis enim alias credat, hominem non ita diu in patria nostra, et quidem plerumque inter advenas, versatum, posse cum indigenis et quidem cum eruditis veteranis de verborum significatione contendere, regulas grammaticas conscribere, imo Historiae Rossicae condendae fontes indigitare atque leges dictare? Non equidem miror tenuem, ut e schedis videre est (tempore satis proportionalem), in nostra lingua eruditionem ejus; sed excusanda non est in judicando praecipitancia, in jactando insolentia, in postulando importunitas. Etenim quoad primuin existimat a se ipso, quamvis alienigeno homine, antiquam Slavicam linguam intelligi non minus, quam a quocunque nostrate erudito. Affert et exemplum Suecuin Ihre, appellatum praestantiorum fuisse in explicandis veteribus Germanicis codicibus, quam Germanum Wachterum. Quasi vero lingua moderna Suecica minus affinis esset antiquae Teutonicae, quam hodierna Germanica? Certe hoc in casu Suecus et Germanus de majore eruditione, non de majore cognitione veteris illius sermonis certare possunt. Imo vero Suecus cum forte magis affinem se veteribus Teutonibus contendat, sine offensione sua non poterit legere haec Schloeziana. Aliter equidem de lingua antiqua Slavica et de se ac de indigenis Rossis eruditis cogitare debet Schloezerus; nempe, secum recognoscere nulla ex familia Slavicarum linguarum sibi esse vernaculam, non dico, a se excultam, seque esse novitium adhuc et tyronem in Rossiaco sermone et Slavicis litteris imbutum, proveciore autem aetate omnes fere libros antiqua Slaveno-Moravica lingua conscriptos et in cultu divino usitatos diligentissime perlegisse, in succum et sanguinem convertisse. Denique omnes dialectos provinciates hujus Imperii, verba item in aula, inter clerum et plebem usitata, distinctissime pernosse; insuper nec Polonicae linguae et aliarum Rossiicae sororum esse ignarum. Non dico, si prae reliquis suis civibus, singularem laudem propter universarum Rossiicarum litterarum culturam in patria acquisiverit. Nonne praeceps et insolens censendus est, si huic ille se aequiparandum esse contendat? Sed habet Schloezerus, unde omnes detectus resarciat, nempe bibliis Slavicis in evolvendis Rossiicae historiae monumentis loco locupletissimi dictionarii ulitur. At certe ignorat, quantum Chronicorum Rossicorum dictio differat ah antiqua Moravica, in quam versa est olim Sacra Scriptura. Rossiicam enim dialectum tunc aliam fuisse produnt vetera monumenta, quae exstant in Nestore, cujusmodi sunt pactiones, primorum Rossiae ducum cum Imperatoribus Graecis, atque leges Jaroslavicae, Правда Русская inscriptae, item reliqui historici codices, in quibus verborum usitatorum magna pars non occurrit in bibliis, neque in aliis libris ritualibus, qui plurimi sunt alienigenis parum noli. Denique versio biblica parum est exacta, nec raro aliud Slavicae voces, aliud Graecae significant.

Postulata autem Schloeziana quantam prodant illius impudentiam, pervidet clarissime quicumque studia mea in lingua vernacula el rebus

gestis patriae, item lucubrationes in evolvendis domesticis el externis monumentis, in concinnanda denique ipsa jam historia Rossiaca noverit. Haec omnia exigit Schloezerus sibi pro adminiculo, scilicet ut vir annis, meritis, honoribus atque diversarum doctrinarum scientia, Rossiacae praesertim eruditionis clarus, conaminum et meritorum suorum in condenda patriae historia magnam partem in alienigenae tyronis importunitate sepelienda esse concedat.

Ceterum profectibus suis in lingua Rossiaca bene uti et cum fructu potest Dr. Schloezerus, nec de praemio diligentiae suae dubitare, si minus ambitiose se gerendo, labores viribus suis convenientes susceperit.

*M. Lomonossow.
26 Maii, a^o 1764.*

2

11 июля

Присутствовали: Миллер, Ломоносов, Епинус, Котельников.

Kotelnicow exhibuit suum de Schloezero iudicium, vel potius sibi de illo non constare asseruit.

3

11 Октября

Присутствовали: Миллер, Ломоносов и Попов.

Мнение Ломоносова

Сия плачевная просьба у не знающих сожаление, а у сведущих о деле, смех произвести долженствует, за тем что составлена по ложным основаниям и наполнена гнусным самохвальством.

1. Приписывает автор, якобы он выписан, принять в Академию и определен к сочинению Российской Истории, по изволению и согласию Академического Собраниа, о чем в оном никогда ничего не бывало представлено, и только одним слухом о нем после увидели; ибо сперва его выписал Г. Миллер на своем коште для вспоможения, и потом представил его Президенту собственно от себя, а не общим от Конференции, или Канцелярии, именем. Сверх того, никогда оной Шлецер не считался прямым Академическим Адъюнктом, не заседал в Собраниах, не подавал голосов, ниже каких сочинений, но считался заурядными, так называемыми, Адъюнктами, до Профессорского Собраниа не надлежащими. По сему напрасно присвоет себя к такому обществу, которое формального присоединения его к себе не видит, напротив же того во все время он старших Членов, и при том еще в Российской Истории упражняющихся, у коих он особливою благосклонности искать был должен, для успехов в своем деле, чувствительно изобидел. Г. Миллеру показал великую неблагодарность; ибо чрез него будучи выписан,

на коште содержан, Его Сиятельству, Г. Президенту, рекомендован и в Академическую службу принят, презрев его вовсе, оставил и чинил многие грубости, как то Г. Миллер неоднократно на него жаловался публично в Собрании. В рассуждении меня поступки его наглыми больше, или глупыми, назвать, не знаю; ибо, приняв намерение упражняться в Российском языке и в Истории, кого пристойнее было ему, как меня, держаться? Но он, напротив того, не токмо оказывал ко мне презрение, но и дал себя в употребление моим соперникам, чтобы действовать против моих успехов, в чем дошел до такой буйности, что требовал письменно моих исторических трудов себе в пользу. По таковым его бессовестным и наглым поступкам не может, по справедливости, требовать от Академического Корпуса себе защищения, а особливо, что оное совсем не надобно; ибо Его Сиятельство, Академии Наук Г. Президент, учинит Делу сему неукоснительное решение.

2. Что же надлежит до Шлецерова самохвальства, истинно мелочи его для ученого света не так важны, чтобы от их задержания такой вред наукам воспоследовал, каков восклицаниями Шлецеровыми предвещается. Печатающаяся Российская Грамматика на Немецком языке достойна вечного погашения и забвения, за тем, что внесены в нее многие непростительные погрешности, кои впредь поправлять и истреблять излишней только труд будет. Что же надлежит до исторических изысканий из Византийского корпуса, то на сей конец уже за несколько лет изыскано мною, не токмо все, что в Славенских и с ними сплетенных писателях, но и в Древнейших Греческих, как в Геродоте, Страбоне, Птолемею и в других, много приискано для примечаний на древнюю часть Российские Истории. В сем случае рассудить можно, сколько мне помогло совершенное знание Российского и Славенского языка, также и разумение других им сродных диалектов, сверх того обширное чтение книг наших исторических и от молодых лет обращение в церковных обрядах и служебных книгах, кои, по единству Веры, многие представляют способы к изъяснению наших дел по Византийским писателям, чем никакой иностранец пользоваться не может. И так старания Шлецеровы о сем деле нам не надобны, а паче еще могут быть вредны по его прошибкам или и по склонности к предосудительным шуткам. А он ничего не потерял, за тем что получил, за оные ненадобные мелочи, жалованье. Что ж надлежит до его освобождения, то я всегда готов и желаю дать ему полную волю на все четыре стороны, а паче на восток, для собрания там (как он пишет) еще достальных искор (алмазных ли, или каких других, не ясно), оными обогатиться паче всех ювелиров, а не гоняться бы, как здесь, за пустыми блестящими.

*Михайло Ломоносов.
Октября дня, 1764 года*

3

Письмо Миллера о Шлецере Графу К. Г. Разумовскому

Сиятельному Графу, Его Императорского Величества
Ясновельможному Малороссийскому Гетману, Гвардии
Измайловского полку Подполковнику, Действительному
Камергеру, Академии Наук Господину Президенту, Орденов
Святого Андрея, Белого Орла, Святого Александра и Святые Анны
Кавалеру, Его Сиятельству,
Графу Кириле Григорьевичу Разумовскому
покорнейшее доношение

Рассуждая о летах моих и о множестве положенных на меня дел, кои по надлежащему исправить едва нахожуся в состоянии, а когда смерть меня состигнет, то с великим ущербом Российской и соседственных Государств Истории, останется много мною зачатого, и к чему потребные известия уже собраны, не в совершенстве, чего избегать можно, есть ли определен будет при мне заблаговременно из молодых ученых людей человек, знающий Исторические науки, Древности и нужнейшие Европейские, а отчасти и Ориентальные языки, которой бы, под моим руководством, как в издавании собранных мною о России и о прочих Северных и Азиатских народах Исторических и Географических известий трудился, так, и в случае смерти моей, должность сию продолжать мог; но здесь такого к сему намерению способного человека я не нашел; буде же выписать из за моря прямо в службу человека неизвестного, по одной от других рекомендации, то статья может, что в здешнюю пользу явится после негоден. Для сих причин рассудилось мне быть лучшему средству, советовать с некоторыми иностранными корреспондентами, не сыщется ли где человек ученой и к моему намерению способной, которой бы приехал сюда на моем коште, будто бы для вспоможения мне в моих делах приватно; ежели же я потом усмотрю его достойным, то Вашему Высокографскому Сиятельству его представить был намерен с рекомендацією, а буде нет, то иным образом об нем стараться я имею. И на таком основании выписал я, в прошлом 1761 году, из Геттингена Кандидата Г. Шлетцера, которой мне был выхвален, яко человек ученой и добронравной и к моему намерению во всем способной, а я держал его при себе на моем коште с полгода, дабы довольно быть об нем уверенным, пока Вашему Высокографскому Сиятельству о моем с ним намерении представлю. Ныне же я совершенно известен, что он, Г. Шлетцер, в ученых языках, в Латинском и Греческом, да отчасти и в Еврейском и в Арабском, искусен; при том, кроме достаточного знания природного Немецкого языка, знает и говорит по Французски и по Шведски, а в Исторических науках он довольно упражнялся, особливо по случаю, что несколько лет был в Швеции, прилегал к Истории Северных народов, а здесь

с немалым успехом и к Истории Российской; он же уже на Немецком и Шведском языках издавал разные Исторические книги, которые от ученых людей приняты с похвалою; к тому ж он, в короткое время бытия его при мне, так прилежно обучился Российскому языку, что уже из Российского на иностранные языки переводить может, чему есть опыт два им переведенные и на Немецком языке напечатанные Указы. Того ради Вашему Высокографскому Сиятельству его и рекомендовать я не сомневаюсь, прося, дабы соизволили его определить при мне в Адъюнкты, с обыкновенным Адъюнктским жалованием и с обнадеживанием, ежели он действительно окажет плоды своего в Российской Истории прилежания, то со временем и в Профессоры произведен быть имеет. Сей способ признаваю я за единственной к совершенному сочинению Российской Истории, для славы Империи и для пользы всенародной, чем Ваше Высокографское Сиятельство весь ученой свет превосходным образом себе обяжете.

Мая дня, 1762 года

4

Из письма Рычкова к Миллеру

Из Спасского (его имения), июня 30, 1767 года

«Г. Шлецер пишет ко мне, требуя моей корреспонденции, и обещает сочинений моих перевод сообщать от себя Шведской и Геттингенской Академиям, к чему он разные материи мне предложил. Я не знаю его состояния. Иван Иванович Тауберт пишет ко мне, дабы я о том вас спросил, а он сам моральной его характер не весьма выхваляет. Покорно прошу уведомить меня дружески, могу ль я с ним вступить в корреспонденцию и как далеко оную распространять?»

XVI

ИМЕННОЙ УКАЗ СЕНАТУ ОБ ИСКОРЕНЕНИИ БЕСПОРЯДКОВ

Этот именной, данный Сенату, Указ принадлежит, бесспорно, к замечательнейшим Указам царствования Елисаветы. Позволяем себе думать, что он написан Ломоносовым и И. И. Шуваловым поднесен Императрице. Догадка наша основывается на следующих соображениях. Указ этот выходит из ряду тогдашних Указов уже по своему содержанию, еще более отличается от них своим языком и слогом. Так не писали, не умели писать тогдашние наши дельцы и чиновники. Писателей в то время было немного, да и никто из них, кроме Ломоносова, ни по внешним, ни по внутренним причинам не мог быть автором этого Указа. В нем между тем нельзя найти ни одного слова, оборота, ни одного выражения, ни одного периода не Ломоносовских, т. е. таких, которых бы Ломоносов никогда не употребил, и в то же время в нем попадаются любимые его

эпитеты, выражения, мысли, напр.: блаженство и благосостояние Государства, внутренние общие неприятели, вкореняющееся зло пресечения не имеет, потворство и упущение, одобрение беззаконникам, кротость и умеренность в наказании преступников, истинные дети отечества, воображая долг Богу, Государству, когда долг с усердием соединен и предводителем будет и проч. Но особенно замечательно одно выражение, чисто Ломоносовское:

Несытая алчба корысти до того дошла.

В Трагедии «Тамира и Селим» читаем:

Несытая алчба имения и власти,
К какой ты крайности род смертных привела?

В трагедии «Демофонт»:

О скверная алчба могущества и злата!

Если догадка наша оправдается, то биография Ломоносова должна обогатиться новым и очень важным фактом его гражданской деятельности.

И. С. З. Т. XV, ст. 11,092.

Августа 16. Именной, данный Сенату, Указ

С каким Мы прискорбим, по Нашей к подданным любви, должны видеть, что установленные многие законы, для блаженства и благосостояния Государства, своего исполнения не имеют, от внутренних общих неприятелей, которые свою незаконную прибыль присяге, долгу и чести предпочитают, и равным образом чувствовать, что вкореняющееся также зло пресечения не имеет. Сенату Нашему, как первому Государственному месту, по своей должности и по данной власти, давно б надлежало истребить многие по подчиненным ему местам непорядки, без всякого помешательства умножающиеся, к великому вреду Государства.

Несытая алчба корысти до того дошла, что некоторые места, учрежденные для правосудия сделались торжищем, лихоимство и пристрастие предводительством судей, а потворство и упущение одобрение беззаконникам; в таком достойном сожаления состоянии находятся многие дела в Государстве, и бедные, утесненные неправосудием, люди, о чем Мы чувствительно соболезнуем, как и о том, что наша кротость и умеренность в наказании преступников, такое Нам от неблагодарности приносит воздаяние.

Повелеваем сим Нашему Сенату, как истинным детям отечества, воображая долг Богу, Государству и законам Государя Императора, Нашего любезнейшего Родителя, которые мы во всем Своими почитаем, все свои силы и старания употребить к восстановлению желанного народного благосостояния.

Хотя нет челобитен и доносов, но, по самым обстоятельствам, Сенату известным, зло прекращать и искоренять всякой Сенатор, по своей чистой совести, должен представить о происходящем вреде в Государстве, и о беззаконниках, ему известных, без всякого пристрастия, дабы тем злым пощады, а невинным напрасной беды не принести; но как истинному сыну своего отечества, памятуя страх Божий и свою должность и зная, что людям, возведенным быть судьями другим, надлежит почитать свое отечество родством, а честность дружбою; которые представления уважать, заблуждения в местах исправлять, подозрительных судей сменять и следовать, и паче всего изыскивать причины к достижению правды, а не к продолжению времени. Многие вредные обстоятельства у всех пред глазами: продолжение судов, во многих местах разорения, чрез меру богатящиеся судьи, бесконечные следствия, похищение Нашего интереса от тех, кои сохранять определены, воровство в продаже соли, при наборе рекрут и при всяком на народ налоге в необходимых Государству нуждах, все оное неоспоримые доказательства, отрывающие средства к пресечению общего вреда.

Оставляя здесь описывать другие, подтверждаем Наше повеление Сенату, дабы, приняв во уважение состояние многих деле в Государстве, которые сильного и скорого поправления требуют, со всякою ревностью стараться достигнуть успеха Нашего желания, который в благополучии наших подданных состоит, и Нам принятые меры и следствия по оным доносить, и что будет надобно для Нашей конфирмации, о том докладывать. Мы надеемся, когда только долг с усердием соединен и предводителем будет, видеть исполнение наших намерений, и что с должною ревностью и верностью поверенные наши, Сената Члены, употребят все способы к восстановлению везде надлежащего порядка, правосудия, благосостояния и общего добра.

XVII РЕПОРТЫ В АКАДЕМИЮ НАУК РАЗНЫХ ЛИЦ ПО СЛУЧАЮ СМЕРТИ ЛОМОНОСОВА

Репорты

1

В Канцелярию Академии Наук Репорт

По причине данного нам, нижеподписавшимся, Ордера о отображении надлежащих до Академии книг, писем и инструментов, находящихся у покойного Статского Советника Ломоносова, быв в его доме, 11 числа сего месяца, уведомились изустно от самой Госпожи Статской Советницы Ломоносовой, что все письма с прочими веща-

ми запечатаны печатью Его Сиятельства Графа Григорья Григорьевича Орлова, но Высочайшему соизволению Ее Императорского Величества, Всемилостивейшей нашей Государыни.

Профессор Семен Котельников.

Профессор Степан Румовский.

Секретарь Михайло Гурьев.

Апреля 13 дня, 1765 года

2

*Книги и вещи у покойного Г. Статского Советника
и Профессора М. В. Ломоносова, взятые им из Императорской
Библиотеки и Кунсткамеры*

1757 года

1. Книга Гугенсона О множестве миров, № 44.
2. Рисовальных портретов Российских Государей и Великих Князей книга.
3. Татищева Примечания к его собранию Российской Летописи.

1762 года

4. Металлическое Зеркало Невтонианской трубы.

1763 года

5. Две книги Летописцев Российских с лицами, № 34, 35.
6. Книжка Делилева о мерении земли.

1764 года

7. Летописец большой, № 5.
8. Стриковского Летописец, часть I, II.

3

*Реестр книгам, взятым из Императорской Библиотеки
покойным Статским Советником Ломоносовым*

Страбонова География, в лист.

Птоломеева География, в лист.

Ассеманов Календарь Универсальной

Assemani Calentlaria
Ecclesiae.

Церкви, в четвертку.

Universalis

Мураториева Итальянская История,
в лист

Muratorii Scriptores historiae
Italicae.

История Саксона Грамматика, в лист.

Pindari opera, in 4-to.

Пиндаровы сочинения, в четвертку.

Кульмовы Анатомические таблицы,
в осьмушку.

Kulms Tabulae anatomicae,
8-vo.

Муретовы Речи, в осьмушку. О Российском Императорском титуле, в четверку. Демосфеновы Речи, в лист. Делакальевы Основания Астрономии, в четвертку. Дегенер о торфе, в осьмушку. Фан дер Мейлоновы Купферштихи, в лист. Гейнеции Греческий Церковный Штат, в четвертку. Клеролтовы Начальные Основания Алгебры, в осьмушку. Гофман О Соляных заводах, в осьмушку. Hoffmanns vom Saltzwerk. Старой Похвальной Речи, XII том, в осьмушку. Гибнеровы Генеалогические Таблицы, т. I, в лист. Локцени О делах Шведских, в четвертку. Лаутербахов Польский Летописец, в четвертку. Дела ученых, 1715 года. Кедренова История, т. I, в лист. Константин О Управлении Государства, 2 т. Гест. Инаугурация Академии Эрлангенской, в лист.	Mureti Orationes. Demosthenis Orationes. De la Caille Fundamenta Astronomiae. Van der Meulen Kupferstichen, in fol. Heinecii Griechischer Rirchen-Staat. Elements d'algebre par Clairault, fol. Panegyrici veteris XII, in 8°. Loccenii Res Suecicae, Acta eruditorum, 1715. Cedreni Historia, t. I, in fol. Constantinus De administrando imperio t. II. Hest. Inangurat. Academiae Erlangensis.
---	---

Бакмейстер.

Апреля 10 дня, 1765 года

4

В Канцелярию Академии Наук

Репорт

В бытность мою при покойном Статском Советнике, Г. Ломоносове, делано мною, под его смотрением, следующее: 1) упражнялся в делании есктрактов по Географическим известиям, присылаемым из Российских городов; 2) приводил по алфавиту собираемые известия для Экономического Лексикона*; 3) сочинил две полярные

* Надо заметить, что Ломоносов в Географическом Департаменте изготовлял новые карты Российских продуктов и еще за несколько месяцев до своей смерти послал требование в Мануфактур-Коллегию о доставлении известий, на чьих фабриках делаются атласы, бархаты, штофы, глазеты, тафты, байка, гарусный флагтус, камлоты, восковые свечи и т. п.?

карты к книге о Северных путешествиях, кои поднесены Его Императорскому Высочеству (кроме оных еще особливо три сделаны); 4) приводил в порядок центрические обсервации, чиненные чрез шесть лет, коих таблицы уже и в печать отданы; 5) сделал земной глобус, который уже и на меди вырезывается; 6) делал разные термометрические, манометрические и барометрические разделения, и, сверх сего, 7) по большей части упражнялся в переписывании на бело, а иногда и на черно случающихся дел. О чем чрез сие Канцелярию Академии Наук сим нижайше и репортую. Тоя же Академии Наук, Геодезии Студент

*Илья Аврамов.
Апреля 18 дня, 1765 года*

5

*В Канцелярию Академии Наук**Репорт*

Канцелярии Академии Наук сим доношу, что покойный Статский Советник Г. Ломоносов, отчасти до моего сюда приезде, отчасти уже и при мне, показанные в сообщенном при сем реестре, к Лаборатории принадлежащие, вещи взял к себе. А хотя я и неоднократно, как письменно, так и словесно, требовал оных от него обратно, однако и поныне получить не мог. Чего ради Канцелярии Академии Наук, для очистки моей, еще представляю, не соблаговолишь ли она потребовать помянутых вещей от Г-жи Статской Советницы, покойного жены.

*Подписано: Леман.
Переводил: Подпоручик Панкрат Полонской.
1765 года, Апреля 12 дня*

6

*Реестр взятым покойным Статским Советником
Ломоносовым вещам из Академической Лаборатории*

Прежде моего приезде:

1. Железная папинианская машина.
2. Сделанный по Куфому манеру микроскоп, с принадлежащими к оному, в дереве утвержденными, двадцатью стеклами для отвинчивания.
3. Такой же медный.
4. Пробные весы в стеклянном футляре, при коих находятся весовые чашки и серебряная чарка.
5. Полные пробирные весы серебряные.
6. Три медных капельформов.
7. Медные весы, в 1 л.
8. <Медные весы в> 1/2 л.

9. <Медные весы в> 4 лота.
10. Футовый медный вес.
11. Ящичек с аптекарскими весами.
12. 40 стекол разной величины.
13. 20 сахарных стекол.
14. 9 стекол в 2 с шлифованными пробками.
15. 7 стекол в 1 л.
16. 8 <стекло в> 1/2 л.
17. 6 <стекло в> 1/2 л.
18. 12 <стекло в> 4 лота.
19. 1 магнит Книхтовский.

При мне:

20. Медный сосуд, называемый Гиснинкель.
21. Две деревянные формы, называемые Трейбшербен.

Леман.

Апреля 12 дня, 1765 года

7

В Канцелярию Академии Наук

Репорт

Февраля месяца сего 1765 года, по Ордеру Канцелярии и по показанию бывшего Г. Статского Советника Михаила Васильевича Ломоносова, сделано для Адмиралтейской Коллегии, кои и отданы ему, Г. Ломоносову, к трем обратным трубкам медный прибор, за что должно требовать денег тридцать рублей, да три магнитные машинки, с стальными магнитными стрелками, за каждую по четыре рубли, и того двенадцать рублей; всего сорок два рубли. А сверх оных вещей при Инструментальной Палате ничего не сделано. О сем Канцелярии покорнейше репортую.

Мастер Николай Чмусов.

Апреля дня, 1765 года

8

В Канцелярию Академии Наук

Ведомость,

сколько отпущено на счет г. Статского Советника Ломоносова из книжной лавки в разные годы

В 1761 году

Февраля	Шласперова книга о огородном деле одна . . . 3 р. 32 к.
Марта 3	Генеральные карты Российские две 1 р. 60 к.
—»— 17	Карта Американская крашенная одна 30 к.
	Рисовальная книга одна

	Грамматика Российская одна	50 к.
	Экспериментальная Физика одна	60 к.
	Генеральные карты Российские две	1 р. 60 к.
Мая 23	Краткого Летописца двенадцать	3 р.
Июля 3	Грамматика Российская одна	50 к.
—»—14	Указные книги обе	6 р. 55 к.
	Уложение и Регламент	1 р. 50 к.
	Баталии Государя Императора Петра I	4 р.
Августа 24	Панегирика Государю Императору Петру I, Французской, один	15 к.
Сентября 28	Грамматика Российская одна	50 к.
	Поэмы Героической второй две	40 к.
	Краткого Летописца два	50 к.
Декабря 28	Собрание од, в переплете, одно	60 к.
Сентября 11	Оренбургская Топография одна	1р.
	Французский Панегирик один	15 к.
	Пошлинный Тариф один	60 к.

В 1762 году

Февраля 18	Карта операционная малая одна	25 к.
Июля 6	Баталии Государя Императора Петра 1-го одна	4 р.

В 1763 году

Генваря 22	Барклаева Аргенида одна	2 р. 50 к.
Марта 3	План С.-Пб. малый один	25 к.
	Краткий Летописец один	25 к.
Сентября 11	Французский Панегирик один	15 к.
—»— 9	Оренбургская Топография одна	1р.
	Пошлинный Тариф один	60 к.

В 1764 году

Генваря 12	Карта всего Света одна	1р.
Апреля 22	Речь о мореплавании одна	25 к.
Мая	Портрет Государя Императора Петра 1-го, Венецейской, один	1р.
Августа	Экспериментальная Физика одна	60 к.
	Собрание од одно	45 к.
	Трагедия Демофонт одна	25 к.
	Краткий Летописец один	25 к.
	Поэмы обе части	40 к.
	Ода Сентября 5-го дня, одна	10 к.
	Ода на Возшествие на Престол Государыни Императрицы Елисаветы Петровны	10 к.
	Ода на 1762 год одна	10 к.

Ода на день Возшествия на Престол Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны одна	10 к.
Ода на 1764 год	15 к.
Итого за книги	40 р. 87 к.

Еще по двум реестрам от мастера Розенберга за переплет некоторых книг, переплетенных для его, Г. Ломоносова, 5 р. 1 к.

Ему ж отпускалось от 1758 года по 1765 год каждого года Русская и Немецкая Ведомость, да сего 1765 года по смерть его по Апрель месяц, и того 43 р. 50 к.

*Комисар Степан Зборомирский
Апреля 18-го дня, 1765 года*

9

В Канцелярию Академии Наук

Репорт

По Ордеру 1758 году, Ноября 18 дня, под № 1355, с требований Г. Статского Советника Ломоносова, о сделании двух барометров и шесть термометров, по указанию его и на его коште, а что за материал и работу надлежало взять за каждый барометр по одному рублю, а за термометр на каждый по рублю по пятидесяти копеек, и того одиннадцать рублей.

По Ордеру 1759 года, Февраля 24 дня, под № 242, велено мне явиться у Г. Статского Советника Ломоносова, для делания некоторых инструментов к сочиняемой им Речи будущего Апреля к 26 числу, и продолжался при нем в работе, по показанию его инструментов, по инвенциям, данным мне от него, и во время той работы, сколько на них принято материалов мною от Инспектора Ильина, и на что оные употреблены, о том приобщаю при сем реестр, а по каким ценам оные материалы покупаны были, о том я не известен.

А именно: к металлическому зеркалу, к первому.

Олова прутowego два фунта, меди красной два фунта с половиною, цинку шестьдесят золотников, наждаку один фунт.

Стеклянных тубий четыре фунта, ртути три фунта.

Масла деревянного четыре фунта, светильни бумажной четыре золотника, карандашей черных два.

Проволоки железной тонкой одна вьюшка.

Бумаги Александрийской пять листов, стекл зеркальных обрезков четверть фунта.

Сделано из одного материала инструментов, а именно:

Два барометра универсальных, один барометр с долгою трубкою.

Манометров морских два, при них по одному термометру с пиретусом, а деление у оных барометров и термометров на бумаге. Термометр с ртутью один. Три термометра с спиртусом. Термометр, составленный с спиртусом.

К инструменту сделана одна трубка о трех стеклах. Зеркал металлических разной величины сделано девять, ко второму металлическому зеркалу мерою в длину и в ширину пять дюймов, материалу издержано то же число, как и к первому.

А в сколько те инструменты ценою в казну обошлись, того я, за новостью оных, точно оценить не могу, токмо, и по моему мнению, надлежит двадцать два рубли, ибо над сделанием оных продолжалось времени слишком полтора месяца, и для того предаю оное на благорассуждение Канцелярии Академии Наук.

По Ордеру 1760 году, Генваря дня, под № 98, сделан металлический термометр и универсальный барометр, по указанию Г. Статского Советника Ломоносова, который по сделании внесен в Конференцию и поставлен с пендулом, и об оных Ордерах Канцелярии Академии Наук репортовано.

*Мастер Иван Беляев.
Апреля дня, 1765 года*

10

В Канцелярию Академии Наук

Репорт

*Для покойного Г. Статского Советника Ломоносова
переплетены и ему отданы следующие книги*

В 1750 году

В сентябре	1	Ода в золотом глазете, по обрезау с золотом, обклеена месяце золотою бумагою	40 к.
	2	тож в красной тафте, в таком же	80 к.
	20	тож в золотой бумаге, по обрезау с золотом	2 р. 80 к.
		27 сшитых	54 к.
	150	тож сшитых	3 р.

В 1751 году

В ноябре	1	рукописная Демофон трагедия в зеленой тафте, по обрезау с золотом, подклеена золотою бумагою	1 р. 9 к.
----------	---	--	-----------

В 1757 году

В сентябре		Телемаково похождение, т. 1 и 2, в Французском	
месяце		Переплете	30 к.

- 2 Оды в зеленой тафте, по обрезау с золотом,
подклеены золотою бумагою 2 р. 60 к.
6 тож в золотой бумаге, по обрезау с золотом . . 1 р. 20 к.

В 1758 году

- В Генваре 1 его Реторика, переложена бумагою,
месяце в Турецкой бумаге 24 к.
1 Теплова Грамматика Российская и Немецкая
в Французском переплете 25 к.
2 Оды в мраморном переплете по красному обрезау 1 р.
1 Русская рукописная книга в белой тафте,
по обрезау с золотом*.

В 1759 году

- В апреле 1 Карта о Российском Государстве в красной тафте 1 р.
месяце 2 Ломоносова Речь, говоренная на Российском
языке, в Турецкой бумаге.
2 его ж Речь на Латинском языке, в золотой бумаге.
3 тома его ж Од в Французском переплете 1 р.
3 его ж Речей в таком же 1 р.
11 его ж Речей в золотой бумаге.
3 Панегирик в красной тафте, по обрезау
с золотом 1 р. 86 к.
7 тож в золотой бумаге по обрезау с золотом . . . 1 р. 5 к.
6 тож в Турецкой бумаге. 30 к.
1 Ломоносова Грамматика в золотой бумаге 10 к.
2 Регламент в Турецкой бумаге 12 к.
В Сентяб. 10 Од Российских в золотой бумаге 1 р.
месяце 10 тож в Турецкой бумаге. 80 к.
40 тож сшитых. 40 к.
11 тож в золотой бумаге 33 к.
37 в Турецкой бумаге 74 к.
модель из бумаги сделана на подобие
Вавилонской башни 30 к.
В Декабре 1 Физика Российская перекладена чрез лист бумагою,
месяце в Турецкой бумаге 15 к.

В 1760 году

- В Генваре 1 Ода Российская в красной тафте,
месяце по обрезау с золотом в 4 1 р. 20 к.
В Феврале 1 Тож в таком же переплете, в 8. 60 к.

* Должно быть сочинение самого Ломоносова, верно для поднесения И. И. Шувалову.

В Мае месяце	1	Привилегии Гимназии в серебрянном глазете, золотом шиты и переключены Французскою красною тафтою 8 р. 50 к. Регламент для Гимназии в красной тафте, по обреза с золотом 1 р. 30 к. Описание вотчин покойного Статского Советника Ломоносова в Французском переплете 60 к.
В июне и Августе месяцах	1	Грамматика Российская в Турецкой бумаге 10 к.
	1	Физика Российская в таком же переплете 10 к.
	1	Сочинение Г. Ломоносова в мраморном переплете, по обреза с золотом 60 к.
	1	Сумка для клажи писем в Турецком переплете 30 к.
	1	Рисунок на холсте 30 к.
В Октябре месяце	1	Гейникова Перспективное Зеркало в Французском переплете 1 р.
	1	Русская рукописная книга в Французском переплете 80 к.
В Ноябре месяце	20	Од в золотой бумаге, по обреза с напыском 1 р. 4 к.
	50	тож в Турецкой бумаге 2 р.
	1	Панегирик в тафте, по обреза, золото 62 к.

В 1761 году

В Марте месяце	30	экземпляров Программы по обреза с золотом . . 60 к.
	1	Ода в тафте, по обреза с золотом 65 к.
	2	Речи в таком же переплете 1 р. 35 к.
	5	в золотой бумаге, по обреза с золотом 1 р.
	5	сшитых, по обреза с напыском 15 к.
	1	рисунок на холсте 50 к.
В Апреле месяце	15	Кратких Российских Лесописцев в зеленом мраморном переплете, по обреза с золотом 7 р. 50 к.
	17	тож в золот. бум. по обреза с напыск 96 к.
	1	манускрипт в Французском переплет 60 к.
В Мае месяце	6	Кратких Российских Летописцев в зеленом мраморном переплете 3 р.
	6	тож в зеленой бумаге, по обреза с напыском . . 36 к.
	2	Похождение Донкишота, т. 1 и 2 в Французском переплете 60 к.
	1	Цильникова Симон Цирентус 1 р.
В Июле месяце	1	Тракт в черной коже 50 к.
	5	Поэм в красной и зеленой тафте, по обреза с золотом 3 р. 29 к.
	5	Описание Венеры в таком же 3 р. 25 к.

	5	в золотой бумаге по образу с золотом	1 р.
	5	Поэм в золотой бумаге по образу с зол.	1 р.
	1	Указы с 1714 по 1725 год в Франц. пер.	50 к.
	1	тоже с 1725 по 1730 год в таком же пер.	50 к.
	1	Уложение в таком же	50 к.
В Августе	1	Разные письменные сочинения в Французском	
месяце		переплете	60 к.
	1	Поэм в Турецкой бумаге	5 к.
	1	Хроник в золотой бумаге	5 к.
	1	десть почтовой бумаги по обрезау вызол.	20 к.
В Сентябре	1	том разных Речей в Французском переплете	1 р. 5 к.
месяце		тома так называемой Грамматики для дамских	
		персон в таком же	1 р. 5 к.
	1	Езоповы басни, в таком же	30 к.
В Ноябре	1	Ломоносовы Оды в золотом глазете, по обрезау	
месяце		с золотом	40 к.
	3	в парче серебряной	1 р. 20 к.
	15	тож в тафте	6 р.
	47	тож в золотой бумаге по обрезау с напыск.	5 р. 34 к.

В 1762 году

В Апреле	1	Регламент для Гимназии, в золотой бумаге	8 к.
месяце	1	тоже в Турецкой бумаге	5 к.
В Октябре	1	помогал делать большую зрительную трубку	50 к.
месяце			

В 1763 году

В Генваре	2	Аргениды т. I и II, в Турецкой бумаге	20 к.
и Феврале	2	Географии в Французском переплете	1 р. 60 к.
месяцах	1	Термометр покрыт золотым глазетом	60 к.
	2	тоже красным покрыт и подложен зеленым	
		бархатом	2 к.
	1	тож покрыт красным сафьяном и вызолочен.	65 к.
В Апреле	10	фолиантов в Турецкой бумаге	1 р. 5 к.
месяце	7	квартантов в таком же переплете	70 к.
	1	в лист в Французском переплете	1 р. 30 к.
	424	Известия по обрезау с золотом	2 р. 40 к.

В 1765 году

В Генваре	1	Копировальная книга в Французском переплете	90 к.
месяце	1	Разным сочинениям в таком же переплете	90 к.
Итого			104 р. 20 к.

Розенберг.
Апреля 18 дня, 1765 года

11

Раздать по прежним местам с росписками на сем реестре

Из дому покойного Г. Статского Советника
Ломоносова принято,

Июля 9 числа, 1765 года.

По реестру Г. Профессора Румовского.

Астрономический квадрант
медный, в ящичке сосновом

Сей квадрант храним был за печатью Канцелярии Академии Наук по самое то время, пока не отдан был покойному Статскому Советнику Ломоносову, и для того, в каком он тогда был состоянии, мне не известно. Ныне складен он в ящик беспорядочно; не видно, все ли принадлежащие к нему штуки целы, и для того, пока не приказано будет Г. Чижову оный собрать, росписки в приеме оного дать не могу, тем наипаче, что на Обсерватории в квадранте такого сложения ни малой нет нужды.

Ст. Румовской

Книги, взятые из Библиотеки:

Летописец большой, № 5,
две книги Российских Летописцев
с лицами, № 34 и 35.

Стриковского Летописец, № 1 и 2.

*Сии книги приняты в Библиотеку.
Богданов*

Еще прочие дела, которые по реестру
не требованы

Пробирные вески
химические с развесом
серебряным и медным.

Оные пробирные вески Г. Надворным Советником Леманом получены.

*Ст. Румовской
(Писано рукою Румовского.)*

Химические формы для делания
капель три, да две ступицы,
и того пять штук.

Оные пять штук Г. Надворным Советником Леманом получены.
(То же.)

Объективное стекло о 95 футах.
Другое объективное стекло
о 40 футах.
Третье объективное стекло
о 505 футах.

Получены на Июля 21 дня,
1765 г.

Степан Румовской

Микроскоп составной.

Августа 31 дня, 1765 года ото-
слан к Г. Надворному Советнику
и Профессору Леману.

Большой капсель серебряной,
вызолоченный со шнурами золо-
тыми, приготовленный к приви-
легии Университета.

Оной капсель и шнуры принял
Протоколист Готфрид Албом,
Июля 12 дня, 1765 года.

Прошлых и давных лет мете-
орологических примечания,
учиненные в Сибири и в других
городах, по большей части спи-
санные. Принадлежат в Конфе-
ренц-Архиву.

Июля 9 дня, 1765 года.

18

*Октября 11 дня, 1766 года. Учиня справку, доложить.
В Канцелярию С.-Петербургской Императорской Академии Наук
Доношение*

По кончине родителя моего, Статского Советника и Профессора, Михаила Ломоносова, повелено было Академии Наук Президентом, Его Сиятельством, Графом Кирилом Григорьевичем Разумовским, выдать годовое жалованье родителя моего моей матери; но мать моя, живучи полтора года по смерти своего мужа, не имела щастия воспользоваться оною Его Сиятельства милостью подобающим образом. Того ради Канцелярию Академии Наук прошу покорнейше приказать выдать остальные оного годового жалованья деньги мне, дочери ее, оставшейся по ней наследницею.

*Елена Константинова.
1766 года, Октября дня*

19

Эпиграмма А. С. Хвостова

В том месте, где была Троянская столица,
У бедных рыбаков посеяна пшеница,
И Капитолия, судилище Царей,
Есть обитание теперь пономарей.
Дом Ломоносова, бессмертного пииты,
Жилищем сделался Демидова Никиты.